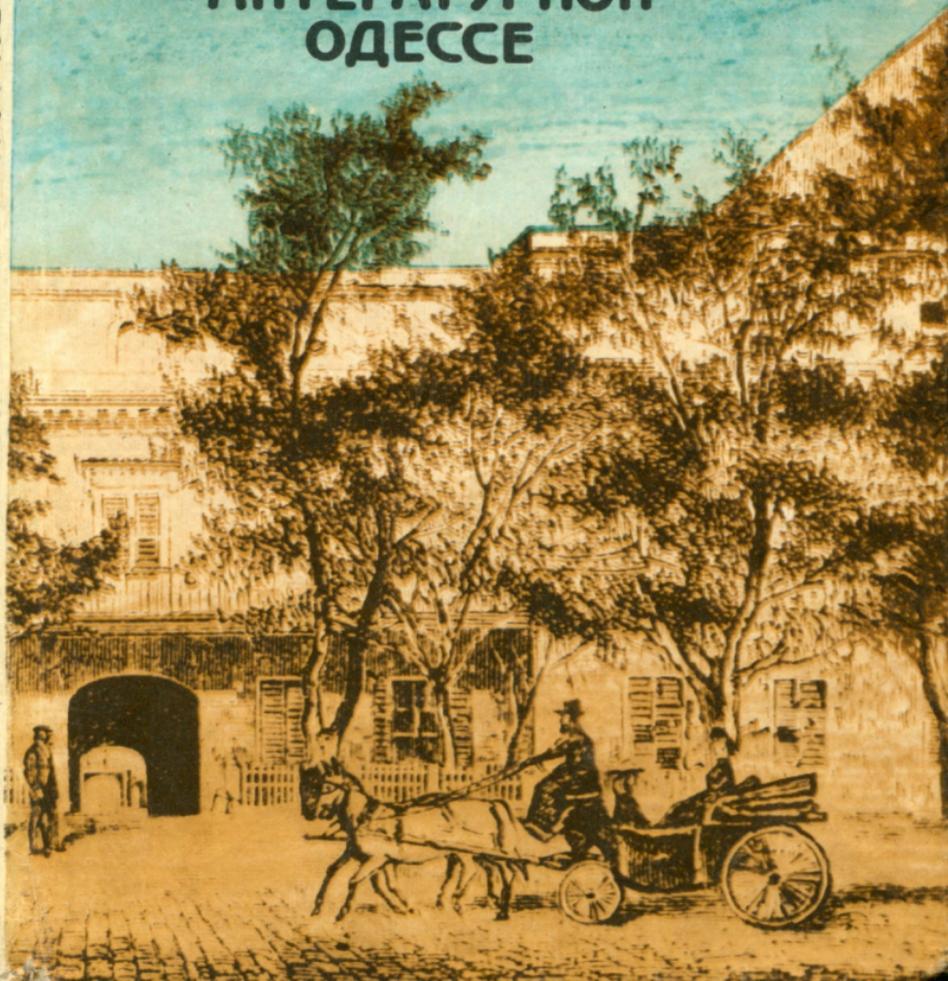

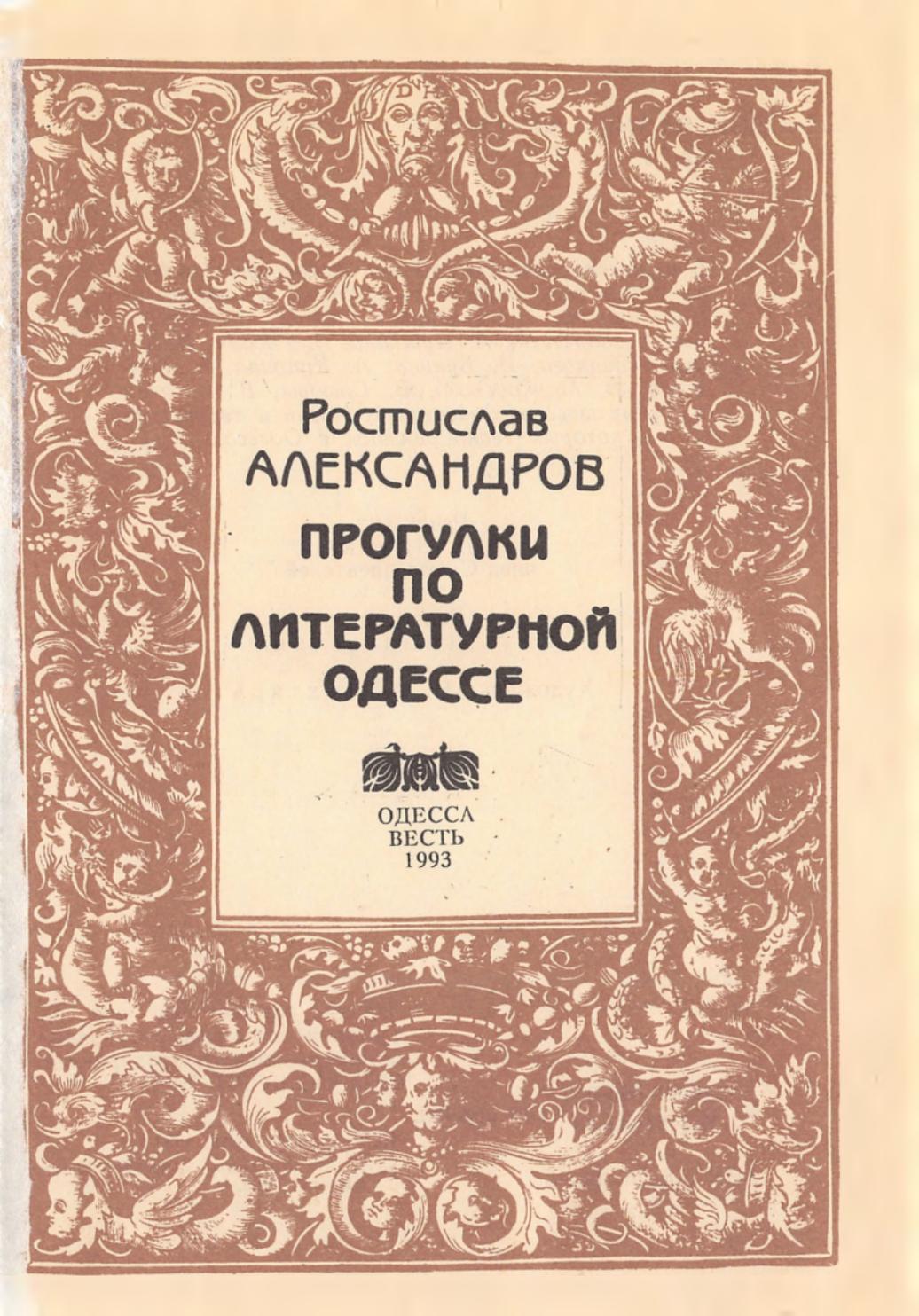
ПРОГУЛКИ
ПО ЛИТЕРАТУРНОЙ ОДЕССЕ

Ростислав АЛЕКСАНДРОВ

Ростислав АЛЕКСАНДРОВ

ПРОГУЛКИ
ПО
ЛИТЕРАТУРНОЙ
ОДЕССЕ

Ростислав
АЛЕКСАНДРОВ
ПРОГУЛКИ
ПО
ЛИТЕРАТУРНОЙ
ОДЕССЕ

ОДЕССА
ВЕСТЬ
1993

ББК 83.3(0) + 83.3(2) л6
А46

В иллюстрированной редкими фотграфиями книге автор рассказывает о наиболее примечательных зданиях и памятниках города, отображенных в творчестве А. Пушкина, Н. Гоголя, И. Нечуй-Левицкого, И. Бунина, А. Куприна, А. Толстого, В. Маяковского, В. Сосюры, В. Катаева и других известных писателей, жизнь и творчество которых тесно связаны с Одессой.

Рецензент
Г. Д. Зленко,
член Союза писателей

Редактор
О. А. Лишневская

Художник Н. А. Дехтярь

Издание осуществлено при содействии совместного украинско-американского предприятия СЕПРОС КОРП. ИНТ.

А 4205000000-003
М 246(04)-93 Без объявл.

ISBN 5-86268-022-5

© Р. Александров, 1993.
© Н. А. Дехтярь, художник-оформитель, 1993.

ОТ АВТОРА

За свое почти двухсотлетнее существование Одесса обрела богатейшую литературную историю, связанную с именами А. Пушкина, Н. Гоголя, А. Островского, В. Короленко, И. Бунина, А. Куприна, А. Мицкевича, М. Твена, И. Нечуй-Левицкого, Шолом-Алейхема, А. Толстого, К. Чуковского, М. Горького, В. Маяковского, В. Катаева, В. Сосюры и многих, многих других писателей, поэтов, драматургов, критиков. Они запечатлели на страницах своих произведений яркие мгновения истории города, его трудовую, культурную и литературную жизнь, традиции, нравы, обычаи — все то, что формирует «местный колорит», — и людей, ставших известными всему миру, и тех, кто «не дотянул» до этого высокого ранга, но без труда которых не было бы ни старой, ни нынешней Одессы. Эту «охранительную» функцию литературы отметила В. Инбер, когда, завершая повесть «Место под солнцем» — о людях и жизни Одессы начала 20-х годов, не без грусти писала: «Они жили, эти люди. Многие из них прошли и скрылись, как будто их ноги никогда не топтали легкие седые травы у дороги. Их следы остались только на этих страницах».

Но время неумолимо «размывает» прошлое: уходят из жизни старожилы, забываются факты, утрачиваются названия, меняется быт, нравы и ландшафт города — на глазах одного поколения канули в воспоминания тротуары из синих плиток лавы, каменный «массив» на пляже Ланжерон, увенчанные шарами афишные тумбы, фонтан на вокзале, куда «на возвращение» было принято бросать монеты, «грибки» трамвайных остановок...

И читателю, оторванному от былого исторического, общественного, бытового и архитектурного фона, уже не всегда понятны местные реалии литературных произведений, что нередко затрудняет их полноценное восприятие. Поэтому, как отметил академик Д. С. Лихачев, «понять литературу, не

зная мест, где она родилась, не менее трудно, чем понять чужую мысль, не зная языка, на котором она выражена».

И получается, с одной стороны, что литература сберегла память о прошлом Одессы, а с другой — чтобы понять это сбереженное, нужно знать прошлое города. Кажущуюся замкнутость этого круга размыкает литературное краеведение, которое за последнее десятилетие набрало в Одессе изрядную высоту; возвращаются забытые имена, воскрешаются отразившиеся в литературных произведениях события, открываются новые факты писательских биографий, расшифровываются местные реалии, раскрываются неизвестные псевдонимы, устанавливаются прототипы литературных персонажей, реконструируются былые литературные связи, отыскиваются давние публикации, на литературную карту города наносятся новые точки — памятники, дворцы, мосты, лестницы, дома...

К. Паустовский утверждал, что «история домов бывает подчас интереснее человеческой жизни», объясняя это тем, что «дома долговечнее людей и бывают свидетелями нескольких людских поколений». В предлагаемой вниманию читателей книге эпизоды литературной истории Одессы привязаны к отдельным домам и другим объектам, тем свидетелям прошлого, которые вошли в литературу и остались «каменными» к ней иллюстрациями.

Если читатели посчитают, что автор не напрасно тревожил покой старинных документов, книг, газет, бередил память участников и современников давних событий, злоупотреблял отзывчивостью знатоков истории Одессы, — большая заслуга в том должна быть признана за сотрудниками Одесской государственной научной библиотеки им. А. М. Горького и научной библиотеки Одесского государственного университета, постоянно оказывавшими ему неоценимую помощь, Государственного архива Одесской области, предоставившими счастливую возможность ознакомиться с сберегаемыми там документами, редакции газеты «Вечерняя Одесса», давшей многим материалам книги первую путевку к читателям, Секцией книги Дома ученых, старожилками, историками, литераторами, коллекционерами, журналистами, архитекторами, поделившимися своими знаниями, опытом, материалами.

Ветры времени

ПОТЕМКИНСКАЯ ЛЕСТНИЦА

Летом 1988 года в Одессе побывали американские участники Круиза мира. Как сообщала 2 июня газета «Вечерняя Одесса», один из них, Джон Билл из штата Алабама, едва ступив на одесскую землю, начал встревоженно спрашивать: сохранилась ли в Одессе Потемкинская лестница? Увидит ли он ее? «Ровно через час», — успокоили Джона. «Это самое важное!» — воскликнул он. Оказалось, что три дня назад по национальному каналу телевидения Джон Билл с огромным интересом посмотрел фильм «Броненосец «Потемкин».

Ее прославил в своем фильме Сергей Эйзенштейн, весной 1919 года на ее площадках ставил спектакли местный Камерный театр, а на агитационных плакатах времен Великой Отечественной войны она олицетворяла Одессу...

«Удивительна Потемкинская лестница, — утверждает современный писатель Александр Воинов в повести «Комендантский час», — когда поднимаешься по ее широким каменным ступе-

ням, кажется, что она устремлена прямо в небо. И от этого чувства нельзя отделаться, сколько бы раз ты по ней ни поднимался. И еще она напоминает о детстве и о первом свидании. А когда ты стоишь на верхней площадке... и перед тобой морская даль в сиреновой дымке, — тогда приходят думы...». Похоже, это одно из самых лирических описаний лестницы, история которой уходит в далекое прошлое.

На заре Одессы море подходило почти к самому обрыву будущего Приморского бульвара и лишь потом его «оттеснили» Приморская улица (она ныне носит имя связанного с основанием города А. В. Суворова) да портовые сооружения. И спускались тогда к морю здесь так, как о том написал А. С. Пушкин в отрывке из «Путешествия Онегина»:

*...С крутого берега сбегая,
Уж к морю отправляюсь я.*

В свободной рубашке, красной турецкой феске или, соответственно погоде, закутанный в темный широкий плащ, зажав в руке черную железную трость, сработанную из ружейного ствола неведомым мастером, он останавливался над обрывом, и утренний ветер играл его уже потемневшими волосами. Спустя столетие Эдуард Багрицкий в стихотворении «Одесса» представит, как

*Здесь он стоял...
Здесь встал плащ широкий,
Здесь Байрона он нараспев читал...*

Уже после отъезда Пушкина из Одессы на склоне появились деревянные лестницы, а в 1841 году по проекту архитектора Ф. К. Боффо «на том месте, где была тропинка, — как утверждал одесский старожил Михаил Дерibas, — воздвигнута грандиозная лестница»¹. Газета «Одесский вестник» в одной из своих заметок писала, что лестница со своими

сквозными аркадами станет украшением прибрежной части города.

Под стать архитектурному совершенству и конструкция лестницы, разработанная инженером Уптоном. Это — гигантский, сложенный из местного известняка клин, покоящийся на деревянных сваях и «прорезанный» тремя продольными и девятью поперечными сводчатыми коридорами или галереями, образующими на своих пересечениях массивные столбы. Они и поддерживают собственно лестницу: наклонную плоскость с уложенными поверх нее ступенями. А сквозные поперечные галереи и образовали на боковых стенках лестницы аркады, о которых писала газета.

Такой увидел ее в 1843 году польский писатель Юзеф Крашевский и назвал «одним из лучших памятников, которых только имеет Одесса»². Впоследствии терассирование склонов «замаскировало» конструкцию лестницы, и со стороны эскалатора она кажется уложенной по пологому склону, будто «широкое расстеленное полотнище», как отметил украинский писатель Иван Нечуй-Левицкий³.

Литераторы, описывая лестницу, словно соревновались в подборе эпитетов: Николай Гарин назвал ее в романе «Гимназисты» громадной; Александр Грин в рассказе «Случайный доход» — знаменитой; Жюль Верн, заочно, правда, в романе «Упрямец Кербабан» — монументальной, автор всеизвестного «Рыжика» А. Свирский — колоссальной... Подробно поведал о ней в письме из Одессы драматург А. Н. Островский: «С бульвара к морю ведет единственная в своем роде лестница, она разделена на 10 уступов (маршей. — Р. А.) по 20 ступенек каждый. Кажется, 200 ступеней, а входишь легко»⁴. Этот эффект достигался за счет оптимального угла наклона лестницы и количества площадок, позволяющих пешеходу передохнуть. Репортажная точность описания, сделанного А. Н. Островским, сегодня может вызвать сомнение

лишь в количестве ступеней, но сначала их действительно было 200, и лестница спускалась чуть ли не к самому морю. Засвидетельствовал это, в частности, поэт Яков Полонский, чья «Песня цыганки» еще и сегодня нет-нет да и вспыхнет гитарным перезвоном: «Мой костер в тумане светит...». Описывая Одессу в романе «Дешевый город», он отметил, что «Одесса опускала в синие волны нижние ступеньки своей колоссальной лестницы»⁵. Позже, при планировке Приморской улицы, восемь ступеней засыпали, и они, как утверждают старожилы, и поныне покоятся в глубине проезжей части.

Через семь лет после А. Н. Островского «репортаж» с лестницы продолжит в романе «Простаки за границей» посетивший Одессу Марк Твен. «...Вниз к гавани спускается гигантская каменная лестница — в ней двести ступеней, каждая пятидесяти футов длиной, и через каждые двадцать ступеней — просторная площадка, — сообщает он и заключает: — Это великолепная лестница». Называя ее гигантской, Марк Твен подчеркивал размеры лестницы, но, что интересно, она много лет так и называлась — Гигантская лестница на Приморском бульваре. А потом время внесло свои коррективы...

Вечером 14 июня 1905 года броненосец «Потемкин» под красным флагом революции отдал якорь на Одесском рейде. Наутро, когда матросы перевезли на Платоновский мол тело убитого офицером одного из организаторов восстания Григория Вакуленчука, в порт по улицам, спускам, лестницам хлынули одесситы. Был среди них молодой критик и журналист Корней Чуковский, впоследствии известный писатель. По его словам, уже в середине дня 15 июня верхнюю площадку лестницы перекрыли казаки, а вечером «лестница сплошь занята казаками и в гавань уже не пройти». «Позже я узнал, — объяснял К. Чуковский в очерке «1905 год,

июнь», — что власти с идиотским усердием попытались закупорить все входы и выходы к морю». Действительно, устроив вакханалию в порту — поджоги пакгаузов, пьяное бесчинство черносотенцев, провокаторов и уголовного элемента, власти в то же время препятствовали рабочим прорваться в порт. При этом, как свидетельствуют документы, «войска открыли ружейную стрельбу», но было ли это, в частности, на лестнице, не известно...⁶.

Но когда через два десятилетия Сергей Эйзенштейн снимал в Одессе свой фильм, он «сконцентрировал» в сценах на лестнице происходившее в разных частях города и создал обобщенную картину тупого насилия и безнадежного человеческого отчаяния. «Ребенок совсем маленький, лет восьми. Его судьба на лестнице такая: он с матерью вглядывался в далекий броненосец, и вдруг пришли солдаты-каратели, — пересказывал эту сцену писатель литературовед Виктор Шкловский, — побежали люди, люди начали прятаться за камнями уступов, бежать по ступенькам»⁷.

Вскоре после выхода фильма поэт Николай Асеев в очерке «Как снимался фильм «Броненосец «Потемкин» прозорливо утверждал, что «одесская лестница... не забудется зрителями»⁸. Детская колясочка, пущенная по лестнице ассистентами великого режиссера, прокатилась» по экранам всего мира, а ставшая широко известной лестница начала называться Потемкинской. И литераторы, которые писали о ней, нередко уже отталкивались от событий, изображенных в фильме. Скажем, украинский поэт Иван Кулик в романе в стихах «Софіївка» писал про «кам'яний каскад — широкі сходи, що їх багрила наша кров...».

История и кинематограф навсегда связали Гигантскую лестницу с мятежным броненосцем «Потемкин».

ЛЕЧЕБНИЦА ДОКТОРА ДЮБУШЕ

Чешский писатель Ян Отченашек справедливо заметил, что многие старые дома, равно как и старые люди, зачастую полны воспоминаний. Но в отличие от людей они не всегда могут «поделиться» воспоминаниями...

Более полувека «молчал» старый дом на улице Ясной, 6, где ныне помещается больница. Двухэтажный, крытый марсельской черепицей, ладно сработанный из неоштукатуренного известняка, скупое, но изящно декорированный красным кирпичом, с коваными решетками палисадника, он отлично вписывается в панораму Отрады. Этот живописный уголок города начал застраиваться в 1889 году, когда землевладельцу Д. Халайджогло был разрешен раздел его хутора и продажа участков, образовавших впоследствии улицы: Отрадную, Уютную, Ясную. В конце 1950-х годов при ремонте дома на чердаке обнаружили относящиеся к 1906 году документы Одесского комитета РСДРП. Старожилы припомнили, что в начале века здесь была больница врача-француза, а остальное прояснил поиск...

В 1897 году в доме председателя Одесского отделения Русского музыкального общества В. А. Орлова на Французском бульваре, 3, произошло событие, которому суждено было выйти за рамки семейного: из Парижа возвратилась дочь Людмила Васильевна с мужем — доктором Чарльзом Дюбуше. Супруги поселились на улице Елисаветинской (ныне — Щепкина), 7, а потом — в здании лечебницы, которую Дюбуше открыл на Ясной. По словам известного советского хирурга М. М. Дитерихса, Дюбуше был отличным специалистом а его лечебница стала популярной в Одессе.

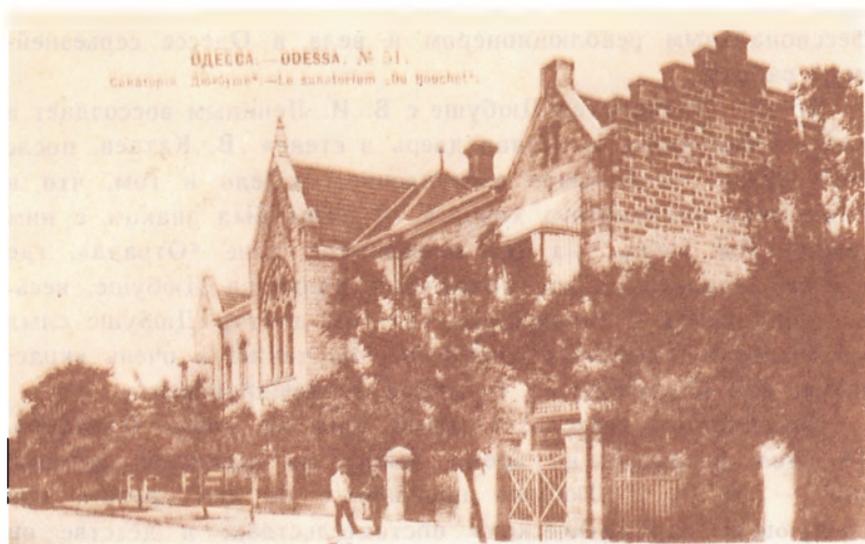
Но, как пишет в документальной повести «Барометр показывает бурю» историк В. Г. Коновалов, «были у супругов

Дюбуше и некоторые другие... дела, о чем знали только самые близкие друзья». «Людмила Васильевна, с согласия своего мужа, устроила в лечебнице склад искровских изданий и стала принимать активное участие в распространении газеты», — сообщает историк.

Дом Дюбуше, расположенный в дачной местности, благоприствал конспиративной работе. Старожилы утверждают, что из лечебницы начинался подземный ход в сторону берега моря, где были приготовлены лодки. Это, может быть, и легенда, но совершенно точно известно, что из больничного двора можно было попасть во двор дома Орлова, а оттуда — на Французский бульвар. Калитку в заборе, разделяющем два участка, запомнил старожил Отрады Е. Е. Запороженко, а след ее отчетливо виден и сегодня. Немаловажным было и то, что лечебницу всегда удобно было посетить под видом пациента.

Число пациентов особенно возросло во время событий 1905 года, когда организованный Дюбуше отряд санитаров подбирал раненых на улицах и доставлял их в лечебницу. Тогда же Дюбуше спас для российского спорта Сергея Уточкина, который вступил на Дерибасовской в схватку с погромщиками и получил удар в спину ножом. «Хирург Дюбуше в образцовой своей лечебнице сделал Уточкину сложную операцию, после которой он стал медленно, но верно поправляться», — засвидетельствовал Л. Алейников, автор биографического очерка об Уточкине, изданного в 1911 году¹.

Но Дюбуше вряд ли прочитал эти добрые слова в свой адрес. В начале 1908 года его арестовали и как иностранца, преступившего законы Российской империи, выслали за границу. Еще раньше вынуждена была скрыться Людмила Васильевна, за которой велась полицейская слежка. Дюбуше уехал в Париж, а в здании лечебницы открылась «санатория для нервных больных».

Парижский период биографии Дюбуше интересен, в первую очередь, знакомством врача с В. И. Лениным, о чем рассказала в своих воспоминаниях Н. К. Крупская: «Приехал бежавший из Сольвычегорска Инок (И. Ф. Дубровинский. — Р. А.)... Инок приехал совсем больной: ему кандалы, когда он шел в ссылку, так натерли ноги, что на ногах образовались раны... Ильич поехал посоветоваться к французскому профессору Дюбуше, прекрасному хирургу, работавшему в качестве врача во время революции 1905 года в России, в Одессе. Ильич ездил к Дюбуше с Наташей Гопнер, которая знала его по Одессе...»². Воспоминания Надежды Константиновны свидетельствуют не только о том, что знакомство Дюбуше с В. И. Лениным состоялось благодаря одесским конспиративным связям доктора, но и о достаточно высоком уровне этих связей: Серафима Ильинична Гопнер (партийный псевдоним — Наташа) была про-

фессиональным революционером и вела в Одессе серьезнейшую работу.

Эпизод знакомства Дюбуше с В. И. Лениным воссоздает в книге «Маленькая железная дверь в стене» В. Катаев, после чего делает «небольшое отступление»: «Дело в том, что я тоже знал знаменитого хирурга. Я даже был знаком с ним лично. Мы жили... на так называемой даче «Отрада», где совсем недалеко от нас находилась больница Дюбуше, весьма популярная в городе, так как сам доктор Дюбуше слыл не только выдающимся хирургом... но также и очень «красным», как назывались в то время революционеры».

Знакомство писателя, который жил на улице Отрадной, 10 (дом разрушен во время войны, по нынешней нумерации — № 9), с Дюбуше произошло, по его словам, при следующих «драматических» обстоятельствах: в детстве он стянул у бабушки стальной вязальный крючок, нитки и, вздумав вязать, тотчас же вонзил крючок в палец. Тетя помчалась с ним к Дюбуше, который, не раздумывая, вырвал крючок и отправил пострадавшего домой. Вспоминая об этом, Катаев пишет, что однажды полиция произвела в больнице Дюбуше обыск, но ничего не нашла.

Рассказ Валентина Катаева о «конспиративной» деятельности Дюбуше основан на слухах, циркулировавших некогда в Отраде. Но теперь ясно, что многое из этого соответствовало удивительной истории доктора Дюбуше.

А когда я рассказал Валентину Петровичу о находке на чердаке дома Дюбуше и первоначальном недоумении краеведов, он безапелляционно обронил: «Нужно было у меня спросить!» И потом задумчиво, как бы про себя сказал: «И бумаги сохранились, значит, правду тогда говорили в Отраде, что они при обыске не нашли»³. Взгляд Катаева при этом был таким отстраненным, будто он вглядывался в Отраду своего далекого детства.

ВОРОНЦОВСКИЙ ДВОРЕЦ

Архитектурная предыстория дворца, сама по себе достаточно бесцветная, интересна лишь как черточка той Одессы, которую мы именуем «пушкинской». «На западном конце теперешнего бульвара, там, где был незначительный домик помещика Куликовского, — указывает историк Н. Мурзакевич в книге «Одесская старина», — граф Воронцов выстроил свой великолепный дом»¹. Сооруженный по проекту архитектора Ф. Боффо в 1827 году, он на десятилетия вызвал волны восторженных описаний.

В августе 1837 года, на второй день пребывания в Одессе здесь побывал поэт В. А. Жуковский, после чего в его дневнике появилась лаконичная запись: «28 (августа.— Р. А.). Прогулка по городу. Осмотр дома графа Воронцова. Оранжереи. Медальный кабинет (нумизматическая коллекция. — Р. А.). Библиотека...»². Речь идет о богатейшей библиотеке графа, книгами из которой пользовался А. С. Пушкин еще до того, как она заняла специально отведенный зал в новопостроенном дворце. Впоследствии книжное собрание Воронцова было подарено местному университету, где под названием «Воронцовский фонд» бережно хранится и поныне, вызывая неиссякающий интерес отечественных и зарубежных ученых.

Дневники Жуковского были напечатаны только в 1901 году, а российскому читателю дворец впервые «представила» известная в свое время писательница Елена Ган в повести «Теофания Аббаджио»: «На самом углу... земельного утеса стоит великолепный дом с садом, оранжереями, террасами и красивою колоннадой впереди...»³.

Англичане узнали о дворце из путевых записок врача Эдварда Мортонна: «Это большое гладкое здание, как и

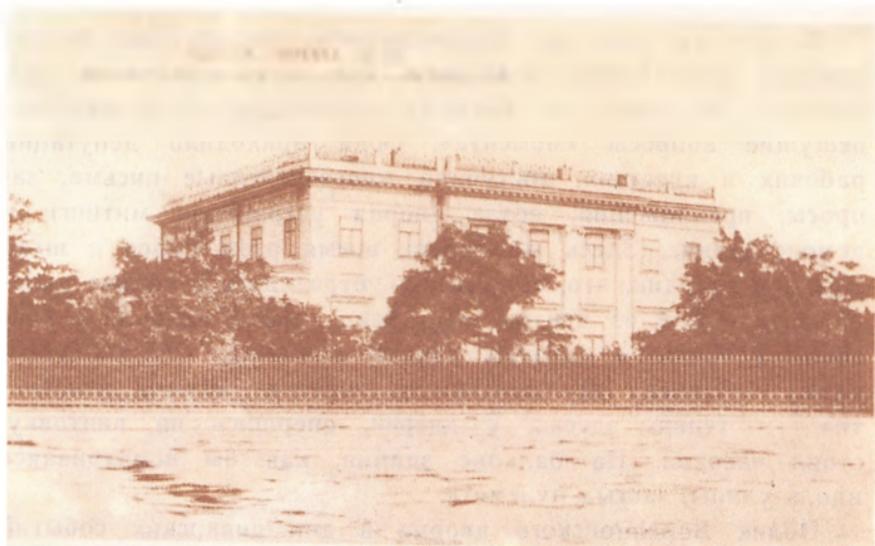
все в Одессе, оштукатуренное... К дому примыкают конюшни, выстроенные против главного входа. Вокруг здания находится сад... оканчивающийся в сторону бульвара великолепной решеткой... Под прямым углом к дому находится большое крыло, содержащее несколько обширных комнат»⁴.

Возвратившийся из Одессы американский путешественник Стеффенс утверждал, что дворец «по орнаменту и отделке внутри ...много выше таких в Италии»⁵.

Польский писатель Юзеф Крашевский считал, что «оранжерея, окруженная сверху оббегающей галереей... является одним из прекраснейших мест дворца»⁶.

Словом, каждый рассказывал о дворце сообразно своей эрудиции, вкусам и темпераменту. Но никто из авторов, скрупулезно описывая расположение и назначение помещений, рисунки каминных изразцов или, к примеру, материал дверных ручек, не назвал имени архитектора и, тем более, словом не обмолвился о тех, чьи искусные руки сработали так поразившую их красоту. Оставляя это на совести авторов и эпохи, нужно по достоинству оценить сохраненные ими документальные свидетельства о первоначальном облике одного из ценнейших архитектурных сооружений города. Ведь многие десятилетия, погрузившись в прошлое, «прихватили» с собой и боковой флигель, о котором написал Мортон, а сегодня напоминает лишь контур замурованных дверных проемов, проступающих сквозь штукатурку глухой торцевой стены дворца, и фонтан, о котором уже ничто не напоминает, и металлическую решетку, оглитую, как считается, известным петербургским мастером Бердом и утраченную уже в наши годы.

Но то же время, которое неумолимо меняло облик дворца, превратило его из памятника архитектурного в историко-архитектурный.

Когда 10 апреля 1854 года соединенная англо-французская эскадра бомбардировала город, о чем сегодня напоминает ядро в цоколе памятника Ришелье да старинная пушка на бульваре, «кроме пожженных судов, многие дома бульварные потерпели от ядер, — отмечал Н. Мурзакевич, — так: в дом и сад князя Воронцова попало до 200 ядер»⁷. Одно из них и теперь можно увидеть в стене нынешнего балетного класса на первом этаже дворца...

Яркая страница была вписана в историю дворца в 1917 году. 4 марта «Рабочий комитет по созданию Совета» обратился с призывом к одесским рабочим: «Положим конец нашей распыленности, нашей раздробленности — причинам нашей слабости, организуемся по фабрикам, заводам и мастерским и общими дружными усилиями всей рабочей семьи города Одессы создадим свой Совет рабочих депутатов»⁸.

Спустя два дня над Воронцовским дворцом был поднят красный флаг Совета депутатов. Тут почти ежедневно проходили заседания, на которых обсуждали самые животрепещущие вопросы «момента», сюда приходили делегации рабочих и крестьян, поступали многочисленные письма, запросы, предложения, возле дворца устраивали митинги и демонстрации.. Здесь же первое время размещался и штаб Красной гвардии, что, естественно, отразилось в облике дворца. «На одной из центральных улиц города находился красивый особняк, в котором раньше проживал генерал-губернатор, — писал Л. Ленский в повести «Школа ненависти», — теперь здесь.. у дверей, опершись на винтовку, стоял часовой. На балконе здания, как бы всматриваясь вдоль улицы, застыл пулемет».

Облик Воронцовского дворца в дни январских событий 1918 года возникает в романе Валентина Катаева «Зимний ветер»: «Гаврик невесело улыбнулся. Он подумал о том, что вокруг было много памятников — как на кладбище! — знаменитых зданий, дворцов — хотя бы тот же Воронцовский, в самом дальнем конце бульвара со своей знаменитой полуциркульной античной ротондой из семи белоснежных колонн (ротонда имеет два ряда по десять колонн в каждом. — Р. А.) на дымном фоне Пересыпи.. Это был его город, и он теперь дрался в нем за Советскую власть».

Во времена Воронцова на втором этаже дворца была детская комната. Советская власть весь дворец передала юным потомкам тех, кто на заре Одессы построил его «над зеленым кружевом бульвара», как написал Лев Никулин в повести «Время, пространство, движение», вспоминая свою одесскую юность.

31 декабря 1936 года сюда впервые пришли мальчишки и девчонки с красными галстуками — частицей знамени Революции, знамени Совета рабочих депутатов, память о

котором золотом врезана в мрамор мемориальной доски.

А потом Дворцу пионеров довелось вместе с городом пережить те дни, которые напоминают о себе рассказом ветерана, случайно выкопанным в саду осколком бомбы, обнажившейся вдруг рваной раной камня, страницей книги. «...Внезапно ударил колокол громкого боя — сигнал воздушной тревоги, — писал потом в повести «Скиф» прибывший в 1941 году в осажденную Одессу как военный корреспондент писатель Сергей Бондарин, — два бомбардировщика летели над хорошо мне знакомым куполом... Это был купол Оперного театра. Тройка бомбардировщиков приближалась со стороны баллюстрады Воронцовского дворца».

А после войны памятью, и клятвой на верность этой памяти, и свидетельством того, что никто не забыт и ничто не забыто,— стало имя Яши Гордиенко, юного партизанского разведчика, которое носит Дворец пионеров.

РУМЧЕРОД

Это здание, в котором ныне помещается Дворец моряков, было построено еще в 1830 году, и не порази оно когда-то польского писателя Юзефа Крашевского, сегодня мы много меньше знали бы о первоизданном облике одного из «каменных автографов» архитектора Ф. К. Боффо на Приморском бульваре.

«Со двора, достаточно темного и тесного, двойные итальянского мрамора лестницы ведут в верхние покои, — писал Крашевский после посещения Одессы в 1843 году, — по этим лестницам поднимаешься и входишь в биллиардную комнату, разделенную несколькими колоннами... на две части. Между этими колоннами стоит огромный малахитовый кубок. Поддерживает его бронзовая фигура. В комнате, куда потом попадаешь... очень красивый мраморный ка-

мин... Другой большой зал, который сверкает белизной и золотом, тянется на всю ширину дома. Люстры, канделябры, консоли, кресла — все из позолоченной бронзы: вазы и каминны из белого алебаstra и мрамора. Из этого зала входишь в меньший, продолговатый, который окружен галереей...»¹.

Подробно описанный Крашевским дворец многие десятилетия переходил из рук в руки: владели им харьковский помещик, вдовствующая графиня, оборотистый подрядчик... В конце 1860-х годов дворец был приобретен казной под резиденцию генерал-губернатора, а потом — командующего военным округом, которого одесситы «произвели» в «главнокомандующего». «Дворец главнокомандующего находился на бульваре... У входа во дворец шагал часовой, иногда входивший в полосатую будку. Вот какие древности мне известны — полосатые будки», — дивился собственным воспоминаниям Юрий Олеша в книге «Ни дня без строчки». В самом деле, ко времени написания книги прошло уже около сорока лет, как вихрь революции смел и полосатую будку, и самого «главнокомандующего», во дворце которого разместился Центральный исполнительный комитет Советов Румынского фронта, Черноморского флота и Одесской области — Румчерод.

Есть слова и понятия, давно выведенные временем из употребления, но так накрепко связанные с революцией, что само звучание их тотчас возвращает к тем далеким годам, Румчерод... И в памяти старожилов и нашей — по их рассказам, фильмам, книгам — возникают стремительно несущиеся по улицам Одессы старинные грузовики на колесах с тонкими спицами, а в кузове — революционные матросы в черных бушлатах, с красными бантами, винтовками с прижатыми к ним тонкими четырехгранными штыками.

Но это лишь внешняя сторона событий. Румчерод был

той организацией, от которой в значительной степени зависела политическая ситуация в городе. Сначала эсеро-меньшевицкий, он после своего 2-го съезда в декабре 1917 года стал большевистским и сыграл важнейшую роль в подготовке и проведении январского восстания. «В Румчереде большевики. Власть в городе находится в руках Советов», — охарактеризовал положение в Одессе после восстания Валентин Катаев в романе «Зимний ветер».

В марте 1918 года в Одессе появился новый командующий: город заняли австро-немецкие войска генерал-фельдмаршала фон Бельца.

«Дворец... был занят немецким штабом, — напишет в книге «Трава забвения» Катаев, вспоминая встречу с И. А. Буниним летом 1918 года, — на подъезде стояли парные часовые в глубоких серо-стальных касках, высоко поперек бульвара висело резко-желтое ...полотнище с резко-черной готической немецкой надписью, и Бунин, приостановившись, прочел своими дальнзоркими глазами орла: «Автомобилен лангзам фарен!», что значило приказание: «Автомобилям ехать медленно!». Два или три австрийских офицера с саблями в никелированных ножнах стояли возле штаба, читая выставленные в рамках под сетками пространные машинописные оперативные сводки...».

А восемь месяцев спустя, как написали Илья Ильф и Евгений Петров в романе «Золотой теленок», «...фон Бельц лежал в своем золотом кабинете во дворце командующего одесским военным округом с простреленной головой» — генерал покончил с собой, получив сообщение о революции в Германии. К этому периоду и относится действие одного из ранних рассказов Ильфа «Маленький негодяй», в котором описан дворец: гигантские ворота, красивые двери, огромный зал с хрустальной люстрой и бесконечным, казалось, паркетом, и приметой времени — пулеметы на крыше...

Пройдет еще шесть лет, прежде чем в стенах дворца впервые, пожалуй, со времен Румчерода, зазвучит «Интернационал» — 6 декабря 1924 года здесь торжественно открыли Дворец моряков, в котором, как сообщили одесские вечерние «Известия», «будет сосредоточено ведение культурной работы среди русских и иностранных моряков»². Во дворце на бульваре разместился тогда и Интернациональный клуб моряков, открытый еще в ноябре 1921 года, морской музей, библиотека, театр, центральный клуб водников, до этого помещавшийся на улице Гоголя, 5, в котором, кстати, много раз выступал Эдуард Багрицкий. Здесь находилась также «комната рабкоров», где еженедельно проводил занятия с рабкорами газеты «Моряк» член партии с 1917 года, участник революционных событий в Одессе писатель Николай Матяш.

Одна из самых ярких страниц истории здания связана с именем Владимира Маяковского, выступившего тут, в летнем театре, 27 июня 1926 года. Это был третий приезд поэта в Одессу, который прошел «под знаком моря»: местный журнал «Шквал» напечатал автошарж Маяковского, изображавший поэта на фоне Одесского порта; во время одного из посещений порта некий грузчик обрадовал Маяковского наказом: «Скажи Госиздату, чтобы Ленина твоего (имеется в виду поэма «Владимир Ильич Ленин». — Р. А.) дешевле издал»; в день отъезда 28 июня «в порт, горящий, как расплавленное лето», пришел пароход «Теодор Нетте», и эта встреча высекла искру творческого замысла известного стихотворения³...

В гостинице «Лондонская», что по соседству с Дворцом моряков, приезжая в родной город, останавливался Юрий Олеша и в его воспоминания о «дворце главнокомандующего» ворвалось совершенно ошеломившее писателя яркое, праздничное видение нового Дворца моряков, который с апреля 1928

года носил имя обессмертившего своим рассказом «Челкаш» Одесский порт Максима Горького. «Это учреждение пользуется большой популярностью среди молодежи в Одессе,— написал Олеша по возвращении из Одессы в 1936 году в рассказе «Комсорг»,— в нем устраиваются лекции, спектакли, сеансы кино, танцевальные вечера. Словом, это клуб. Но так как это клуб морской, то связан с такими событиями, как уход парохода или возвращение его из далекого рейса...».

Более ста лет простоявший к тому времени на Приморском бульваре дворец не пощадила война. Но восстановленный в 1951 году, он по-прежнему, как утверждал Юрий Олеша, «овеян поэзией прощаний, разлуки и встреч».

ГОРОДСКАЯ ДУМА

Приморский бульвар, 10 апреля 1944 года. «Под прекрасной классической колоннадой бывшей городской думы, на небольшой площади, по-видимому, только что закончился летучий митинг, — воссоздает события этого дня Валентин Катаев в романе «Катакомбы», — по лестнице спускался оратор, окруженный толпой. Это был седой как лунь старик в полной матросской форме русского дореволюционного военного флота. Ветер трепал синий воротник его голландки и длинные георгиевские ленты шапки с золотой печатной надписью впереди — «Князь Потемкин-Таврический»... Иногда... толпа останавливалась, и тогда матрос с «Потемкина» снимал свою старую бескозырку с ветхими георгиевскими лентами, махал ею над белой голозой и говорил старческим, но все еще сильным голосом: — Граждане славного города Одессы, поздравляю вас с великим днем освобождения от фашистских захватчиков! Да здравствует Советская власть!».

Заложенное в 1829 году, оно сразу же вошло в литературу. «В симметрии с домом графа Воронцова строится здание весьма красивой архитектуры, — отметил через год местный литератор П. Т. Морозов — ...здесь будет помещена Биржа»¹.

Архитектор Ф. К. Боффо скомпоновал здание в форме вытянутой буквы «П»: перпендикулярно залу примыкали два корпуса, торцы которых со стороны бульвара соединяла двойная колоннада коринфского ордера. За колоннадой, между корпусами, был внутренний дворик. «Храмоподобное здание биржи», как назовет его писатель Скиталец в романе «Этапы», по завершении строительства в 1834 году становится городской достопримечательностью, известной и за пределами Одессы². Через год американский путешественник Стеффенс признает в путевых записках, что «даже в Италии или Греции... редко видел более очаровательный пей-

заж при свете луны, чем колонны биржи сквозь просветы между деревьями, которые обрамляют бульвар»³.

После строительства новой биржи (ныне — филармонии) в здании старой расположилась городская дума, и постепенно интерьеры все больше и больше теряли первоначанный вид. «Та же думская зала, но она называлась «биржевая». Те же дивные колонны, но они были прежде более строгие, светло-белые, а не подрумяненные под розовый мрамор. Было меньше позолоты и больше простоты», — с грустью констатировал писатель А. М. Дерibas в «Одесском листке»⁴. К сожалению, он обошел главное: еще в начале 1870-х годов под руководством архитектора Ф. О. Моранди здание основательно перестроили. Внутренний дворик превратили в вестибюль, для чего его перекрыли, а один ряд колонн забрали каменной кладкой, на фоне которой теперь четко предстали двенадцать колонн оставшегося, наружного ряда. Эту самую приметную особенность здания и отметил в юношеском стихотворении «Бульвар» Юрий Олеша: «Направо дума, целый ряд колонн...»⁵. А установленные над колоннадой самые сегодня старые городские часы запечатлены в поэме Эдуарда Багрицкого «Февраль»:

*Вот снова я на бульваре...
Закурю, наблюдая, как вьется плавный
Лист над скамейками, как летают
Ласточки мимо часов управы...*

14 января 1918 года, наутро после январского восстания, эти часы начали отсчет другого времени: в зале бывшей думы на собрании Советов рабочих, солдатских, матросских и крестьянских депутатов была провозглашена Советская власть в Одессе. А на следующий день, когда ее пришлось защищать в кровопролитных боях, здание вновь оказалось на «перекрестке» событий. «Каждая улица имела свое

стратегическое лицо,— вспоминал географию уличных боев писатель Александр Козачинский в повести «Зеленый фургон»,— как правило, наступали от вокзала к думе по Пушкинской...». Облик здания в привязке к январским событиям 1918 года остался в романе «Хуторок в степи» Валентина Катаева: «Из выбитых окон городской думы вылетали и кружились на ветру клочья канцелярской бумаги; под изящной колоннадой с белыми статуями в нишах ползали по каменным плитам обгорелые папки, обертки дел и отчетов, черно-синие, как бы зловеще обугленные куски копирки».

Но это, как оказалось, еще не было окончательным концом думы. Через два месяца началась австро-немецкая оккупация Одессы, сменившаяся французской интервенцией.

5 апреля 1919 года, когда интервенция, что называется, доживала свои последние часы, «к особняку думы на... бульваре подкатили два грузовых автомобиля, — писал Юрий Смолич в романе «Рассвет над морем», — в кузове одной машины был отряд бойцов рабочего полка имени Старостина с несколькими пулеметами. Во второй машине — исполком Совета рабочих депутатов... Два бойца прикрепили красный флаг к флагштоку на шпилье думы». В этот день Совет рабочих депутатов объявил, что с 12 часов вся власть в городе и окрестностях перешла в его руки. Пройдут годы, и свидетель тех событий Алексей Толстой в повести «Похождения Невзорова, или Ибикус» напишет, что в «городской думе уже сидел совдеп, а по набережной мимо герцога Ришелье еще двигались уходящие повозки, кухни, пушки, равнодушные зуавы...».

Вспоминая эти дни, 10 апреля 1944 года Вера Инбер взволнованно диктовала по телефону из недавно сбросившего блокаду Ленинграда статью для «Известий». «Ровно двадцать пять лет назад, — говорилось в ней, — ...в апреле 1919 года Одесса освободилась от оккупантов. Сей-

час, в апреле 1944 года, Одесса снова стала советским городом... Военные годы, что пролетели над старым зданием, «спрессованы» в одной строфе стихотворения Виктора Бершадского «Приморский бульвар»:

*Грохот бомб и воздушной тревоги басы,
И шаги оккупации — все тут знакомо...
Вновь Советская власть городские часы
Завела над колоннами зданья обкома...*

Старожилы помнят, а молодежь должна знать, что до и некоторое время после войны здесь помещался одесский обком. А сегодня старые часы, которые ныне уважительно называют курантами, разносят по бульвару мелодию песни об Одессе: «Ты всюду со мной, ты в сердце моем...»

ОПРОДКОМГУБ

Писателю Максиму Поляновскому, литературный талант которого сочетался с мастерским владением фотокамерой, привелось в юности снимать известную киноактрису, «королеву экрана» Веру Холодную. Он вспомнил об этом сорок лет спустя, когда приехал в родной город, где не осталось уже никого из близких, и остановился в гостинице. «...Я вышел на балкон, большой, полукруглый, обнесенный чугунной узорчатой решеткой старинного литья, — писал он в книге «Остановись, мгновение...», — балкон этот... многое напомнил мне.. Много лет назад на этом самом балконе... появлялась хрупкая красивая женщина. Ее знала тогда вся страна. Да, летом 1918 года она жила в этом номере Большой Московской гостиницы. И в этой комнате летом того же восемнадцатого года предстал перед королевой экрана юноша... со своим грузным фотоящиком, даже в ту пору вызывавшим у всех удивление».

За пятнадцать лет до этого в перспективе Дерibasовской

улицы появился, как напишет Лев Славин в очерке «Итак, я жил тогда в Одессе», «силуэт гостиницы «Большая Московская» с алебастровыми мистическими мордами на фасаде» — архитектор Л. Влодек решил здание в духе западного модерна. А вскоре газеты, справочники и путеводители сообщили, что «во вновь выстроенном грандиозном пятиэтажном доме на Дерибасовской улице против Городского сада открылась гостиница»¹.

Старые издания мало доступны, и желающие лицезреть облик гостиницы давних лет могут взглянуть на нее... глазами Ильи Ильфа и Евгения Петрова. «...В рублевых номерах четвертого этажа... стояли розовые железные умывальники, — писали авторы романа «Золотой теленок», — в номерах почище, куда заезжали бильярдные короли и провинциальные драматические актрисы... стояли платяные шкафы с зеркалами и пол был обшит рыжим линолеумом. В роскошных номерах с ванными и альковами... сохранились дурацкие золоченные диванчики, ковры и ночные столики с мраморными досками. В некоторых альковах стояли даже панцирные никелированные кровати с шариками».

Почему Ильф и Петров обратились памятью к одесской гостинице «Большая Московская»? Раскроем еще раз роман:

«— Паниковского бьют! — закричал Балаганов, картинно появляясь в дверях.

— Уже?— деловито спросил Бендер.— Что-то очень быстро.

— Паниковского бьют! — с отчаянием повторил рыжий Шура. — Возле «Геркулеса».

Предоставим Бендеру выручать незадачливого «слепого», коим прикидывался Паниковский, а сами перенесемся в Одессу начала 1920-х годов. Старожилы до сих пор помнят популярную в то время песенку местного автора Мирона Ямпольского, в которой среди многочисленных черточек одесского быта было и описание свадебного стола:

*Жестяной чайник с кипятком из куба,
И мамалыга, точно кекс,
Повидло, хлеб Опродкомгуба...*

Опродкомгуб — это сокращенное название Особой губернской продовольственной комиссии по снабжению Красной Армии. Популярность учреждения, попавшего в песенку, была вполне обоснована: Опродкомгуб не только снабжал продовольствием армию, но и, пусть скудно, кормил изголодавшихся за годы гражданской войны и интервенции одесситов.

В феврале 1921 года в финсчетовом отделе Опродкомгуба, как именовали тогда бухгалтерию, появился новый бухгалтер кассово-операционного стола. Его имя со страниц многочисленных ведомостей, сводок, приказов и других служебных документов шагнет потом на обложки книг, широко известных у нас в стране и за ее пределами. Бухгалтером был Илья Ильф, который, как вспоминал его друг художник Е. Окс, утверждал, что «его учреждение единственное, абсолютно незаменимое в городе. Если его закрыть, город умрет голодной смертью»².

Благополучно пережив многочисленные чистки аппарата и сокращения штатов, Ильф прослужил в финсчетовом отделе семь месяцев и по распоряжению Губернского управления по учету рабочей силы был откомандирован «в распоряжение Рабсилы (Торговая, 4) для посылки его на работу по специальности», так как состоял к тому времени на учете литературных работников³.

«Позвольте, — скажет догадливый читатель, — ведь в финсчете служил подпольный миллионер Корейко, авторы сами рассказали об этом!» Действительно, Корейко работал счетоводом финсчетового отдела «Геркулеса». Это учреждение, как указали Ильф и Петров, было напротив Городского сада и «помещалось в бывшей гостинице... В за-

земленном лифте помещалось бюро справок... Голоса... гудели в огромном зале, который в былое время был гостиничным рестораном. Об этом напоминали потолок в резных дубовых кессонах и расписные стены, где с ужасающими улыбками кувыркались менады, наяды и дриады».

Но не будем спешить с догадками, а приглядимся повнимательней к сохранившимся в архиве документам Опродкомгуба. На многих из них резиновыми штампами оттиснуты резолюции: «В дело», «Объявить в приказе», «Поставить на вид», «Снять копию»... Того и гляди, появится любимая начальником «Геркулеса»: «А ну вас всех. Полежаев».

Не может появиться! Но об этом позже. А пока рассмотрим документы дальше: Берлага, Кукушкин, Лapidус. Кто это? Служащие «Геркулеса»? Нет. Сотрудники Опродкомгуба, отдельные черточки которого — «резиновые» резолюции, фамилии сотрудников, финсчетный отдел и, наконец, размещение его в здании бывшей гостиницы вошли в гротескное описание «Геркулеса». Но в целом, погрязший в бюрократизме и криминале «Геркулес» ни в коем случае не может быть отождествлен с Опродкомгубом, проделавшим героическую работу в тяжелейших условиях голода и разрухи.

«Мы, работники Опродкомгуба, знали, какое нечеловеческое напряжение требовалось, чтобы прокормить впроголодь город», — вспоминал в повести «Время больших ожиданий» Константин Паустовский, поступивший в Опродкомгуб в феврале 1920 года.

Он хорошо знал нюансы продовольственной политики, поскольку служил в информационно-издательском отделе, а весной 1921 года даже заведовал выпуском «Информационного листка». Как подчеркнуто в одном из документов, Опродкомгуб тогда был «в стадии проведения в жизнь прин-

ципов новой продовольственной политики (замены продразверстки продналогом. — Р. А.) и постановка на должной высоте издательско-агитационного дела являлась вопросом большой важности»⁴.

Свидетелем этого и было здание «Большой Московской» гостиницы, где Опродкомгуб разместился весной 1920 года, оставив в первоначальном своем помещении на улице Ришельевской (ныне — Ленина), 2, один отдел. «Опродкомгуб к весне переехал с Ришельевской в самую гущу... уличных акаций — в «Северную гостиницу» («Большую Московскую». — Р. А.), на Дерибасовской, — писал Паустовский, — первые годы революции отличались необыкновенной непоседливостью учреждений».

Кроме Ильи Ильфа и Константина Паустовского, из числа сотрудников, которые «променяли» потом карьеру снабженца на мученически-трудную, но счастливую судьбу литератора, можно назвать Сергея Бондарина и Виктора Финка.

И если В. Финк, И. Ильф и К. Паустовский вскоре покинули Опродкомгуб и Одессу, то С. Бондарин задержался тут дольше других.

Но в своих произведениях он вспоминает иные эпизоды, связанные с гостиницей. «До позднего часа в комнате редакции «Силуэтов», помещавшейся в одной из гостиниц на Дерибасовской улице, можно было видеть в зеленом свете абажура склонившегося над рукописями Бабея... В журнале... печатались Семен Кирсанов, Лев Славин, Семен Гехт, Алексей Югов, Осип Колычев, Татьяна Тэсс, Юрий Олеша, Олендер и, конечно, Багрицкий. Тут же покоилась и колыбель моей литературной деятельности», — признается Сергей Бондарин в рассказе «Искусство варить суп». Кроме перечисленных им, можно назвать литературоведа, впоследствии академика М. П. Алексеева, рабочего поэта и рабочего «Правды» Алексея Борисова, Николая Матяша... Пе-

чался в «Силуэтах» и местный журналист Борис Флит, известный своей плодовитостью и множеством псевдонимов — Незнакомец, Меллори и другие. Позднее он станет московским корреспондентом одесских «Известий» и появится в романе Ильи Ильфа и Евгения Петрова «Двенадцать стульев» под именем фельетониста, который до революции подписывался «Принц Датский», а потом сменил псевдоним на сообразный времени «Маховик».

Пребывание в «Большой Московской» редакции «журнала литературы, искусства, театра и кино «Силуэты» — интересный эпизод в истории гостиницы, но по большому счету она осталась в литературе благодаря Опродкомгубу.

ЗАЛ ГОРСОВЕТА

В числе множества мероприятий, коими в Одессе отметили столетие города — от издания толстого, не потерявшего своего значения и ныне исторического сборника до выпуска клетчатой ткани, так называемой «столетки», — самым значительным была закладка Новой биржи на Пушкинской улице. Это здание, где сейчас помещается филармония, в целом сохранило первоначанный облик и многое может поведать о себе.

Основные сведения сообщает чугунная «охранная» доска, укрепленная на углу здания со стороны Пушкинской улицы: «Памятник архитектуры. Новая биржа. XIX век. Арх. Бернардацци». «Есть в Одессе и здание, где когда-то производились сделки, — вспоминал Л. Утесов в книге «Спасибо, сердце». — Биржа. Это одно из красивейших зданий в городе. Как рассказывают потомки «лепетутников» (мелкие биржевые игроки и маклеры.— Р. А.), история его такова. В свое время, когда возникла необходимость в таком здании, экспортеры, банкиры при поддержке

«лепетутников» позвали итальянца-архитектора Бернардацци. — Бернардацци! — сказали они ему. — Надо построить биржу...».

Рассказанная с неистребимым утесовским юмором, эта история все же выглядела иначе. В 1891 году городские власти объявили ни больше ни меньше, как всемирный конкурс, на котором из тридцати предложений выбрали эскизный проект архитектора В. И. Прохаски из Вены, а доработать его поручили архитектору А. О. Бернардацци. Доработав и переработав проект, Бернардацци потом руководил строительством биржи, которая, как утверждал Валентин Катаев в книге «Разбитая жизнь, или Волшебный рог Оберона», считалась «одной из достопримечательностей города... с витыми колонками посреди гигантских окон, с цветными витражами, желтыми кирпичными стенами, гранитным фундаментом и мраморной лестницей, которая прямо с улицы вела в колоссальные двухэтажные мраморные сени».

Слева от этой лестницы благодарные одесситы в 1900 году установили бюст Бернардацци «в ознаменование, — как о том написано на мраморной доске, — 50-летней деятельности архитектора строителя биржи». По обе стороны бюста на мраморных же колоннах вырезаны имена тех, кому здание обязано своим неповторимым обликом: мраморщиков, скульпторов, резчиков по дереву, художников, а рядом символы их труда, вернее, искусства: циркуль, угольник, резец, молоток, пила, щипцы, палитра... Через некоторое время вознамерились было реконструировать здание с коренным изменением фасада, что удалось предотвратить благодаря протесту инженерной общественности города...

Со стороны Пушкинской улицы над высокой резной дверью с бронзовыми ручками в виде драконов начертаны годы строительства здания: 1894—1898. Полностью же работы были закончены лишь в 1899 году. Как напишут впо-

следствии Илья Ильф с Евгений Петров в невошедшей в роман «Двенадцать стульев» главе «Прошлое регистратора загса», в это время возвратился в родной город после кутежей в Париже будущий компаньон Остапа Бендера Киса Воробьянинов. Проезжая с вокзала на извозчике, он поглядывал «на городские достопримечательности: на новое здание биржи, сооруженное... в ассиро-вавилонском стиле».

Авторы вольно оценили стиль здания, что, впрочем, можно простить, так как даже профессионалы называли в разное время до пяти архитектурных стилей и, в конце концов, «сговорились» на венецианской готике, не исключая элементов мавританского стиля. «Вот биржа в мавританском стиле. Здесь в январе я стоял с томиком Чехова... и не мог донести до дому — раскрыл книгу на улице — стал читать, и на нее падал снег», — запишет свои давние воспоминания Корней Чуковский, оказавшись самым точным

из писателей «толкователем» стиля биржи¹. Флорентийский же стиль, что не так уж далек от ныне признанного венецианского и много ближе пародийного «ассиро-вавилонского», подметил в рассказе «Сестры Ван-Ли» друг И. Бунина художник П. Нилус: «Когда я подходил к бирже... я вспомнил, что нынче там бал, давно разрекламированный в газетах, и остановился пред огромными, сияющими... флорентийскими окнами»².

Наружный декор этих окон исполнил из мрамора скульптор, который, будучи мастером, не рисковал, подписывая свою работу: со стороны Пушкинской улицы на втором от угла окне свинцом врезана в мрамор надпись: «Мастерская М. Молинари».

Живописные панно главного зала работы флорентийского художника Кассиоли и фриз, написанный художником Е. Каразиным, были тематически связаны с функциональным назначением здания: «Земледелие», «Торговля», «Промышленность», «История торговых отношений России». Пройдут два десятилетия, и эта связь будет разорвана, о чем напишет в романе «Рассвет над морем» Юрий Смолич: «...Появились на своих буланках Шурка Понедилок с Сашкой Птахой. Потом въехали еще несколько всадников, — огромный зал биржи мог вместить в себя целый кавалерийский отряд... Посреди зала на дубовом стеллаже высилась огромная доска, испещренная клетками... «Валюты» — было написано сверху над доской. А в клетки вписаны были цифры: «Английский фунт — 63—66, французский франк — 3—3,5, итальянская лира — 1,1—1,15... Это была последняя на одесской бирже котировка иностранных валют».

После окончания гражданской войны в зале «бывшей биржи», как его тогда называли, устраивали торжественные мероприятия, проводили пленарные заседания Совета депутатов, организовывали литературные вечера.

Так, 26 ноября 1922 года студенческий комитет медицинского института организовал здесь литературно-музыкальный вечер с участием артистов, искусствоведов и поэтов Эдуарда Багрицкого и Владимира Овчаренко. В. Овчаренко был колоритной личностью на литературном фоне Одессы. Непременный участник литературных кружков и объединений, он много лет вел в местных газетах разделы загадочных картинок, ребусов, шарад и, по словам современников, в некотором смысле послужил Илье Ильфу и Евгению Петрову прототипом старого ребусника, деда «нежной и удивительной» Зоси Синицкой...

«Звездным» днем «Зала горсовета», как к тому времени называли биржу, было 22 марта 1928 года, здесь в последний раз в Одессе выступал Владимир Маяковский. В день приезда к нему в «Лондонскую» гостиницу пришел гостивший тогда в родном городе Семен Кирсанов. «Маяковский пригласил его выступить сегодня вместе с ним в зале горсовета», — вспоминал организатор вечеров поэта П. И. Лавут в книге «Маяковский едет по Союзу».

Ко времени приезда В. Маяковского те, кто составлял «могучую кучку» одесских литераторов начала 1920-х годов, переключались в столицу. Но в городе скоро поднимется поросль начинающих литераторов, которые потом, в меру сил внесут лепту в литературную историю Одессы: Всеволод Азаров, Маргарита Алигер, Лесь Гомин, Петр Болохин, Степан Олейник, Григорий Плоткин, Вадим Стрельченко... О том, чем стали для только оперявшейся литературной молодежи выступления Маяковского, спустя годы напишет В. Азаров в поэме «Щедрая юность»:

*В том году под сводами старинными
Главное я для себя нашел,
Видел я у Биржи
двухаршинные*

Буквы:

«Маяковский.

Хорошо!»

Ныне в бывшем зале горсовета размещается филармония и в связи с этим уместно вспомнить, что его стены «слышали» когда-то голос Ф. И. Шаляпина. Сегодня зал полностью принадлежит музыке. Но и поэтическое слово нет-нет да звучит здесь. Однако такого резонанса, как во время выступления Маяковского, оно больше уже не обретало...

«ДВОРЕЦ СПОРТА И ИСКУССТВ»

В год столетия Одессы на улицах города появились красочные афиши цирка с именем... местного «пивного короля» В. Санценбахера. Конечно, он не появлялся на арене с хлыстом укротителя или в рыжем парике клоуна, а, соблазнившись будущими барышами, за пять лет построил во дворе дома цирк по проекту инженера А. Д. Гельфанда. «Железный цирк Санценбахера», как его называли из-за обилия металлических конструкций, не был первым в городе, но его предшественники размещались в случайных, приспособленных для зрелища зданиях. Гельфанд же соорудил специальное цирковое двенадцатиугольное здание высотой 20 метров, увенчанное куполом с двойной железной обшивкой для лучшей изоляции на случай жаркой или холодной погоды. А внутри, где свободно размещались 2300 зрителей, — «плюшевый рай... рай мрамора, ступеней, золота, матовых ламп, арок, коридорчиков, эха, хохота, блестящих глаз, запаха духов, стука каблуков, мало ли чего», как восторженно описал его Юрий Олеша в книге «Ни дня без строчки».

Очарованный цирком с ранних лет, он всю жизнь писал о нем увлеченно, поэтично и как всегда метафорично: «Цирк в детстве произвел на меня колоссальное впечатление. Мне иногда хочется сказать, что желтая арена цирка это и есть дно моей жизни. Именно так — дно жизни, потому что, глядя в прошлое, в глубину, я наиболее отчетливо вижу этот желтый круг с рассыпавшимися по нему фигурками людей и животных...».

Юный Олеша ходил в совсем «молодой» цирк — регулярные представления в нем начались 25 декабря 1894 года гастролями широко разрекламированной труппы итальянских артистов братьев Феррони, разочаровавших, однако, первых зрителей. «В общем, единственные артисты, которые имели успех,— это дрессированные собаки»,— иронизировал по этому поводу в «Одесском листке» Влас Дорошевич¹. Но потом здесь выступали такие мастера манежа, как Анатолий и Владимир Дуровы, братья Никитины, дрессировщик лошадей Владимир Труцци, клоун Жакомино, борцы Иван Заикин и Иван Поддубный...

Со многими из них дружил А. И. Куприн. Писатель знал цирк, любил «людей цирка» и писал о них. Так, в 1902 году в журнале «Мир божий» появился рассказ Куприна «В цирке» — о трагическом финале борца Арбузова. Будучи больным, он вышел на манеж, был побежден и умер в своей уборной по окончании поединка. «Корни» этого рассказа — одесские. «В Одессе я знавал русского атлета Арбузова, которого я потом изобразил «В цирке», — рассказывал А. И. Куприн корреспонденту «Петербургской газеты»².

В те годы чемпионаты французской борьбы были популярным и обязательным цирковым зрелищем. «Перед последним отделением как бы сам собой на арене появлялся толстый ковер, без единой складки разостланный на опилках, — магический квадрат, бубновый туз, вписанный в

красный бархатный круг циркового... барьера с двумя звеньями, уже откинутыми в разные стороны перед небольшим, плотно задернутым занавесом, из-за которого должны были выйти борцы. К этому часу цирк уже был наполнен снизу доверху, до самой галерки, до железного рифленого купола...», — вспоминал цирк времен своего детства Валентин Катаев в книге «Разбитая жизнь, или Волшебный рог Оберона», многие страницы которой посвящены чемпионатам французской борьбы и известному всей России арбитру — дяде Ване (Лебедеву).

Встреча с цирком начиналась задолго до улицы Коблевской (ныне — Подбельского), где он тогда (да и сегодня) находился, потому что, как писал в повести «Предвестие истины» Лев Славин, «афишные столбы в городе были заклеены плакатами с изображением могучих полуголых дядек, извивавшихся на ковре в красивых схватках».

Приметой далекого одесского детства остался цирк и в поэме Осипа Кольчева «Зарницы и гроза»:

*...Я вспомнил отчий город свой,
Полеты Уточкина над Одессой,
Заикин на арене цирковой.*

Но если в памяти многих литераторов воспоминания о цирке вспыхивали феерически-яркими картинками детства, то в революционной истории Одессы с ним связаны события, свидетельствовавшие об ожесточенной политической борьбе.

23 мая 1917 года в цирке на собрании рабочих и солдатских депутатов в разгоревшейся между большевиками и соглашателями дискуссии выступил руководитель профсоюза металлистов, известный в Одессе рабочий-токарь Петр Старостин, который потребовал передачи власти в руки Советов...

12 декабря 1918 года, когда со дня на день ожидалась высадка десанта интервентов, в цирке состоялся митинг, на

котором большевики дали решительный бой меньшевикам и эсерам. «В цирке не было где ни сесть, ни стать,— напишет Юрий Смолич в романе «Рассвет над морем», — на каждом стуле сидели по двое, в проходах стояли стеной, были полными все вестибюли». Представитель областного комитета партии Иван Клименко с трудом протиснулся на галерку, откуда в решающий момент крикнул: «Прошу слона!» На следующий день газета «Одесские новости» признала, что «призывы и лозунги большевика-оратора встретили самое бурное одобрение со стороны аудитории»³.

22 февраля 1920 года в цирке состоялся митинг-концерт, обстановку которого сохранили воспоминания В. Галицкого «Театр моей юности»: «Я стою за кулисами. Тянет холодом и острым запахом навоза. Сизо плывет над рядами облако махорочного дыма... Кепки, папахи, редкие шляпы, кубанки. Я дрожу от возбуждения и твержу про себя лозунг, перехватывающий центральную ложу прямо передо мной: «Даешь мировой Октябрь... Даешь... Даешь мировой Октябрь... Даешь... Даешь...». Оркестр над головой играет марш... На митинге выступали ораторы. Они говорили без бумажек, криком на всю арену, зажав кепку в руке, рубя воздух рукою. Их было много».

Галицкий же вспоминает и о том, что тогда «бывший цирк... превратился в Дворец искусств». Однако в литературе, художественной и исторической, этому агитационно-зрелищному учреждению посвящены лишь несколько страниц мемуаров, описывающих спектакль во Дворце искусств.

Но архивы и газеты той поры хранили сведения о Дворце спорта и искусств, как он официально тогда назывался.

15 октября 1920 года цирк был передан в распоряжение политико-просветительного отдела губвоенкомата, помещавшегося на улице Пушкинской, 33. Не пройдет и месяца, как одесские «Известия» сообщат, что «Октябрьские тор-

ОДЕССА. — ODESSA. № 138.
Циркъ „Варьете“. — Cirque „Varietè“.

жества ознаменовались открытием нового культурно-просветительного учреждения имени Октябрьской революции «Дворца спорта и искусств» для рабочих и красноармейцев...»⁴. При дворце сформировали драматическую труппу под руководством известного режиссера Н. Собольщикова-Самарина, создали оркестр, собрали цирковую труппу и организовали литературную часть.

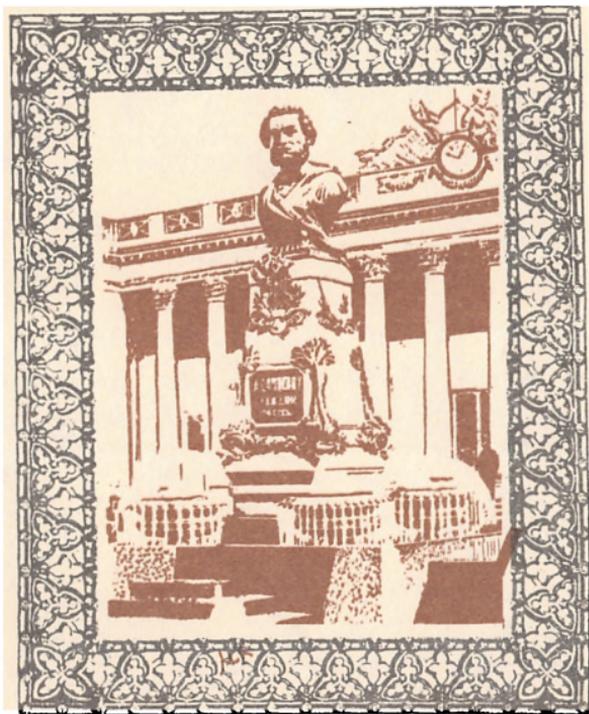
Как подчеркивалось в «Положении о «Дворце спорта и искусств» имени Октябрьской революции 1917 года», «лучшими сатирическими поэтами гор. Одессы составляет вперед на неделю репертуар из кратких обзоров, куплетов»⁵. Вместе с тем указывалось, что «каждое событие политического дня должно быть немедленно (в тот же вечер) использовано в качестве темы для репертуара»⁶.

В программах Дворца были французские мелодрамы девятнадцатого века в постановке Собольщикова-Самарина, выступления гимнастов и акробатов, распространенные тогда инсценировки отдельных стихотворений — «Манифест барона Врангеля» Д. Бедного, «Каменщик» В. Брюсова, «Тревога» В. Князева... 20 ноября инсценировали не дошедшее до нас стихотворение Эдуарда Багрицкого «Выборы в Совет»... Для литературного обеспечения программ сформировали так называемый резерв политрабтников, куда 13 ноября 1920 года были зачислены с исполнением обязанностей литературных инструкторов⁷ Эдуард Багрицкий, Василий Регинин и Георгий Шенгели.

Деятельность «Дворца спорта и искусств» прекратилась в 1921 году, а 30 декабря 1922 года после трехлетнего перерыва в цирке возобновились регулярные представления.

„Там долго ясны небеса...”

ТЕАТР

На исходе первой четверти прошлого века Одесса была еще совсем молодым городом: немощные улицы, невысокие дома, Публичный, позже Городской, сад, наполненный более пылью, нежели зеленью, редкие фонари, в которых горел фитиль, смоченный очищенным конопляным маслом. В лунные же ночи фонари и вовсе не зажигали. В темноте дышало море, и зыбкая лунная дорожка добегала до самого берега, до черных скал, еще не остывших от полуденного зноя. А наверху, где только начинали устраивать бульвар, звенели в бурьянах цикады и темнел на фоне неба античный силуэт Городского театра.

«Театр — одно из прекраснейших зданий в городе и на лучшем месте. Ложи расположены полукругом в три этажа; над третьим раек (галерка.— Р. А.), партер амфитеатром, он в несколько уступов... Все устроено с наилучшим размером и вкусом... Гардероб (костюмы. — Р. А.), как я слышал, очень достаточен, декорации не-

которые видел и нашел их изрядными», — с обстоятельностью путешественника прошлых времен писал о театре князь И. М. Долгорукий¹, «поэт чувствительный и сатирический»², как отзывался о нем В. Г. Белинский. В сочинении с простран-ным названием «Славны бубны за горами, или Путешествие мое кое-куда 1810 года» князь описал театр, годом раньше построенный архитектором Ф. Фраполи по несколько изменен-ному им проекту петербургского зодчего Тома де Томона. В отличие от нынешнего, старый театр главным фасадом с шестиколонным портиком был обращен в сторону моря, а боковым — к Ришельевской, теперь Ленина, улице, где по левую руку от него помещался отель Рено.

С городским театром неразрывно связано имя А. С. Пуш-кина, высланного из столицы на юг за вольнолюбивые стихи. Поэт неоднократно бывал в театре, слушал здесь известных отечественных и зарубежных певцов.

Через несколько лет после отъезда А. С. Пушкина из Одессы в черновиках «Путешествия Онегина» появятся строч-ки, в которых сквозь спасительную иронию проступит гор-ечь разлуки с «новоявленными друзьями», морем, городом, приютившим опального поэта:

*...я от милых южных дам,
От жирных устриц черноморских,
От оперы, от темных лож,
И, слава богу, от вельмож
Уехал в тень лесов Тригорских
В далекий северный уезд,
И был печален мой отъезд.*

Эти строчки остались в черновиках. Пушкин не разба-вил горечью искрометно-жизнелюбивое описание Одессы, ко-торое называют сегодня одесской главой «Евгения Оне-гина»...

Она впервые была напечатана в «Московском вестнике»

за март 1827 года. В то время почта из Москвы в Одессу ходила, вернее, ездила на перекладных тройках два раза в неделю со скоростью 140 верст в сутки. Стало быть, в Одессе журнал со стихами получили где-то в десятых числах апреля, что видно из письма к Пушкину приятельствовавшего с ним поэта В. Туманского.

В Одессу, вероятно, попало немного экземпляров московского журнала. Но вскоре пушкинские стихи узнали все читающие горожане: газета «Одесский вестник» 20 апреля перепечатала их из московского журнала. Редакция снабдила их предисловием, представляя «отрывок из седьмой главы «Евгения Онегина», стихотворного романа А. С. Пушкина, в котором пленительными стихами, в картине яркой, верной и веселой изображено физическое и нравственное состояние Одессы»³. Как утверждал автор предисловия, коим, скорее всего, был В. Туманский, «пребывание г. Пушкина в нашем городе придает особую занимательность сему прелестному отрывку, и мы уверены, что все читатели будут нам благодарны за напечатание одного в Одесском вестнике. Между тем мы надеемся, что знаменитый наш поэт простит нам похищение сих стихов». Но «похищение» стихов одесской газетой не было для поэта неожиданным, так как накануне публикации, 19 апреля Туманский сообщил Пушкину: «В будущем номере мы осмеливаемся напечатать, любезный Пушкин, твое описание Одессы. Оно принадлежит нам по праву, ибо в нем заключается грамота на бессмертие для нашего города»⁴.

В «Одесском вестнике» последняя строчка отрывка звучала иначе, чем в последующих изданиях пушкинского романа: «И так я жил тогда в Одессе...» Впоследствии Пушкин вместо определяющего «и так» поставит констатирующее «итак»: «Итак, я жил тогда в Одессе...».

Стихи Пушкина стали первым поэтическим произведе-

нием, опубликованным в одесской прессе. Ведь что до этого печатал «Одесский вестник»? Сообщения о назначениях в столице и в канцелярии генерал-губернатора. Иностранную хронику. Торговые известия. Статьи о сельском хозяйстве и археологических находках. Городские новости типа: «Начали ломать дом, стоявший на углу Ришельевской улицы, против Театра (на месте нынешнего сквера рядом с Дворцом торжественных событий. — Р. А.) и бывший жилищем герцога Ришелье». Предложения наподобие: «Судно, доставившее гранит или другой какой камень, годный на мостовую, получит все облегчения и пособия при выгрузке». Метеорологические наблюдения. Сведения о движении судов. Курсы иностранных валют. Репертуар Городского театра и предостережение: «Театральная дирекция извещает гублику, что строго запрещается входить в Театр с зажженными сигарками и курить табак как внутри Театра, так равно в коридорах и буфете». Но эти меры не уберегли от огня театр, который сгорел в 1873 году.

В романе А. С. Пушкина «Евгений Онегин» воссоздан образ первого театра молодого города.

*Но уж темнеет вечер синий,
Пора нам в оперу скорей:
Там упоительный Россини,
Европы баловень — Орфей.
Не внемля критике суровой,
он вечно тот же, вечно новый,
Он звуки льет — они кипят,
Они текут, они горят,
Как поцелуи молодые,
Все в неге, в пламени любви,
Как зашипевшего аи
Струя и брызги золотые...*

Поэт описывает ложу, как считают, одесского negociанта Ризнича, мужа очаровательной Амалии, которой посвяще-

ны пушкинские стихотворения «Простишь ли мне ревнивые мечты?..», «Ночь», «Для берегов отчизны дальней»...

*А ложа, где, красой блистая,
Негоциантка молодая,
Самолюбива и томна,
Толпой рабов окружена?*

Запечатлен в стихах и сам Иван Ризнич. Известно, что после смерти Амалии в 1825 году Ризнич женился на сестре знакомой Пушкина, Туманского и Мицкевича Каролины Собаньской, а потом его следы теряются, поскольку отблеском известности он обязан лишь первой жене, чья красота покорила Пушкина.

Изображает Пушкин и публику, покидающую театр после окончания спектакля;

*Финал гремит; пустеет зала;
Шумя, торопится разъезд;
Толпа на площадь побежала
При блеске фонарей и звезд,
Сыны Авзонии счастливой
Слегка поют мотив игривый,
Его невольно затвердив,
А мы режем речитатив.*

Разъехались зрители, и вновь вступила в свои права тишина, оттеняемая лишь дыханием моря:

*Но поздно. Тихо спит Одесса;
И бездыханна и тепла
Немая ночь. Луна взошла,
Прозрачно-легкая завеса
Объемлет небо. Все молчит;
Лишь море Черное шумит...*

О старом одесском театре изредка появлялись упоминания в литературе, но книги эти, в большинстве, позабыты, а если перечитать их, трудно избавиться от мысли, что над авторами довлело пушкинское описание оперы.

«Несколько лет тому в апреле месяце, на одесском театре давали в первый раз Беллиниеву оперу «Сомнамбула», — описывает писательница Е. Ган театральный эпизод в повести 1840-х годов «Номерованная ложа» и так же, как Пушкин, «панорамирует» зал: «ложи пестрели прекрасными личиками и легкими весенними нарядами дам, внизу, между креслами волновались фраки, мундиры... за креслами толпились италианцы-художники, лавочники, работники...»⁵.

Еще ближе к Пушкину описание спектакля в романе «Дешевый город» Я. Полонского, который, завершая его разездом зрителей, напрямую обращается к «одесской главе»: «На три четверти сократившийся месяц золотым серпом стоял на небе, и над засыпающим городом, в темной синеве, мигали и жмурились звезды, когда в театре опустился последний раз занавес, а публика начала расходиться... «Сыны Авзонии счастливой», может быть, и в эту ночь напевали какой-нибудь игривый мотив...»⁶.

Аналогии с пушкинским текстом налицо, но так ли уж виноваты авторы, если они попали под обаяние гения?

В отличие от тех, кто, отталкиваясь от пушкинского описания, запечатлели театр на своих страницах, К. Г. Паустовский в пьесе «Наш современник» воссоздал эпизод встречи самого А. С. Пушкина с друзьями в кулуарах одесского театра: «Коридор в... театре. Идет спектакль. Двери и ложи закрыты. Из зала доносятся звуки оркестра. Широкое окно в конце коридора распахнуто. За ним — теплая ночь. Низко над морем висит багровая луна (и Паустовский не сумел отойти от пушкинских «деталей» одесской ночи. — Р. А.). Свечи в настенных канделябрах мигают от ветра. На широком подоконнике сидят Пушкин и Туманский. Оба во фраках. Рядом с ними стоит Вигель (приятель Пушкина. — Р. А.). Пушкин что-то вполголоса рассказывает. Ту-

манский прыскает и прикрывает рот рукой. Вигель приседает от смеха...».

Старый театр, сцена которого помнила неповторимого М. С. Щепкина и великого негра Айру Олдриджа, чей зал видел В. Г. Белинского, В. А. Жуковского, Н. В. Гоголя, сгорел, как уже упоминалось, в 1973 году, будучи уже изрядно перестроенным. На его месте в 1887 году соорудили нынешний оперный театр — предмет гордости одесситов и восхищения приезжих...

И в круглой нише на его фасаде, наверху, справа от главного входа — бюст А. С. Пушкина, как память о том, что его молодость переплелась с молодостью Одессы, чья опера, по словам самого поэта, «обновила ему душу»⁷.

ДОМ ПУШКИНА

Когда в 1821 году на Итальянской, ныне Пушкинской, улице построили этот двухэтажный дом, ничто не предвещало его блестящей впоследствии литературной истории. По тем временам это был обычный доходный дом, но прошедшие годы и утрата большинства строений первой четверти прошлого века «проявили» для нас привлекательность и своеобразие его внешнего облика. «Мерный ритм поэтажных членений, слегка выступающие ризалиты, пологая арка проезда — все дышит спокойствием и уютом, — отмечает В. И. Тимофеевко в архитектурно-историческом очерке «Одесса», — немногочисленный декор слегка оттеняется белым цветом на фоне желтой стены».

Много десятилетий дом если и упоминался в литературе, то вне связи с архитектурными достоинствами и, тем более, с А. С. Пушкиным, а исключительно из-за помещавшейся здесь гостиницы «Северной» — Hotel du Nord. «Иногда обедаю... в Hotel du Nord,— писал в 1830 году из Одес-

сы знакомый Пушкина московский издатель, позже редактор «Одесского вестника» М. П. Розберг, — в Hotel du Nord к четырем часам сходится все, что только есть лучшего, там бывает очень весело»¹. До начала 1840-х годов о гостинице «Северной» регулярно сообщал «Новороссийский календарь», а потом упоминание о ней промелькнет в «Записках» приятеля А. С. Пушкина Ф. Ф. Вигеля: «В Одессе было тогда (в начале 1820-х годов. — Р. А.) только два заезжих дома, под именем отелей, принадлежащих двум купцам-французам, Сикару и Рено»². О популярном некогда ресторане при гостинице «Северной» написал в 1869 году Н. Мурзакевич в обстоятельной книге «Одесская старина»: «Дом К. Сикара... был занимаем гостиницею Hotel du Nord, в ресторан которого хаживали: Вигель, Пушкин, Туманский, Тепляков...».

Впервые же с именем Пушкина этот дом связал профессор Ришельевского лицея К. П. Зеленецкий. В 1854 году в статье, напечатанной в журнале «Москвитянин», со слов друга поэта генерала П. С. Пушина профессор сообщил, что «в Одессе Пушкин жил сначала в Hotel du Nord на Итальянской улице (дом Сикара)»³. С Шарлем Сикаром А. С. Пушкин познакомился еще в Кишиневе, а позже приятельствовал в Одессе. По свидетельству друга поэта И. П. Липранди, из всех домов, посещаемых Пушкиным в Одессе, особенно любил он обедать у негоцианта Сикара, некогда французского консула, одного из старейших жителей Одессы.

Стало быть, вполне допустимо, что, перебравшись из Кишинева в малознакомую Одессу, поэт мог сначала остановиться у гостеприимного негоцианта.

Позже А. С. Пушкин, по свидетельству Ф. Ф. Вигеля, жил в отеле Рено на углу Дерибасовской и Ришельевской улиц, где было написано большинство его произведений одесского периода, в частности вторая глава «Евгения Онегина».

Сообщение профессора К. П. Зеленецкого о проживании поэта в доме Сикара «сработало» лишь в 1880 году, когда в Москве открывали памятник Пушкину и волна торжеств захватила и Одессу: 6 июля, в день открытия московского памятника, над воротами дома, в то время еще принадлежавшего семейству Сикаров, установили мраморную доску с надписью: «Здесь жил А. С. Пушкин. 1823 г.».

В преддверии открытия мемориальной доски один из старейших местных фотографов Иосиф Мигурский сделал первые снимки дома, о котором «Одесский вестник» вскоре напишет, что он «привлекает массы граждан, с любопытством осматривающих жилище великого поэта»⁴. Отныне дом Сикара на Итальянской улице связан с именем Пушкина.

Впрочем, улице уже недолго оставалось носить старое название: 26 июня того же, 1880, года по предложению гласного городской думы В. А. Значко-Яворского Итальянскую улицу переименовали в Пушкинскую. «На Пушкинской улице был расположен дом, отличный от других, — напишет в рассказе «Смерть луны» Вера Инбер, — над воротами висела доска: «Здесь жил Пушкин». Потом в Одессе поставили памятник Пушкину. Так дом Пушкина положил начало своеобразному мемориалу поэта. Недаром Юрий Олеша в своем рассказе «Первое мая» отметил: «В Одессе есть памятник Пушкину, улица Пушкина и дом, в котором жил Пушкин».

К этому дому в июле 1888 года, приехав в Одессу, приходила семнадцатилетняя Леся Украинка. Остановившись у библиографа М. Ф. Комарова, она, как рассказал Микола Олейник в повести «Леся», первым делом отправилась с дочерью Комарова к пушкинскому дому:

«Куда отправимся? — спрашивает Маргарита. — К морю? — Нет, Маргариточка, невежливо будет, если мы сперва не поклонимся местам, где бывал Пушкин. Поедем к его дому.

Через полчаса пролетка остановилась под высоким платаном, около чистенького... дома.

— Тут, — показал кнутом извозчик, который, очевидно, хорошо знал это место.

...Девушки подошли к дверям дома. Леся приоткрыла их и заглянула в коридор. Ничего особенного там не было, но уже одно то, что по этой лестнице спускался и поднимался великий поэт, что он брался за эти вот ручки и входил в комнаты, придавало дому притягательную силу.

Дом Пушкина тревожил воображение и молодых одеситов, особенно тех, кто тяготел к литературе и искусству. «Я заглядывал под арку ворот. Открывалась красивая перспектива трех дворов. Аркада, оплетенная виноградом, шла вглубь, создавая прохладную тень. Мне чудилось, что из полутьмы вот-вот покажется легкая фигура в развевающемся плаще — кудрявый Пушкин выбежит на улицу, на ходу махнув мне рукой», — передает свои юношеские впечатления режиссер В. Галицкий в мемуарах «Театр моей юности».

Календари, статьи, повести, рассказы, мемуары... В поэзию же дом Пушкина по-настоящему вошел «в свисте пуль и грохоте батарей», когда стихи оказались самым действенным и «оперативным» жанром. Спустя месяц после начала Великой Отечественной войны фашистская фугаска разрушила дом, оставив лишь левую его часть. Тогда и родилась легенда, что именно тут жил Пушкин и сама судьба уберегла от варваров жилище поэта. Легенда дошла до Москвы и... вернулась в Одессу стихотворением Демьяна Бедного «Героическая Одесса»:

*Тот дом, где Пушкин жил, творил,
Стервятник вражий разорил,
Но в нем — счастливая примета,
Значенья тайного полна! —
Неповрежденная одна
Осталась комната поэта.*

Стихотворение это появилось в сентябре 1941 года в «Правде», откуда его перепечатала выходившая в осажденном городе газета «Большевистское знамя» (ныне — «Юг»). А через неделю эстафету пушкинской темы подхватил один из защитников Одессы поэт Иван Гончаренко.

*«Тут Пушкін жив..» Слова і дати
На білім мармурі лягли..
Але тепер одні руїни,
Лиш цегла з попелом та кров...*

Рядом со стихотворением «Тут Пушкін жив» в местной газете «Чорноморська комуна» был помещен как фотообвинение снимок разрушенного дома поэта. Настоящее же обвинение будет предъявлено позже: документы Нюренбергского процесса в числе фашистских злодеяний зафиксируют факт разрушения в Одессе дома А. С. Пушкина.

А разрушенный дом продолжал беречь раненую память поэзии. Возвращаясь к июльским событиям 1941 года, Виктор Бершадский писал в поэме «Одесса», напечатанной в победном 1945 году:

*Смерть
с бомболюков спущена.
Зло
вунпертальский крошит металл
дом
с барельефом Пушкина.*

Вспоминал «живой» пушкинский дом Евгений Бандуренко в стихотворении «Пушкінський будинок»:

*Не виділявся фасадом він своїм,
Не рвався готичним дахом в піднебесся,
Двоповерховий дім собі як дім,
Та хто, скажіть, не знав його в Одесі?*

О чувствах, которые вызывал этот дом, свидетельствует эпизод из 1941 года, о котором рассказал в мемуарах «Не

померкнет никогда» маршал Н. И. Крылов: «Ясным июльским вечером... полк Блинова (5-й кавалерийский полк 1-й кавалерийской дивизии генерал-майора И. Е. Петрова. — Р. А.) уходил из Одессы на фронт... Маршрут полка пролегал мимо дома Пушкина, свято чтимого одесситами. Приблизившись к нему, капитан Блинов скомандовал равнение. Никакими уставами это, конечно, не предусматривалось. Но как много сумел выразить старый буденовец этой командой, поданной в порыве высоких чувств».

Весной 1949 года газета «Большевицкое знамя» сообщила, что «в Одессе началось восстановление исторического дома, где... проживал Александр Сергеевич Пушкин». Поэтическим «комментарием» этого известия осталось стихотворение Максима Рыльского «Пушкінський дім в Одесі»:

*І дім, де Пушкіна витає
Усім народам рідна тінь,
На попелищі воскресає
Для вдячних наших поколінь.*

Время не сберегло имена первых строителей, но благодарные поколения, о которых писал Максим Рыльский, должны знать тех, чьими стараниями Одессе возвращен дом, в котором, как еще в 1944 году написал в стихотворении «Одесса» Семен Кирсанов, «любая из комнат о Пушкине знает и помнит». Автором проекта восстановления дома была архитектор Л. Н. Павловская, научными консультантами — профессора архитектуры М. В. Земечек и О. Д. Зейлигер. Мемориальную доску с барельефом Пушкина выполнил в мраморе скульптор А. И. Гриншпунг.

Отдавая дань искренней благодарности реставраторам, нужно отметить, что в нынешнем своем виде фасад дома не полностью соответствует тому, каким он был во времена А. С. Пушкина. На фотографии, исполненной Мигурским, виден длинный балкон на уровне второго этажа, глухие де-

ревянные ворота с калиткой и два крошечных палисадника по бокам. Но и фотография-то запечатлела облик дома по состоянию на 1880 год, когда «Одесский вестник» с осторожностью сообщал, что дом «сохранился почти (разрядка автора. — Р. А.) в том виде, в каком он был при Пушкине⁵. И это осмотрительное «почти» было вполне обосновано. Дело в том, что еще в 1851 году двускатную крышу дома Сикара заменили односкатной с уклоном в сторону двора. При этом нарастили фасадную стену, по верху ее прорезали сводчатые проемы, которые иногда принимают сегодня за окна несуществующего третьего этажа. Конечно же, в послевоенные годы трудно было требовать от реставраторов скрупулезного воссоздания облика дома. К слову, старинные деревянные ворота сохранились при бомбардировке и были восстановлены, но лет двадцать назад чья-то безжалостная рука сорвала их и уничтожила. Подлинно научная же реставрация пушкинского дома — сегодня вполне возможна и, будем надеяться, состоится.

18 июня 1961 года здесь состоялось открытие Музея-квартиры А. С. Пушкина, и сегодня в нем старательно собирают и бережно хранят материалы, связанные с одесским периодом жизни и творчества поэта.

ЛИЦЕЙ

7 января 1818 года в культурной жизни молодого города произошло знаменательное событие — был открыт Ришельевский лицей, предшественник Новороссийского, ныне Одесского, университета. До 1857 года лицей располагался в двух и поныне сохранившихся длинных двухэтажных зданиях на Дерибасовской, 16 и Ласточкина (бывшей Ланжероновской), 17. Торцы их по улице Екатерининской (теперь — Карла Маркса) соединяло одноэтажное строение с высокими

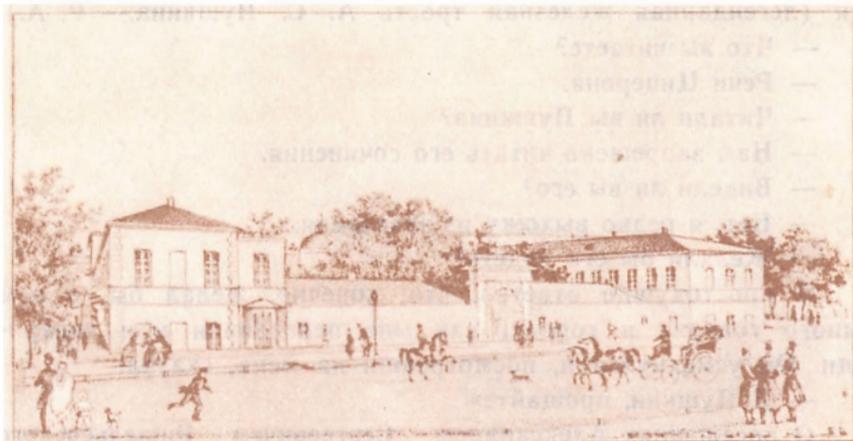
воротами в центре. Впоследствии к старым лицейским зданиям со стороны Екатерининской пристроили дом № 14, протянувшийся во всю длину квартала от Дерибасовской до Ланжероновской. С его постройкой образовался комплекс зданий, известный в дореволюционной Одессе как дом Вагнера — по имени владельца, который приобрел его после переселения лица на улицу Дворянскую (ныне — Петра Великого), 2, где он и был преобразован в университет.

В первый же год существования лицей посетил приехавший в Одессу поэт К. И. Батюшков. Он обошел классы, спальни, столовую, больницу и по первому впечатлению написал благоволившему к нему директору Публичной библиотеки в Петербурге А. Н. Оленину, чей племянник учился здесь, что «лицей в цветущем состоянии»¹. А А. И. Тургеневу сообщил даже, что «лицей есть лучшее украшение Одессы»².

Менее восторженно отозвался о лицее литератор и востоковед О. И. Сенковский (Барон Брамбеус), побывавший тут немногим позже Батюшкова: «Здесь скорее воспитываются блестящие офицеры, нежели дельные купцы и горожане, предназначенные к разным нужным в общественной жизни профессиям...»³. Последующие годы и судьбы воспитанников лицей свидетельствуют, однако, о том, что Сенковский несколько сгустил краски.

В 1837 году лицей осматривал В. А. Жуковский и, не вдаваясь в детали, отметил в дневнике 31 августа: «Обозрение лицей»⁴.

Более подробно написал о лицее Я. П. Полонский в романе «Дешевый город»: «...Низенькие пасмурные сени двухэтажного, желтой краской выкрашенного здания... В зале накрыт стол. На зеленом сукне его покоилась книга, что-то вроде свода законов, лежали списки студентов и возвышалась казенная, усердно вычищенная чернильница с неразлуч-

ною песочницей. За столом был ряд кресел, а недалеко от входа, вдоль стены, в два ряда тянулись косые столы и скамейки для экзаменующихся⁵.

Ришельевский лицей связан с именем А. С. Пушкина.

Воспитанник лицея одесский старожил журналист Н. Г. Тройницкий вспоминал, что стихи Пушкина в лицее «перечитывали, переписывали, затверживали на память, некоторые из его ненапечатанных стихов ходили у нас по рукам в рукописях, как запрещенные»⁶.

Лицейст же Александр Сумароков рассказывал, как летом 1824 года, оставшись на каникулы в лицее, он читал запретную для воспитанников поэму «Руслан и Людмила», а «для маскировки» приготовил речи Цицерона. «В это время входит в класс незнакомая мне особа в странном костюме: в светло-сером фраке, в черных панталонах, с красной феской на голове и с ружейным стволом в руке вместо трос-

ти (легендарная железная трость А. С. Пушкина.— Р. А.).

— Что вы читаете?

— Речи Цицерона.

— Читали ли вы Пушкина?

— Нам запрещено читать его сочинения.

— Видели ли вы его?

— Нет, я редко выхожу из заведения.

— Желали бы его видеть?

Я простодушно ответил, что, конечно, желал бы, о нем много говорят в городе, как мне передавали мои товарищи. Он усмехнулся и, посмотревши на меня, сказал:

— Я Пушкин, прощайте⁷.

О посещениях Александром Сергеевичем Ришельевского лицея писал и Н. Г. Тройницкий: «Проходя как-то по лицейским коридорам и классам, он сказал: «Как это напоминает мне мой лицей». Все это более или менее правдоподобно, сомнение вызывает эпизод, переданный Тройницким: «В другой раз, застав одного воспитанника за чтением «Онегина», он шутя заметил ему: «Охота вам читать этот вздор»⁸.

Замечание это вполне в духе Пушкина, но... «Евгений Онегин» вначале печатался отдельными выпусками-главами, первая из которых была опубликована лишь в феврале 1825 года, спустя семь месяцев после отъезда поэта из Одессы. А в бытность Пушкина в Одессе находившийся «в работе» роман в списках вряд ли распространялся.

Рассказы о появлениях поэта в стенах лицея сегодня ни подтвердить, ни полностью опровергнуть нельзя. Но даже если это и легенды, то они лишь подтверждают, что одеситы издавна связывали лицей с именем А. С. Пушкина. «Пушкинская Одесса — это еще и огромный старинный дом на углу Дерибасовской и улицы Маркса, бывший «дом Вагнера», — писал с эрудицией знатока города Лев Славин в очерке «Итак, я жил тогда в Одессе...», — здесь помещался

Ришельевский лицей... Среди лицейстов ходили по рукам, впрочем, как и во всем городе, запрещенные политические стихи Пушкина, его эпиграммы на Воронцова.. «Дом Вагнера» связан не только с именем Пушкина. Это огромное строе- ние раздалось на три улицы, охватив, кроме Дерибасов- ской, еще Екатерининскую и Ланжероновскую... Просторный двор его сохранил спокойные, уютные и изящные черты стар- ой одесской архитектуры. Круглый каменный бассейн, те- нистые акации, арки... Именно здесь в 1825 году жил... Адам Мицкевич».

Вопреки некогда распространенной легенде, Пушкина в Одессе Мицкевич уже не застал: «опоздал» примерно на пол- года и познакомился с ним позже. А здесь он хорош был с приятелем Пушкина В. Туманским, которому его пись- менно рекомендовал К. Ф. Рылеев. Мицкевич, как подчерк- нул Максим Рыльский в статье «Адам Мицкевич», «был гостеприимно и ласково принят передовой русской интеллиген- цией», но отнюдь не властями. В помещении лицея его по- селили, но под предлогом отсутствия вакансий к препода- ванию не допустили. Не объяснить же было ссыльному по- эту, что в столице решили не оставлять его на службе в Ришельевском лицее и вообще в южных местностях! Так и прожил он в лицее девять месяцев и уехал в Москву 29 ок- тября 1825 года. Этой датой подписано его последнее одес- ское стихотворение «Размышления в день отъезда»:

*Откуда вдруг в сердце тоска и трезога?
Вернулся, брожу от порога к порогу,
Забыл словно что-то — взором смятенным
С прощальным приветом блуждаю по стенам.
Они столько дней и ночей терпеливо
Внимали здесь вздохам моим сиротливым...*

Через много лет в поэтическом воображении Микола Ба- жана «возникает в предрассветной дали окруженный тиши-

ной лицей», и он создает стихотворение о последнем дне Мицкевича в Одессе «Думы в день отъезда»:

*Все готово, вынесены вещи,
Рукописи, книги. Ты стоишь
В доме опустевшем, где зловеще
Грусть твоя скребется, словно мышь.*

...По словам автора книги о Мицкевиче «Он между нами жил...» Ю. Калугина, поэту по приезде «отвели небольшую квартиру во дворе Ришельевского лицея, на втором этаже». Мы не знаем, где именно жил в здании лицея Адам Мицкевич. Но, как вспоминал лицеист, а потом профессор лицея К. П. Зеленецкий, «между старейшими воспитанниками лицея оставалась в памяти та комната, в которой жил Мицкевич»⁹. В числе старейших воспитанников лицея были и братья Александр, Яков и Иван Бачей. Первые два окончили лицей соответственно в 1841 и 1842 годах, а Иван, не доучившись, поступил на военную службу. Все они потом честно послужили Отечеству, но имена их остались бы лишь в лицейских, банковских, военных да других документах, не «перенеси» их на страницы своей книги «Кладбище в Скулянах» внук Ивана Валентин Катаев. «Мне бы хотелось перед смертью благословить моих детей. — воссоздает писатель мысли умирающего прадеда, — но никого из них не было в Скулянах: три сына. Александр, Яков и самый младший, мой любимец Ваня, учились в Ришельевском лицее в Одессе...».

Во времена юности Валентина Катаева и позже против здания бывшего лицея зимой и летом продавали цветы, и отблеск этого в прямом смысле яркого воспоминания детства остался во многих книгах писателя, к примеру, в романе «Зимний ветер»: «Возле большого углового дома Вагнера испокон веков шла уличная торговля цветами. Это был один из красивейших уголков города, где прямо на тротуаре под

платанами стояли зеленые рундуки и табуретки, заваленные цветами. В синих эмалированных мисках плавали розы. Из ведер торчали снопы гладиолусов, белых и красных лилий, флоксов, желтофиолей, тубероз»...

В очерке Льва Славина упоминаются «продавщицы цветов на углу Дерибасовской и Екатерининской, такие же нарядные, как их тюльпаны и розы, качавшиеся в ведрах с водой».

Остались они и в повести К. Г. Паустовского «Начало неведомого века»: «На Дерибасовской улице каждый вечер можно было встретить около цветочниц многих знаменитых людей...».

А в сказочном городе, созданном воображением Юрия Олеши в романе «Три толстяка», в котором немало одесских реалий, «на углу, где горел... фонарь, вдоль тротуара стояли экипажи. Цветочницы продавали розы... Большие розы, как лебеди, медленно плавали в мисках, полных горьковатой воды и листьев».

Давняя традиция, вошедшая в литературу, уже сама по себе становится достопримечательностью. И бесконечно жаль, что она оказалась утраченной на глазах нынешних поколений.

А старинный, овеянный воспоминаниями и легендами дом Вагнера всегда был на виду всего города. И когда много лет назад в газету просочились слухи о якобы предстоящей его перестройке, одесситы всполошились настолько, что владельцу дома пришлось через своего поверенного официально эти слухи опровергнуть. «Ввиду того, что в местных газетах от времени до времени распространяются слухи о перестройке дома Вагнера, я, во избежание каких-либо запросов вынужден дать пояснение в том, что все эти сведения неосновательны», успокоила читателей газета «Одесский листок» в ноябре 1899 года¹⁰.

В то время в доме Вагнера помещалось известное в городе «пивное заведение» Брунса, куда хаживали местные и приезжие литераторы старших поколений: И. Бунин, А. Куприн, С. Юшкевич, А. Федоров — ученик поэта А. Майкова и, в свою очередь, первый литературный наставник Валентина Катаева... «Свободные вечера просиживали в пивной Брунса за кружкой пива с сосисками — хозяин был австриец, — вспоминала жена Бунина Вера Николаевна, — туда же к 11 часам приходили художники, и все сидели до полуночи»¹¹. Позже Александр Митрофанович Федоров опишет встречи у Брунса в романе «Природа»: «Они (художники. — Р. А.) поднялись вверх по площади к театру, миновали шумную улицу... и, свернув куда-то во двор, попали в прокуренную немецкую пивную, несколько напоминавшую мюнхенские Bier-halle среднего разбора... Тут никому не было друг до друга дела, и оттого Лозинский любил эту пивную. Его хорошо знала прислуга... и почти одновременно с тем, как он сел на клеенчатый диван, перед ним появилась большая кружка пива...»¹².

Но в памяти одесситов здание лицея в первую очередь связано с именами А. С. Пушкина и Адама Мицкевича, об опальных днях которого напоминает мемориальная доска с барельефом великого польского поэта.

СТЕНА КАРАНТИНА

За месяц с лишним до официальной даты основания Одессы, 17 июля 1794 года были утверждены штаты портового карантина, ставшего, таким образом, одним из самых первых государственных или, как называли в то время, «казенных» учреждений города. Строительство карантина вели по планам и под руководством инженера Деволана. К 1807 году территория карантина уже была ограждена с трех сторон: наверху по кромке обрыва протянулась каменная сте-

на-аркада с двумя башнями по концам, от которых по склону уступами спускались к берегу две стены, а с четвертой стороны было море. С ростом грузооборота порта потребовалось расширение карантина и в 1811 году к нему присоединили одесскую крепость, уже к началу прошлого века потерявшую стратегическое значение. Тогда окончательно и сформировалась территория одесского карантина, который был создан, как тогда говорили, «для предохранения империи от мировой язвы (чумы. — Р. А.) и очищения товаров, заразе не подверженных». Именно о таком карантине писал А. С. Пушкин в отрывках из «Путешествия Онегина»:

*Дитя расчета и отваги,
Идет купец взглянуть на флаги,
Проведать, шлют ли небеса
Ему знакомы паруса.
Какие новые товары
Вступили нынче в карантин?*

Во времена Пушкина «на обширном поле близ крепости», что располагалась на территории нынешнего Центрального парка культуры и отдыха имени Т. Г. Шевченко, устраивали праздничные гуляния: «азывалы приглашали в балаганы, взлетали в небо качели, торговцы разносили лакомства да «зельцерскую воду», водили хоровод русские девушки, зажигательно отплясывали молдаване, греки танцевали древний, как мир, танец и немцы хором пели песни своей далекой родины¹.

И, кто знает, может быть, приходил сюда охочий до ярких народных гульбищ Пушкин? Во всяком случае, доподлинно известно, что в 1824 году он забрел, не ведая того, в расположение батареи конной артиллерии, стоявшей летним лагерем где-то близ стены карантина или окрест крепости. Офицеры на радостях устроили тогда мгновенную пирушку в разбитых неподалеку палатках, а до этого по команде

дежурного был дан салют в честь Пушкина. Этот эпизод воссоздал К. Паустовский в пьесе «Наш современник»:

«Седой офицер (Пушкину). Да вы кто такой?

Пушкин (смущенно). Я... Пушкин.

Молодой поручик (вскакивает). Как?! Пушкин?!

(Бросается вон из палатки, кричит). Прислуга! К орудиям!».

Одесский салют Пушкину стал темой рассказа болгарского писателя Серафима Северняка, который посвятил его Паустовскому, что не случайно: в Болгарии с благоговением относятся к памяти Паустовского и устроили в его честь мемориал в причерноморском городке Созополе, колоритно описанном им в рассказе «Амфора». Рассказ Северняка «Салют» был напечатан в одесском альманахе «Горизонт» за 1968 год в переводе Григория Зленко: «Минуло сто років, а відлуння того першого салюту з неослабною силою звучить і досі над усією нашою планетою». А завершается рассказ размышлением автора о том, насколько прав был тот офицер, приказавший палить из пушек в честь Пушкина и имя которого, как считает С. Северняк, не дошло до нас. К счастью, история сберегла имя дежурившего по батарее только что выпущенного из кадетского корпуса двадцатилетнего прапорщика П. А. Григорова, который, отсалютовав поэту, отсидел за это на гауптвахте, поскольку Пушкин — «не высочайшая особа и не государственное лицо, а поэту салютовать ему не должно»². Продолжением литературных привязанностей Григорова стало впоследствии его знакомство и переписка с Н. В. Гоголем...

Гоголь и сам, возвращаясь весной 1848 года из Италии, вынужден был пребывать в одесском карантине, о чем в городе долго бродили туманные воспоминания, перераставшие в легенду. Сохранились записанные дореволюционным одесским краеведом Л. С. Мацевичем прелюбопытные воспоминания Н. Г. Тройницкого о посещении вместе с проживав-

шим тогда в Одессе Л. С. Пушкиным Гоголя в карантине: «Однажды Л. С. Пушкин сказал мне: «Хотите — познакомлю вас с Гоголем, он приехал из-за границы и теперь пока в Карантине»... Я, конечно, с удовольствием изъявил согласие... Мы пошли... в Карантин. Помню, было тепло и даже жарко. Стали за двойною перегородкою из дрота (железной проволоки). Гвардиан вызвал нам из карантинной комнаты Гоголя. Гоголь показался мне как будто в рамочке, находясь за двойной перегородкой, и первое мое впечатление от него было: совершенно птичья физиономия! Не то сова, не то ястреб или копчик, что-то хищное и неприятное. Нос длинный, губы тонкие, глаза выпуклые. Пушкин представил меня, и мы переговаривались через пространство»³. Отголоски давних воспоминаний старожилов о карантинном «сидении» Н. В. Гоголя остались и в книге Валентина Катаева «Разбитая жизнь, или Волшебный рог Оберона»: «Папа говорил, что Гоголь тоже некогда возвращался... через Одессу, на пароходе или же на паруснике — уже не помню. Было только известно, что в это время в Одессу ждали чуму и Гоголь просидел в одесском карантине чуть ли не целый месяц. Я отчетливо представлял себе... Гоголя в развевающейся крылатке, с длинным птичьим носом на борту парусника, огибающего наш белый портовый маяк, а потом сидящего в мрачном здании одесского карантина». В действительности же он пробыл в карантине около двух недель после того, как 16 апреля 1848 года прибыл в Одессу на пароходе «Херсонес». О карантине того периода поведала и писательница Елена Ган в повести «Теофания Аббиаджио»:

«Аббиаджио остановился у стен карантина, после обычного доклада и позволения его ввели, по длинной аллее через тройные ворота, во внутренность чистилища всех заморских недугов и бед. Минут несколько спустя, за двойной решеткой показался человек...»⁴.

Более пространно описал карантин современный ленинградский прозаик С. Тхоржевский, рассказывая в повести «Странник» о пребывании здесь поэта Виктора Теплякова в середине 30-х годов прошлого века: «Всех прибывших ожидал двухнедельный карантин. Карантином же назывался ряд унылых одноэтажных зданий за оградой, у самого моря. Над оградой был поднят желтый флаг — он означал отсутствие чумных в карантине (при обнаружении чумы был бы вывешен красный, как сигнал об опасности)... Карантинные здания оказались поделены на отдельные помещения, каждое — с выходом в отдельный дворик.. В общей ограде можно было увидеть особую крытую галерею: две стенки из... решеток и между ними коридор — он разделял тех, кто подходил к карантину со стороны города, и тех, кто пребывал в карантине... Возле ограды стоял часовой». Описывая карантин, автор добросовестно использовал документы.

Что же касается «натуры», то крепостные сооружения окончательно разобрали еще в 1875 году при закладке парка. Собственно же карантин представлен ныне лишь частью аркадной стены в парке с так называемой «сторожевой башней», частично сохранившейся другой башней поодаль и фрагментами стен, некогда спускавшихся к морю. В топонимике города карантин оставил множество следов, уже значительно стертых из-за частых переименований: Карантинная балка, спуск, улица, наконец, Карантинная гавань с одноименным молотом. Но уж где карантину действительно «не повезло», так это в памяти одесситов, которые совершенно не связывали «карантинные» наименования с аркадной стеной, считая ее остатками турецкой крепости.

Одессит Семен Гехт в повести «Вместе» писал о «турецком бастионе», а Валентин Катаев, знавший о карантине, тоже упоминает «остатки какой-то крепости, кажется турецкой»⁵. Впрочем, традиционное заблуждение не помешало ему

фотографически точно в той же книге «Разбитая жизнь, или Волшебный рог Оберона» изобразить этот уголок парка времен его детства: «Громадная клумба штамбовых роз — розариум, — затем удивительно ровный, свежий, яркий, хорошо постриженный газон вокруг розариума, в отдалении старинная... стена — остатки какой-то крепости, кажется турецкой, — длинная стена со сквозными арками, в пролете которых виднеется море...». «Крупным планом» показывает эту стену Юрий Олеша в книге «Ни дня без строчки»: «Маленькое, все в клумбах плоскогорье парка отделялось от... порта с пароходами, морем, волнорезом, маяком — старой порывшейся каменной стеной с аркадами в ней. Из стены и многолетних наслоений на ее камнях росли нежно дрожавшие под ветром цветы... Сюда подходили смотревшие на море...».

Это назначение — обеспечить «организованный» обзор, аркадная стена по-настоящему приобрела в 1900 году, когда ее привели в порядок, обновили решетки, благоустроили территорию. Как сообщил в газете «Одесские новости» архитектор А. О. Бернардаци, «на стене Александровского парка устроен бельведер, с которого открывается прекрасный вид»⁶. К. Г. Паустовский, упомянув в повести «Начало неведомого века», что в парке «стояла над обрывом старинная аркада», тоже подчеркивает, что «оттуда сверху хорошо был виден весь порт и все, что в нем творилось».

В башне же в разное время была шашлычная, склад инвентаря, «подсобка» строителей. А ныне «сторожевая» башня — на страже истории: стараниями коллекционера Р. Ципоркиса в ней открыт музей памятных дат Одессы и парка имени Т. Г. Шевченко.

ДАЧА ЛАНЖЕРОНА

«Ланжерон — это часть одесского берега», — отметил Юрий Олеша в рассказе «Стадион в Одессе», адресуя пояснение читателю иногороднему. Потому как земляки, а тем более ровесники автора совершенно точно знали, что это не просто место, где оканчивается земля и начинается море или наоборот, смотря откуда наблюдать. Для них Ланжерон — это воспоминания о детстве и юности, родителях и друзьях, о первом бычке, неумело подсеченном с раскаленных южным солнцем каменных плит ланжероновского «массива», о горящих ладонях, натертых веслами тяжелых шаланд ланжероновских рыбаков...

«Но почему же, почему я до сих пор не могу забыть... июльский полдень на берегу Ланжерона, маму в чесучовой кофте, раскаленную гальку, обжигающую мои голые ножки, и воздушно-голубые тени чаек?» — писал в глубокой старости Валентин Катаев в книге «Разбитая жизнь, или Волшебный рог Оберона». Для К. И. Чуковского Ланжерон был связан с другом юности, будущим писателем Борисом Житковым: «Никогда не забуду, как он ранней весной стал учить меня гребле... на Ланжероне».

А К. Г. Паустовский в повести «Время больших ожиданий» вспоминал, как в первые минуты знакомства с Эдуардом Багрицким услышал от него решительное предложение: «Пошли купаться на Ланжерон!»

Сюда же отправляются герои романа Я. П. Полонского «Дешевый город»: «На следующий день утром, оба приятеля сели в коляску и отправились на дачу Ланжерона (рядка наша. — Р. А.) к австрийскому консулу»¹. И, если описывая Одессу конца 1840-х годов, Я. Полонский еще употребляет первоначальное, сохраняющее смысл название, то впоследствии авторы уже попросту пишут Ланжерон, причем без

кавычек. Со временем это название совершенно «оторвалось» и от понятия «дача», и от имени ее владельца новороссийского генерал-губернатора, генерала от инфантерии графа Александра Федоровича Ланжерона. Впрочем, должности, звания и титулы Ланжерона сегодня нас интересуют меньше, нежели то, что он был добр в Одессе к ссыльному А. С. Пушкину.

Поэт, по-видимому, бывал на даче Ланжерона на оконечности нынешнего парка имени Т. Г. Шевченко, давшей название местности. По словам издателя журнала «Русский архив» П. И. Бартенева, А. Ф. Ланжерон мучил Пушкина чтением своих стихов и... трагедий. «Легкомыслие его простиралось до такой степени, что опальному тогда А. С. Пушкину давал читать он письма, которые в царствование Павла получал от Александра Павловича» (императора Александра I.— Р. А.)². Действительно, Ланжерон просил Пушкина прочитать его трагедию «Мазаниелло, или Неаполитанская революция» и настойчиво выспрашивал мнение о ней. Но эту невинную слабость можно простить графу. Что же касается утверждения о легкомыслии, якобы подтверждаемом фактом ознакомления Пушкина с письмами императора, то, похоже, Бартенев недооценил Ланжерона и явно не польстил Пушкину. Дело, скорее, в том, что умудренный годами отставной сановник сумел разглядеть в молодом поэте заинтересованного и, что немаловажно, надежного собеседника. Отзвуки разговоров с Ланжероном остались в письмах Пушкина. Так, в октябре 1823 года он передает П. А. Вяземскому мнение Ланжерона о брошюре А. С. Стурдзы, пребывавшего в Одессе и общавшегося с Пушкиным политического и религиозного писателя. О характере отношений Пушкина и Ланжерона свидетельствует и то, что они не прервались с отъездом графа из Одессы в мае 1824 года и поддерживались после в Петербурге. В списке лиц, которым поэт собирался разослать свои визитные карточки к новому 1830 году, значится и А. Ф. Ланжерон.

знаком был Пушкин и с женой Ланжерона Елизаветой Адольфовной и с его побочным сыном Ф. А. Андро. За него-то в 1840 году вышла замуж дочка близкого знакомого Пушкина А. А. Оленина, к которой двенадцатью годами ранее безуспешно сватался поэт. «Пушкин во время жизни в Одессе часто встречался с его (Андро. — Р. А.) отцом, и мог ли он думать, что так сложится жизнь!», — писал искусствовед, уроженец Одессы И. С. Зильберштейн в статье «Парижские находки»³.

Ныне от дачи Ланжерона сохранилась лишь изящная, с обильной лепкой арка «о шести пролетах», построенная в 1830 году, за год до смерти графа. «Там, у самого начала стояла парадно белая мраморная, а скорее, гипсовая арка — как бы часть какого-то виадука, — вспоминал Юрий Олеша в книге «Ни дня без строчки», — там, под этими известняковыми сводами, ютились лавочки — скорее, просто продажа чего-то: кваса, пряников...» С последней четверти прошлого века Ланжерон превратился в популярный «ближний» пляж, куда можно было легко добраться, как говорили, «по образу нашего хождения», а потом и городским транспортом. В памяти Льва Славина осталась и вошла потом в повесть «Предвестие истины» так называемая «трам-карета», которая «с оглушительным грохотом (за что ее называли «трам-тарарам-карета») мчалась через весь город и привозила нас на Ланжерон к берегу моря». Двоюродный брат Славина В. Галицкий был моложе, а посему написал в книге «Театр моей юности» уже о сменившем трам-карету трамвае: «Ехали мы трамваем... и, обогнув парк, подъезжали к спуску на Ланжерон. На краю, перед самым спуском, стояла большая... арка». Помимо удобного сообщения, там, как написал в романе «Менахем-Мендл» Шолом Алейхем, «имеется все, что душе угодно, можно купаться в море, можно слушать музыку»: на Ланжероне были устроены

летние театры, оркестровые раковины, буфеты, купальни, даже подъемную машину, сиречь, лифт соорудили когда-то.

Периодически все это разрушали оползни, как «сгладили» они возвышенность, которая господствовала над входом в Одесский залив. В бытность в Одессе И. Нечуй-Левицкий еще видел, а потом упомянул в романе «Над Черным морем» высокую гору Ланжерон, которая вгонялась в море⁴. Поэтому в 1854 году здесь была развернута батарея, которая отражала нападение англо-французской эскадры.

Вблизи был оборудован наблюдательный пункт командующего обороной города генерала Лидерса, в память чего нынешний бульвар Дзержинского именовался Лидерсовским.

Свидетелем всего этого была бывшая дача Ланжерона.

*Сначала сушь и дичь заброшенного парка,
Потом дорога вниз и каменная арка,
Совсем Италия. Кривой маслины ствол,*

*Висящий в пустоте сияющей и яркой,
И море — ровное, как стол.
Я знал, я чувствовал, что поздно или рано
Вернусь на родину...⁵.*

Автор этих стихов, для которого арка Ланжерона осталась как бы символом родного города, Валентин Катаев вернулся в Одессу книгами, мемориальной доской на фасаде дома № 4 по улице Кирова, бывшей Базарной, где он родился, переулком его имени, музейной экспозицией...

А за старинной аркой «открывается новый Ланжерон, благоустроенный, в живых красках цветников... и движущегося народа», каким увидел его в один из приездов в Одессу Юрий Олеша. И для него Ланжерон был настолько связан с воспоминаниями о городе, где так счастливо и весело началась его литературная юность, что на склоне лет он написал в книге «Ни дня без строчки» слова, не отпускающие своей пронзительной печалью: «Прощай, дорога на Ланжерон, прощай!».

С Ланжероном и памятью о Пушкине ассоциировалась Одесса и у В. Сосюры, когда 10 апреля 1944 года он писал стихотворение «Визвольний вітер», посвященное освобождению от фашистов города его поэтической молодости:

*О, Ланжерон! Не буде більше зла,
крові та сліз. Пора весни настала.
Безсмертна бронза наче ожила,
смуглявий Пушкін сходить з н'єдестала.*

Так память и литература сберегли старинное название, которое надолго было изъято из официальной топонимики Одессы, а в 1987 году возвращено городу.

«МУЗЕУМ ДРЕВНОСТЕЙ»

Собирание древностей, коими богата земля Северного Причерноморья, считалось в старой Одессе заслуживающим уважения занятием. Но если для некоторых это было модной и престижной забавой, то другое дело — И. П. Бларамберг, который, состоя чиновником таможи, свободное время и помыслы души отдавал коллекционированию, изучению и описанию древних монет, ваз, мраморов и других античных предметов. Как отметил в «Одесских воспоминаниях» П. Т. Морозов, «Антикварий Бларамберг известен многими сочинениями о древностях Новороссийского края»¹. Расположен был Иван Павлович и к российской словесности, благодаря чему остался в истории не только археологии, но и литературы.

Летом 1818 года И. П. Бларамберг близко сошелся с появившимся в Одессе К. Н. Батюшковым, подарил ему древние монеты, что являло знак высшего расположения археолога, и предоставил в распоряжение поэта свой кабинет, дабы тот имел где укрыться для работы от непривычной жары и несносной одесской пыли. Пристрастный к греческой и римской истории, Батюшков оценил «прекрасное, единственное в своем роде собрание обломков, медалей и статуй», как представил он коллекцию Бларамберга в письме А. Н. Оленину из Одессы².

Пять лет спустя Бларамберг стал одним из тех, кто душевно принимал в Одессе опального Пушкина, — поэт хаживал к нему, обедал, терпеливо выслушивал пространные речи о местных древностях да поглядывал на дочерей хозяина, слывших в городе первыми красавицами.

В 1830 году И. П. Бларамберг наставлял по части археологии В. Теплякова, которого М. С. Воронцов направлял в Варну для отыскания греческих древностей. «Если

его (Бларамберга. — Р. А.) пламенные усилия сделать меня, в продолжении сих пяти суток, адептом археологии возбуждали мою внутреннюю усмешку, — не без юмора писал Тепляков брату, — то будьте уверены, что наружность моя представляла в это время всю благоговейную любознательность неопита. Сему-то грешному фарисейству обязан я входом в *sanctum sanctorum* (святая святых) почтенного антиквария»³. Через несколько месяцев поэт доставил в Одессу вазы, изрядное количество древних монет да обломки мрамора с надписями, которые были помещены в «Музеум древностей», открытый в 1825 году в доме и под началом Бларамберга.

Жительствовал И. П. Бларамберг в начале Канатной (ныне — Свердлова) улицы близ спуска на нынешнюю Таможенную площадь и умер в 1831 году.

История же «Музеума древностей» продолжалась по другую, от дома Бларамберга, сторону Карантинной балки, на Биржевой площади (ныне — площадь Коммуны). В 1835 году тут построили сквозную аркаду по проекту Г. И. Ториччели, ставшую вскоре фасадом одноэтажного здания «Музеума» Одесского общества истории и древностей. А раньше, в 1830 году на бульваре в левом, если стать лицом к морю, полуциркульном здании открыли городскую публичную библиотеку, которая сменила впоследствии несколько адресов. В 1883 году интересы библиотеки и музея совпали, судьбы переплелись, на месте обветшавшего музея по проекту архитектора Ф. В. Гонсировского построили здание библиотеки, левое крыло которого отвели музею.

Первым литератором, переступившим порог нового здания, оказался Я. П. Полонский, лечившийся в августе 1883 года на Куяльницком лимане. Он оставил тогда роспись в книге почетных гостей библиотеки, а ее попечителю профессору В. А. Яковлеву преподнес автограф своего сти-

хотворения «Вечерние огни». В следующем году в числе участников проходившего в Одессе VI Археологического съезда библиотеку посетил видный украинский поэт Я. Ф. Головацкий. В. А. Яковлеву, который составил не потерявший ценность и сегодня сборник «Отзывы о Пушкине с юга России», библиотека обязана была и посещением поэта А. Н. Майкова. 24 августа 1890 года, проезжая Одессу на пути в Константинополь, он пожаловал к пригласившему с ним профессору, но Яковлева в библиотеке не застал и на следующий день отбыл из Одессы на пароходе «Цесаревич».

Любопытное совпадение: семь лет спустя, в феврале 1897 года на «Цесаревиче» ушел в Константинополь семнадцатилетний «матрос за все» Саша Гриневский, будущий писатель Александр Грин. Позже Грин подробно опишет этот рейс в «Автобиографической повести», в которой, в частности, отметит, что незадолго до ухода из Одессы он побывал в библиотеке: «Я был днем свободен (по праздникам не работали) и зашел в публичную библиотеку». Он читал тогда книгу итальянского поэта Ариосто «Неистовый Роланд», которая и ныне хранится в библиотеке, но на улице Пастера, куда она перенеслась в 1907 году.

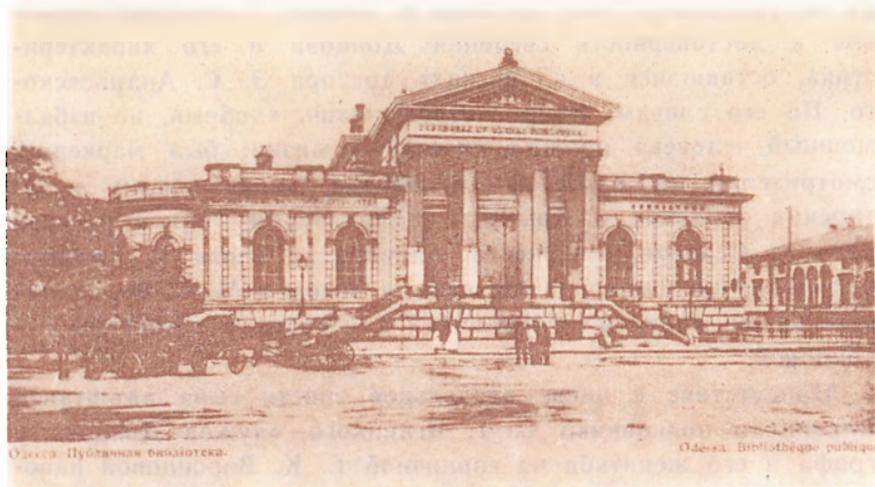
А освободившиеся помещения полностью заняли музей и Общество истории и древностей, известное археологам всего мира по многотомным «Запискам».

В музее, в отличие от нынешнего Археологического, были и материалы по истории Одессы: карты, планы, литографии и гравюры с видами старого города, книги и... железная трость А. С. Пушкина, запомнившаяся многим современникам.

М. Дерibas вспоминал, что в Пушкине его «более всего поразили его арапский профиль, его кудрявые волосы и его тяжелая железная палка»⁴. М. Н. Логвинов передавал

рассказ своего дяди И. М. Логвинова о разговоре с поэтом: «Пушкин носил тяжелую железную палку. Дядя спросил у него однажды: «Для чего носишь ты такую тяжелую дубину?» Пушкин отвечал: «Для того, чтоб рука была тверже: если придется стрелять, чтобы не дрогнула»⁵. «Свирип был да и ходил с железной дубинкой», — рассказывал одесский извозчик по прозвищу Береза собиравшему воспоминания о Пушкине профессору К. П. Зеленецкому⁶. По словам Н. Г. Тройницкого, Зеленецкий предпринимал попытки найти эту трость, оставленную Пушкиным в Одессе: «Пушкинскую железную палку... усердно разыскивал мой лицейский товарищ, покойный профессор К. П. Зеленецкий, напавший на ее след у бывшего полицейского пристава Берга в его доме на углу Итальянской и Мало-Арнаутской (ул. Воровского. — Р. А.), но куда она затем девалась — неизвестно»⁷.

Куда больше повезло Н. Г. Тройницкому, который... отыскал трость. Сообщение об этом появилось в «Одесском вестнике» 9 декабря 1887 года: «...По отъезде Пушкина следы трости затерялись и до настоящего времени неизвестно было, где она находится. В прошлом году неожиданно Н. Г. Тройницкому посчастливилось получить ее от одесского старожилы Ивана Мартыновича Донцова, который более тридцати лет сохранял ее у себя. Ему она оставлена покойным Ягницким, сыном бывшего адъютанта при Воронцове полковника Ягницкого, которому принадлежал дом, где ныне «Парижская гостиница» (угол Пушкинской и Дерибасовской). К Ягницкому трость перешла от состоявшего несколько лет на службе в Одессе поэта Подолинского, а к последнему — от бывшего профессора в Московском университете, поэта А. Мерзлякова, проживавшего некоторое время в Одессе в 1825... И. М. Донцов (последний обладатель трости) пожелал принести ее в дар здешнему музею»...

«Странствия» пушкинской трости в изложении И. М. Донцова сегодня вызывают множество вопросов и сомнений.

А. Ф. Мерзляков, автор известной песни «Среди долины ровныя», цензор, разрешивший к печати пушкинский «Бахчисарайский фонтан», в Одессе не жил, разве что мог приехать на время для «морского купания», но об этом ничего не известно. С другой стороны, почему он подарил вещь, принадлежавшую еще живому Пушкину, — Мерзляков умер на семь лет раньше поэта — А. И. Подолинскому, который, кстати, прожил в Одессе не несколько, как утверждал Донцов, а девятнадцать лет, состоя в чине окружного почт-инспектора?

Почему, наконец, А. И. Подолинский, благоговей перед памятью о Пушкине, не упомянул о трости в своих воспоминаниях о нем и, более того, отдал трость в чужие для поэзии руки Ягницкого? Настораживает и то, что И. М. Донцов передал трость и рассказал эту историю, когда никого

из ее участников уже не было в живых. Укрепляют сомнения в достоверности сведений Донцова и его характеристика, оставшаяся в «Записках» доктора Э. С. Андриевского. По его словам, Иван Митрофанович, «добрый, но взбалмошный человек» прожил «пеструю» жизнь: был маркером, зрителем на Куяльницком лимане, управляющим в татарских деревнях в Крыму, камердинером одной русской дамы в Неаполе, губернатором племянника князя Н. Голицына, камердинером лорда Ольведи, а потом и М. С. Воронцова и тогда же женился на горничной Елизаветы Ксаверьевны Воронцовой.

Присутствие в числе владельцев трости сына адъютанта Воронцова полковника С. Т. Ягницкого, служба Донцова у графа и его женитьба на горничной Е. К. Воронцовой наводят на мысль о том, не объявилась ли трость Пушкина из дома той, которую он любил, которой посвящал стихи.

В мае 1899 года трость экспонировалась на пушкинской выставке, устроенной Одесским литературно-художественным обществом к столетию со дня рождения поэта, где оказалась единственной мемориальной вещью. Потом трость возвратилась в музей, в 1930-е годы была передана в Ленинград, а сейчас находится в Михайловском, где стоит в кабинете А. С. Пушкина.

Археологический же музей, наследник «Музеума древностей», в котором хранятся экспонаты, собранные еще Блакранбергом, остался в литературе.

Неоднократно описывал его Валентин Катаев: анфиладу залов, медные шпингалеты высоких музейных окон, оливково-серые колонны, ступени из твердого триестского камня... «Остап сидел с Зосей на ступеньках музея древностей... — писали авторы «Золотого тельца» Илья Ильф и Евгений Петров, — на площади прогуливались молодые люди, любезничая и смеясь».

Площадь эта была образована участком мостовой Пушкинской улицы, выложенным желтоватым итальянским кирпичом, и некогда «пустопорожним» местом перед зданием музея, где ныне стоит мраморный Лаокоон.

Эту площадь имел в виду Эдуард Багрицкий в поэме «Февраль»:

*А девушка уже вышла на площадь,
И в темно-сером кругу музеев
Платье ее, летящее с ветром,
Казалось тоньше и зеленее...*

Когда-то тут был лишь музей Общества истории и древностей, а множественное число слова «музей» поэт употребил, по-видимому, для рифмы.

Не мог же он в самом деле предвидеть, что против старого музея появится Музей морского флота, а за углом — литературный!

Запечатлен музей и в стихотворении Юрия Олеши «Бульвар», написанном в 1917 году:

*Как все красиво... Над листвою вдали
Театр в огнях ча небе бледно-алом,
Музей весь синий. Сумерки прошли
Между колонн и реют над порталом...⁸*

Время, войны и люди, к счастью, не изменили этот уголок города. И моментальная «фотография» работы юного Олеши кажется исполненной сегодня.

ПАМЯТНИК ПУШКИНУ

Если идти по улице Франца Меринга к площади 1905 года, то по левую руку можно увидеть трехэтажный дом № 51, фасад которого щедро декорирован алебастровыми бюстами, львиными ликами, гербами. Жил тут когда-то

К. М. Базили, сын греческого патриота, бежавшего от турецкого засилья в Одессу, товарищ Н. В. Гоголя по Нежинской гимназии, а потом воспитанник Ришельевского лицея, дипломат, общественный деятель, автор статей и книг, одна из которых — «Архипелаг и Греция в 1830—1831 гг.» была в библиотеке А. С. Пушкина. Да и сам К. М. Базили был знаком с поэтом: из воспоминаний писательницы Е. А. Драшусовой «Жизнь прожить не поле перейти», напечатанных в 1881 году в журнале «Русский вестник», известно, что 28 января 1836 года он обедал у нее вместе с В. Г. Бенедиктовым, П. А. Вяземским, Денисом Давыдовым, и тем, ради встречи с которым и был затеян обед, — Александром Сергеевичем Пушкиным. Неисповедимы зигзаги судьбы: думал ли тогда Константин Михайлович, глядя на Пушкина, что доведется ему на закате жизни участвовать в увековечении памяти о поэте в Одессе?¹

«Одесса. Это — море. Это — каштаны. Это — загородные дороги. Это — мечты. Это — память о Пушкине...», — утверждал Юрий Олеша в «Письме из Одессы». Столетие назад память о поэте материализовалась в памятник.

В мае 1880 года по инициативе городского головы Г. Г. Маразли «правление славянского общества, — как сообщил «Одесский вестник», — постановило... испросить разрешение властей на подписку для устройства фонтана с бюстом Пушкина»². Памятник намеревались поставить на тогдашней Театральной площади между зданием Английского клуба, где теперь Музей морского флота, и строящимся Городским театром. Но потом площадь посчитали тесной и «г. Базили указал на место у Николаевского (ныне Приморского. — Р. А.) бульвара», где памятник и был установлен³.

«Над бульваром стоит памятник Пушкину, — отметил писатель Скиталец в романе «Этапы», — это большой брон-

зовый бюст на высоком пьедестале». В панораму бульвара вводит памятник и И. Бабель в рассказе «Ди Грассо»: «Я... увидел уходящие ввысь колонны Думы, освещенную листву на бульваре, бронзовую голову Пушкина с неярким отблеском луны на ней». А литературовед Л. Гинзбург в воспоминаниях «Встречи с Багрицким» рассказала о том, как в считанные минуты он написал сонет, в котором переосмыслил расположение на бульваре памятника Пушкину и дворца графа Воронцова:

*И кажется — с бульвара — там, с опушки,
Без ног, без рук выходит мертвый Пушкин
И Воронцова вызывает в бой...⁴*

Эдуард Багрицкий был прав: бой продолжался и после смерти Пушкина. Не нашлось у казны денег на памятник поэту и его поставили на средства, собранные «по частной подписке». Разве это не бой? Когда графу Строганову предложили пожертвовать какую-либо сумму на памятник, он в исступлении завопил: «Что же это такое — Пушкину памятник!.. Нужно сообщить полиции»⁵. Разве это не отгослоски боя?

Обошлось без помощи бесноватого графа. В «подписных листах» — имена архитектора Л. Влодека, родственников Карла Сикара, землемера М. Дитерихса, мраморщика Менционе, неведомых Володи и Афанасия, офицеров стрелкового батальона, служащих конторы Российского общества пароходства и торговли (РОПиТ), неизвестной «почитательницы памяти Пушкина»... Жертвовали не только деньги, но «труд и материалы»: плиты для фундамента, песок, гранит, цемент, бесплатно выполнили «асфальтовые и водопроводные работы», отлили чугунные чаши в мастерских общества «Труд»... Сооружали памятник «под безвозмездным руководством» архитекторов Ф. Моранди и Ю. Дмитренко.

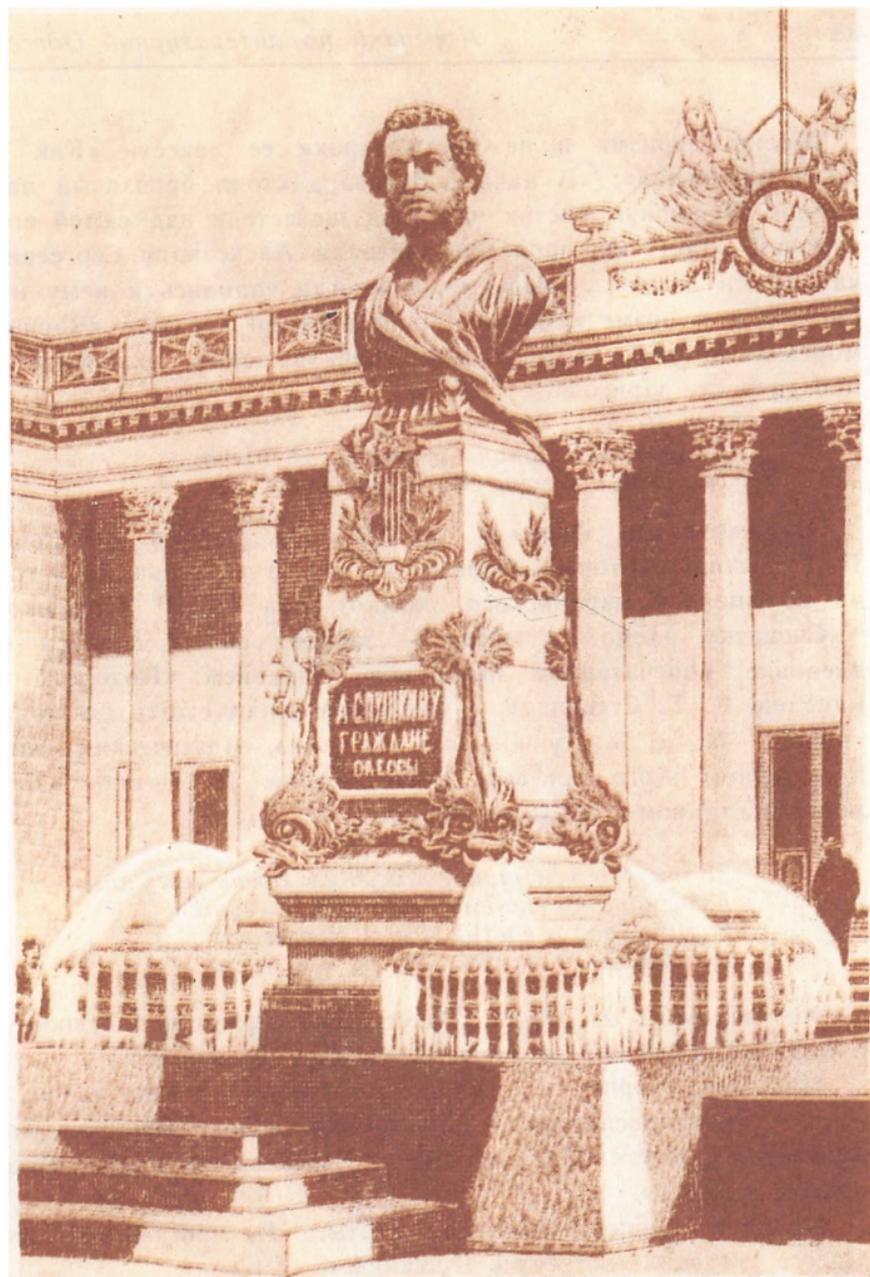
Последний вместе с известным в Одессе каллиграфом

А. Коссодо исполнил эскизы надписей, каждая из которых приоткрывает какую-нибудь страницу истории памятника.

Надпись «А. С. Пушкину. Граждане Одессы» подчеркивает, на чьи средства он поставлен. Выше, на лентах в основании лиры начертано: «1820—1824» — годы южной ссылки поэта. На верхней ступени с лицевой стороны памятника полустертая надпись: «Гранит Гниванских ломок Винницкого уезда Подольской губ. пожертвован...». Соорудили памятник по проекту архитектора Х. К. Васильева, бюст выполнен по модели скульптора Жозефины Полонской — жены Якова Полонского, а стилизованные дельфины и бюст отлили из бронзы на заводе Морана в Петербурге. В память об этом на полукруглом валике, окаймляющем основание бюста, с той его стороны, что обращена к морю, вырезано: «По проекту Хр. Васильева лепила Ж. Полонская, отлив. А. Моран». На драпировке же бюста там, где она ниспадает на старый герб Одессы, выгравирована подпись: «Ж. Полонская». Ниже, на гранитном постаменте выбито: «Сооружен в 1888 году».

Открытие памятника состоялось 16 апреля 1889 года при огромном стечении народа, как это видно по сохранившейся фотографии. Она же развенчивает легенду о том, что могучий платан возле памятника рос тут и при Пушкине, который, направляясь к морю, якобы проходил мимо него. На фотографии же видно тоненькое деревце, можно сказать, ровесник памятника.

Из местных литераторов о памятнике Пушкину чаще других писала в своих произведениях Вера Инбер. «В конце бульвара, на плавном... его завороте, стоял Пушкин. Акация осыпала в мае арапские завитки его волос. Осенью листья каштана отдыхали на его плече, прежде чем лететь дальше в синеву осени, — вызывала она в рассказе «Смерть луны» памятник Пушкину из воспоминаний детства.

Полны лиризма и нежности строки ее повести «Как я была маленькая»: «В начале бульвара стоял бронзовый памятник Пушкину. Листья платанов шелестели над самой его головой. Ласточки, пролетая, задевали Александра Сергеевича своими легкими крыльями, а иногда садились к нему на плечо». А в поэме «Овидий», напечатанной в газете «Черноморська комуна» за неделю до начала войны, акварельной прозрачности зарисовка:

*Памятник Пушкину у изголовья бульвара,
Майские сумерки. Моря сиреневый дым...⁶*

С памятником Пушкину связаны встречи с Одессой П. Г. Тычины, который впервые побывал тут осенью 1920 года с капеллой украинского композитора К. Г. Стеценко. «...Спочатку йдемо на море, — записал он 12 октября в дневнике, напечатанном ныне под названием «Подорож з капелю К. Г. Стеценка», — чийсь пам'ятник стоїть до моря спиною. Та це ж Пушкін, сам Пушкін». Поэтическим свидетельством этого осталось стихотворение П. Тычины «Перед пам'ятником Пушкіну в Одесі».

*Здоров будь, Пушкін мій, землі орган могутий!
І ти, морська глибінь. І ви, одеські тучі!
Я тут у вас в гостях, і всім я вам радий.
Не гнівайтесь за сміх, іще ж я молодий.*

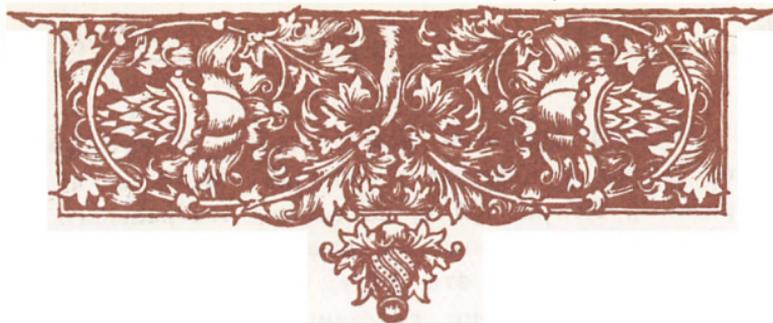
Неотделимым от образа Одессы был памятник Пушкину и для часто бывавшего здесь Владимира Высоцкого.

«Володя говорил про город, который всю жизнь любил... и про сетку проспектов, и про пляжи, и про Пушкина на бульваре...⁷, вспоминал артист В. Смехов в статье «Без отдыха и паузы».

Проходят годы... Приходят поэты... И многим из них Одесса уготовила встречу с Пушкиным.

Литературные 1920-е

ТЕАТР НА БОЛЬШОМ ФОНТАНЕ

Летние театры были неперменной принадлежностью дачных районов города. В 1901 году архитектор Буркарт спроектировал деревянное, на пятьсот зрителей, здание летнего театра на Куяльницком лимане. Тогда же архитектору Ю. Дмитренко поручили построить летний театр по дороге к Ланжерону. Первый же в предместьях Одессы летний театр открыл режиссер А. Сергеев на 16-й станции тогда еще парового трамвая в 1892 году. Актеры играли тут на небольшой тускло освещенной сцене, а неприхотливая публика располагалась под дощатым навесом, куда долетал свисток пробежавшего рядом паровичка, музыка из соседнего ресторана и пыль, казалось, со всего Фонтана...

«Подожди лето, я тебя к Сергееву, на Большой Фонтан играть определю, — увещевал друга актер Россиевский-Сальвиничук в рассказе Власа Дорошевича «В чистый понедельник», — слава, брат, — высшее назначенье почувствуешь»¹. Беглое это упоминание не случайно: 19 июля

1895 года, в бытность фельетонистом «Одесского листка», автор сыграл у Сергеева в комедии «Медведь» на бенефисе актрисы Е. Колышевой и, по словам театрального рецензента газеты «Южная мысль», «имел большой и вполне заслуженный успех»². Но это факт, скорее, литературной, нежели театральной истории. «Звездным» же сезоном театра стали на излете века гастролы известной труппы Н. Соловцова, а последним — лето 1901 года, когда театр снесли по окончании срока аренды земельного участка у дачевладелицы Лигиной.

Однако к следующему сезону бойкий ресторатор Салищев открыл на этом месте новый летний театр, который, продолжив историю театра Сергеева, дополнил ее именами М. Багрова, П. Орленева, М. Петипа и в 1906 году уступил, в свою очередь, место «Театру Лигиной».

Инженер Б. Бауэр построил его с открытыми галереями по обе стороны фасада, видовой площадкой на крыше, собственной электростанцией, зрительным залом на 700 человек, отменно оборудованной по тем временам сценой. «Театру Лигиной» довелось стать «свидетелем» начала пути многих из тех, кто в меру таланта и судьбы продолжили литературную биографию своего города.

Летом 1914 года в Одессе появилось первое молодежное литературное объединение — «Кружок молодых поэтов». Организовал его журналист и критик Петр Пильский, который заслуживает того, чтобы сказать о нем несколько слов, тем более, что к «Театру Лигиной» он имел непосредственное отношение.

Сотрудничавший одно время в газете «Одесские новости» Пильский был авторитетным критиком, а для литераторов «попасть» на его талантливое перо было сколь престижно, столь и рискованно: мог прославить или ославить на всю читающую Россию. Как утверждал в книге «День нынешний

и день минувший» писатель Александр Дейч, «Пильский мог бы остаться в истории русской критики, потому что он писал умно и увлекательно, блестяще владея стилем... Но легкомыслие, любовь к прожиганию жизни и вину свела на нет его большие литературные возможности». Более того, судьба П. Пильского оказалась изломанной: в 1919 году он читал в Одессе лекции красноармейцам, а потом... оказался вдали от родины.

Однако летом 1914 года Пильский был на вершине славы, а вечера созданного им «Кружка молодых поэтов» остались в литературной истории города. Первый «вечер поэтов» состоялся 15 июня на Хаджибейском лимане, и через день репортер «Южной мысли» писал, что «это был вечер неожиданностей. Публика не ожидала, что в Одессе действительно есть талантливые поэты, а поэты не ожидали, что в Одессе найдется чуткая, хорошая публика! Однако нашлись и те, и другая!»³.

Успех окрылил, и П. Пильский устроил второй «Вечер поэтов» 1 июля в «Театре Лигиной». «Когда мы подходили к театру на Большом Фонтане, над омытой, недавним дождем зеленью дач стоял светлый вечерний сумрак, публика гуляла между клумбами перед театром, и никто не обратил внимания на то, что «прибыли поэты», — вспоминал Борис Бобович в статье «Начало Эдуарда Багрицкого», — мы прошли за кулисы, где, поглядывая поверх пенсне, нас встретил... Петр Пильский... За кулисами мы встретили Валентина Катаева, который, покуривая, сидел на куске старой декорации и, видимо, немножко волновался... Пильский мигом выпустил нас на сцену... Расселись в мягких плюшевых креслах. Пильский стоял за круглым столом зеленого цвета... и повелительным тоном представлял каждого из нас, после чего мы поднимались и, стоя возле кресла, прочитывали «положенное» количество стихов».

Стихи читали Эдуард Багрицкий, Александр Биск, чьи переводы из Р. М. Рильке печатаются поныне, Ада Владимирица, поэзию которой «чистым прозрачным родником» называет через много лет Сергей Наровчатов, Яков Гольденберг (Галицкий) — впоследствии режиссер, либреттист, автор текста прославленной Клавдией Шульженко песни «Синий платочек», Валентин Катаев, Семен Кессельман (Эскесс), о котором нынешний читатель знает из книги Катаева «Алмазный мой венец», на долгие годы запомнившийся Ивану Бунину Анатолий Фиолетов, будущий переводчик «Витязя в тигровой шкуре» Георгий Цагарели и несколько стихотворцев, мелькнувших лишь на местном поэтическом небосклоне.

«Гвоздем» вечера стали стихи девятнадцатилетнего Багрицкого, и через шестьдесят с лишним лет Катаев в книге «Алмазный мой венец» будет вспоминать, как он «стоял на сцене дачного театра... — Там, где выступ холодный и серый водопадом свергается вниз, я кричу у безмолвной пе-

щеры: Дионис! Дионис! Дионис! — декламировал он на бис свое коронное стихотворение». В первых же воспоминаниях о поэте, написанных в 1936 году для альманаха «Эдуард Багрицкий», Катаев приводил отрывок еще одного стихотворения, читанного Багрицким на «Вечере поэтов», которое, в отличие от «Диониса», не сохранилось:

*Нам с башен рыдали церковные звоны,
Для нас поднимали узорчатый флаг,
А мы заряжали, смеясь, мушкетоны
И воздух чертили ударами шпаг!
...Когда погибал знаменитый «Титаник»,
Тогда твой мираж трепетал в небесах.
Летучий Голландец! Чарующий странник!
Чрез вечность летишь ты на всех парусах!*

Отзвук этого стихотворения слышен и в написанном потом «Конце Летучего Голландца»;

*У старой пристани, где глуше пьяниц крик,
Где режет синий дым табачного угара,
Безумный старый бриг Летучего Корсара
Раскрашенными флагами поник.*

А в 1922 году тема древнего сказания прозвучала в поэме Багрицкого «Сказание о море, матросах и Летучем Голландце». Отстаивая право пролетарского поэта на творческое воображение и романтику, Багрицкий в первой редакции поэмы напрямую задавал вопрос:

*Пусть важной мудростью объятый,
Решит внимающий совет:
Нужна ли пролетариату
Моя поэма — или нет!*

2 марта 1923 года он читал эту поэму на литературном вечере, а через день одесские «Известия» без тени юмора или иронии сообщили, что «затронутый автором в его вы-

ступлении вопрос: «Нужна ли пролетариату моя поэма, или нет?» — решен положительно в результате пылкой дискуссии⁴. Так нашла завершение тема юношеского стихотворения Багрицкого, впервые прозвучавшего в «Театре Лигиной».

Многие поэты кружка, созданного П. Пильским, войдут потом в литературное объединение «Зеленая лампа». И когда в июле 1918 года в «Театре Лигиной» устроят «грандиозный вечер лирики и искусства», искусство будет представлять «король российского экрана» Иван Мозжухин, а поэзию — «зеленоламповцы» Эдуард Багрицкий и Валентин Катаев...

Приметой нового времени остался в истории большефонтанского театра литературный вечер, посвященный Тарасу Шевченко в День памяти великого Кобзаря, объявленный в Одессе 14 марта 1920 года.

А потом здание театра постепенно пришло в запустение. Но в 1939 году его отремонтировали и концертом известной певицы Иры Яунзем 30 июня здесь открыли летний театр филармонии..

В бывшем «Театре Лигиной» давно «прописалось» кино, а здание, которое, по словам современника, «поражало своей стройностью и воздушностью линий», перестроили до неузнаваемости. И не останься «Театр Лигиной» в книгах, интересная страница театральной и литературной истории города оказалась бы начисто перечеркнутой.

«ЗЕЛЕНАЯ ЛАМПА»

Еще в середине прошлого века музыкальное образование в Одессе обеспечивали лишь «учителя на инструментах: виолончели, кларнете, скрипке и фортепиане», фамилии которых числом не более двух десятков помещали в справочниках

между фотографами и башмачниками. А в 1866 году открыли музыкальную школу, двадцать лет спустя преобразованную в музыкальные классы.

В книге «Разбитая жизнь, или Волшебный рог Оберона» Валентин Катаев вспоминал, как отыскал он однажды лорнет покойной матери, который «вдруг заменял в моем воображении нежный образ матери — невесты, девушки, молодой матери, строгим образом мамы-дамы с черным муаровым мешочком в руке. Но вдруг мама-дама снова превращалась в юную девушку... а потом ученицу музыкального училища...». В действительности же, Евгения Катаева училась в музыкальных классах, которые окончила 18 мая 1893 года, за четыре года до рождения первенца — Валентина. После ее смерти семейные рассказы постепенно «превратили» музыкальные классы в музыкальное училище, которое открылось только 1 сентября 1897 года на улице Коблевской (ныне — Подбельского), 36.

В 1901 году на Ямской, как называлась улица Островидова, по проекту, «безвозмездно исполненному» архитектором С. А. Ландесманом, для музыкального училища построили специальное здание. Учитывая возможное преобразование училища в консерваторию, автор проекта оставил свободным участок на углу Ямской и Дворянской (ныне — улица Петра Великого) для строительства нового флигеля. Замысел архитектора был реализован лишь в наше время, но в построенном Ландесманом здании действительно 8 сентября 1913 года открылась консерватория, которой композитор А. К. Глазунов тотчас пожелал «расти и процветать во славу отечественного искусства»¹.

Добрые пожелания сбылись: не только в нашей стране, но и за ее пределами известны имена преподавателей и выпускников Одесской консерватории: Э. Гилельса, К. Данькевича, Д. Ойстраха, И. Прибика, Б. Руденко, Е. Чавдар,

П. Столярского, которого И. Бабель вывел в рассказе «Пробуждение» под именем Загурского: «...В тихонько отдуваемой крылатке, с рыжими колечками, выбивающимися из-под мягкой шляпы, опираясь на трость, шествовал господин Загурский, мой учитель музыки».

Литературная же история консерватории скромней, нежели музыкальная, но символична и заслуживает внимания.

20 октября 1918 года сюда пришел академик И. Бунин, четыремя месяцами ранее приехавший в Одессу. «Был объявлен вечер Бунина в большом зале одесской консерватории, — напишет потом критик Б. Вальбе в статье «Из литературного прошлого», — читал он замечательный свой рассказ «Сны Чанга». Не подберет другого эпитета и Валентин Катаев, вспоминая в книге «Трава забвения», как Бунин «превосходно, четким... голосом с великолепной дикцией прочел от доски до доски свой замечательный... рассказ». С присущей ему точностью и выигрышностью деталей Катаев описал галстук Бунина рисунка «павлиний глаз», портфель желтой кожи, из которого он вынул рукопись рассказа, холодный зал консерватории, давно не отремонтированный лепной потолок, высокие окна, за которыми слышались «одинокые винтовочные выстрелы, ударявшие в стекла, как тугие резиновые мячики... короткая пулеметная очередь, взрыв ручной гранаты-лимонки». Под этот «аккомпанемент» уходила вместе с Буниным в прошлое старая литература, по сути, уже уступив место только что народившейся новой...

В 1918 году консерватория стала «штаб-квартирой» литературного кружка «Зеленая лампа». Документального перечня его участников не сохранилось, да, может быть, и вовсе не существовало. Но старые афиши, газетные объявления, воспоминания современников позволяют считать «Зеленую лампу» самым представительным литературным объединением Одессы конца 1910 — начала 1920-х годов: Эдуард Багриц-

кий, Александр Биск, братья Борис и Исидор Бобовичи, Анатолий Гамма, Владимир Дитрихштейн, братья Георгий и Владимир Долиновы, Валентин Катаев, Иван Мунц, Леонид Нежданов, Эмилия Немировская, Юрий Олеша, Софья Соколова, Анатолий Фиолетов, Зинаида Шишова... Список этот далеко не полный. Позже в кружок вошли — чем особенно гордились «зеленоламповцы» — Алексей Толстой и его супруга — поэтесса Наталья Крандиевская, в числе других столичных знаменитостей переехавшие в Одессу...

«Юных дарований» было в Одессе немало. Группа поэтов, не вошедших или, как утверждали современники, не принятых в «Зеленую лампу», решила организовать самостоятельно. За дело взялся поэт Леонид Ласк, который создал кружок с претенциозным названием «Бронзовый гонг». Себя он именовал не менее громко — президент «Бронзового гонга», заказал печать кружка с изображением гонга в окружении лавровых ветвей, а себе — визитные карточки, которые, как говорили, были прикреплены на воротах дома Ласка и даже на близрастущих деревьях. Участники «Зеленой лампы» и «Бронзового гонга» нередко вместе выступали на литературных вечерах, которые превращались в поэтические турниры. Но Л. Ласку показалось, что при дележе литературной «курицы славы», как писал В. Маяковский, членам его кружка достаются не лучшие куски. И «президент» решил действовать другим способом, как известно дуэльные пистолеты можно использовать не только в честных поединках.

Коварный и, по мнению Ласка, перспективный план предусматривал раскол лагеря соперников путем «изъятия» его наиболее «эффективных» участников.

И вот член «Зеленой лампы» Юрий Олеша получает визитную карточку президента «Бронзового гонга», на которой было выведено:

*Ты ритмом Пушкина свой стих ударный мершишь,
За это, друг Олеша, я тебя люблю.
Но до тех пор, пока в Катаева ты веришь,
В тебя поверить не могу².*

Рискуя лишиться веры «президента», Олеша не только не вышел из «Зеленой лампы», но даже не ответил. Перчатку поднял Катаев: не затрагивая особы «президента», он обрушился на «Бронзовый гонг», обыграв название «конкурирующей организации» и недавно разгромленной виноторговой фирмы:

*Весь этот ворох гнили
К себе не пустит Парнас.
«Колокол золотой» громили,
Будут громить и вас...³.*

Споры, показная неприязнь, колючие эпиграммы — скорее всего, были литературной игрой. Грядущее время готовило участникам «Бронзового гонга» и «Зеленой лампы» более суровые испытания. Многие из них впоследствии оставили литературную деятельность, кое-кто погиб в годы гражданской войны, некоторые оказались за границей. Те, кто выжили, сохранили верность родине и преданность литературе, стали ее ведущими мастерами...

Но это будет много позже, а тогда поэты «Зеленой лампы» с упоением отдавались литературе, устраивая в зале консерватории так называемые «интимные вечера», хронология и тематика которых еще не попадали в поле зрения исследователей.

Первый «интимный вечер», состоявшийся 15 февраля (уже нового стиля) 1918 года, открылся докладом о Скрябине. С мелодекламацией выступил В. Долинов, певица Ширяева исполнила романсы Рахманинова, а Соколова — французские песенки. Литературная часть была представлена стихами и прозой Б. Бобовича, А. Гамма, В. Катаева, И. Мунца, Ю. Оле-

ши, З. Шишовой... Отзвуком первого вечера «Зеленой лампы» остался рассказ Валентина Катаева « $(A+B)^2$ », который был прочитан автором, а ныне печатается в собраниях его сочинений.

Интересы участников «Зеленой лампы» были разносторонними, и на втором вечере, 7 марта Г. Долинов прочитал лекцию о творчестве Игоря Северянина, с новыми своими стихами собравшихся познакомили Э. Багрицкий, В. Дитрихштейн и поэты, выступавшие на предыдущем вечере... В юмористической части прозвучала не дошедшая до нас «фирменная» песенка «Зеленой лампы» («участвует вся публика, даже швейцар!»), а потом должен был состояться обещанный афишами «бал «Зеленой лампы», танцы под рояль хоть до третьего интимного вечера...». Юмор молодых поэтов, по видимому, не был понят командованием австро-немецких войск, третьего дня оккупировавших Одессу, и на афишах появились наклейки: «До 12 часов ночи».

В программе третьего «интимного вечера» 14 апреля значился доклад Г. Долинова о Мирре Лохвицкой, слово об Александре Блоке «Поэт снежного очарования» Б. Бобзича, «музыка — пластика — мелодекламация». В последнем отделении, по сложившейся традиции именовавшемся «При свете зеленой лампы», выступали поэты...

Необычен был четвертый «интимный вечер» — последний из проведенных «Зеленой лампой» в зале консерватории. «Вообразите, 24 апреля (не первого — значит, не обман) в консерватории будет поставлена первый раз, а может и последний, в Одессе, в жизни и вообще пьеса Ю. Олеши «Маленькое сердце», — анонсировала его одесская юмористическая газетка «Яблочко» в первом своем номере.

«Много лет назад Олеша читал нам свою юношески трогательную лирическую пьесу «Маленькое сердце», — писал в воспоминаниях об Олеше Б. Бобович, — уже тогда она

свидетельствовала об авторском вкусе, протестующем против шаблона и литературной приземленности... Мы, участники литературного кружка «Зеленая лампа», разыграли «Маленькое сердце» на сцене Одесской консерватории. Часто потом Юрий Олеша вспоминал об этом своем раннем драматургическом опыте и говорил о нем и грустно и, может быть, чуть иронически, но всегда с щемящей жалостью об ушедшей юности...».

Пьеса «Маленькое сердце» не сохранилась. Некоторое представление о творчестве потянувшегося к драматургии Юрия Олеша периода «Зеленой лампы» дает отрывок из комедии «Двор короля поэтов», опубликованный в еженедельнике театра, искусства и общественной мысли «Фигаро» осенью 1918 года:

Принц: Здесь родинка у вас, скажите, или мушка?

Ирэн: Да, родинка. А что?

Принц: Прелестнее всего,

Когда у женщины здесь родинка. Не так ли?

Как вас зовут?

Ирэн: Ирэн.

Принц: Слова имеют цвет

И запах, даже вид... Есть скучные, из пакли,

Как, например: «вода»... А есть, как лунный свет —

Вот слушайте: «пав-лин»... А слово «хризантемы»,

Как семицветный блик в граненом хрустале...

Не правда ли, «сентябрь» — как золотые шлемы

Гарольдов осени на голубой земле...⁴

Исключительная память Валентина Катаева сохранила если не текст этой комедии Олеша, то, по крайней мере, название и впечатление, которое она произвела на будущего автора книги «Алмазный мой венец»: «Как и подавляющее большинство поэтов нашего города, ключик (Олеша. — Р. А.) вырос на литературе западной. Одно время он был настоль-

ко увлечен Ростаном в переводе Щепкиной-Куперник, что даже начал писать рифмованным шестистопным ямбом пьесу под названием «Двор короля поэтов», явно подражая Сирано де Бержераку».

Продолжая рассказ о юности Олеси, Катаев вспоминает и пьесу «Маленькое сердце», которую «однажды и разыграли поклонники его (Олеси. — Р. А.) таланта на сцене местного музыкального училища (так автор называет консерваторию. — Р. А.). Я был помощником режиссера, и в сцене, когда некий «золотоволосый Антек» (его играл Б. Бобович. — Р. А.) должен был застрелиться от любви к некой Ванде, я должен был за кулисами выстрелить из настоящего револьвера в потолок. Но, конечно, мой револьвер дал осечку...». Как утверждали участники постановки, пьеса имела успех. Тем не менее «пророчество» газеты «Яблочко» сбылось: по словам Георгия Долинова, она «дальше зала консерватории не пошла»⁵.

Время неудержимо врывается в жизнь, казалось бы, замкнувшихся в литературных интересах участников «Зеленой лампы»: погиб А. Гамма, налетчики застрелили агента уголовного розыска А. Фиолетова, ушел в красный партизанский отряд Э. Багрицкий, сражался с белыми артиллерист В. Катаев, служил на батарее морской обороны Ю. Олеша, отбыли в добровольное, оказавшееся временным, изгнание А. Толстой и Н. Крандиевская... Вихрь событий «погасил» «Зеленую лампу».

А десятилетия спустя она «вспыхнула» на страницах книг ее участников и современников. «Из глубины прошлого, сквозь ветви акаций светится «Зеленая лампа», зажженная... молодыми одесскими поэтами в подражанье «Зеленой лампе» времен Пушкина», — с нежностью вспоминала в статье «Поэзия была для него всем» Вера Инбер, которая в «Лампе» не состояла и лишь наблюдала за ней с доброй улыбкой и

снисходительностью достаточно опытной к тому времени поэтессы.

К слову, Вера Михайловна привела расхожую версию о «пушкинском» происхождении названия кружка.

В жизни было прозаичней. «Просто перед первым собранием в консерватории поставили на стол лампу с распороченным тогда абажуром зеленого стекла. Потом мы ее разбили и даже платили кому-то. Отсюда и пошла «Зеленая лампа», — рассказывал Валентин Катаев и с доброй ворчливостью добавил: — А про Пушкина уже потом придумали литературоведы»⁶. О приверженности же одесских поэтов пушкинской традиции, верности пушкинской теме, любви к поэту, освятившему своим именем молодые годы их родного города, — свидетельствуют произведения участников «Зеленой лампы». Как сказал Сергей Наровчатов, «очень важно начало, благословляющая рука. Для одесских писателей и поэтов такой рукой была, к счастью, рука Пушкина»⁷.

ЮГРОСТА

О том, что «в 6 часов утра 7 февраля наши части начали общую атаку города Одессы и около 10 часов на плечах противника вошли в город»¹, трудящиеся Советской России узнали из оперативной сводки Реввоенсовета республики. В дальнейшем все сообщения о событиях в городе поступали от организации, которая разместилась в доме № 11 по Пушкинской улице и осталась в истории Одессы под названием ЮГРОСТА.

Этот трехэтажный дом на углу нынешней улицы Карла Либкнехта построили для купца Тальянского в середине 1830-х годов. Проект исполнил знаменитый Ф. Боффо, но сегодняшней своей «молодостью» дом обязан архитектору Ф. Моранди, который перестроил его фасады в 1887 году.

В 1841 году тут жил первый исследователь местных лиманов, автор обильных разными сведениями по части одесской старины «Записок» доктор Э. С. Андриевский. В начале же нынешнего века здесь помещалась редакция журнала «Торгово-промышленный Юг». Таков скромный пролог литературной истории дома...

После интервенции, в апреле 1919 года, на первом этаже дома в квартире № 2, где ныне редакция газеты «Моряк», расположилось Одесское отделение Бюро украинской печати (БУП).

Работу одесского отделения БУП приходилось налаживать в труднейших условиях не только бумажного, но и информационного голода, о чем свидетельствует обращение, напечатанное 26 апреля 1919 года в газете «Голос красноармейца»: «Газеты иностранные, кубанские, донские, петроградские, московские и другие просят доставлять за приличное вознаграждение...».

Скупые воспоминания о нем оставил писатель Н. Равич, прибывший весной 1919 года в Одессу в качестве уполномоченного центрального аппарата БУП. «Я отправился в только что развернувшееся отделение БУПа... — писал он в книге мемуарных очерков «Вечный свет», — в Одессе, как и в Киеве, нашлось немало честной интеллигенции, которую можно было привлечь к работе. Следовательно, в корреспондентах и информаторах недостатка не ощущалось».

Но БУП выполнял функции не только информационного агентства, но и агитационно-пропагандистского органа, а посему необходимо было участие в его работе литературных сил, которые не замедлили объявиться в лице молодых поэтов. «В 1919 году Багрицкий, Катаев, Олеша работали в БУПе, — свидетельствовала Зинаида Шишова в воспоминаниях «О нашей молодости», — их частушки ходили по всей Украине. Их «петрушки» собирали толпы на улицах». Но

если Валентин Катаев и Юрий Олеша тогда, по сути, впервые соприкоснулись с журналистикой и агитационной работой, то за плечами Эдуарда Багрицкого была работа в одесском отделении Петроградского телеграфного агентства на улице Нежинской (ныне — Франца Меринга), 36, а весной 1919 года, перед приходом в БУП — служба в политотделе Особого партизанского отряда имени ВЦИК.

Одесское отделение БУП прекратило свою деятельность в августе 1919 года, когда город заняли белогвардейцы. Не мудрствуя лукаво, они разместили на Пушкинской, 11 отделение Освага (Осведомительного агентства), которое не преминул вспомнить А. Н. Толстой на страницах повести «Похожения Невзорова, или Ибикус». Впоследствии осваговцы вместе с деникинскими частями оказались в Константинополе, где их острым взглядом поэта и разглядел в эмигрантском столпотворении Дон Аминадо (А. П. Шполянский):

*Поляки в адских аксельбантах,
И итальянский берсальер...
И кучка русских с бывшим флагом
И незатейливым Освагом...².*

После освобождения города, как написал Валентин Катаев в книге «Алмазный мой венец», «в помещении деникинского Освага возникло новое советское учреждение Одукроста, то есть Одесское бюро украинского отделения Российского телеграфного агентства, с его агитотделом, выпускавшим листовки, военные сводки, стенные газеты и плакаты, тут же изготовлявшиеся на больших картонных и фанерных листах, написанные клеевыми красками... На плакатах под картинками помещались агитстихи нашего сочинения»...

Воспоминания Валентина Катаева дополняет незавершенная пьеса Эдуарда Багрицкого, которую он писал, вероятно, в 1930 году: «Провинциальная РОСТА. Стены увешаны пла-

катами. Сверхъестественные красноармейцы, протыкающие шароподобных буржуев в смокингах и цилиндрах. Художники в сияющих всеми цветами радуги блузах. Два поэта: один в обмотках, другой в кавалерийских сапогах, у обоих на голове фески»³. Эта ремарка списана, можно сказать, с натуры: автор, как вспоминали современники, носил солдатские ботинки с обмотками, а у Катаева была, по его словам, «красивая турецкая феска с черной кистью, полученная... по ордеру вместо шапки». Поизносившиеся одесситы щеголяли тогда в разнообразных и случайных одеждах — от сандалий на деревянной подошве, именовавшихся стуколками, до французских шинелей. Но головной убор Катаева, видимо, был столь необычен, что его запомнил, как это видно из повести «Время больших ожиданий», и Константин Паустовский: «На эстраде... краснела феска Валентина Катаева».

О своем сотрудничестве в ЮгРОСТА упомянул в «Автобиографии» Юрий Олеша: «В период военного коммунизма я работал как поэт-агитатор в Одессе, исполняя задания одесского губкома партии — по выступлениям в устных газетах, по работе над составлением листовок и текстов для плакатов РОСТА, которое на Украине называлось ЮгРОСТА».

В последней своей статье «Сердце поэта» вспоминал ЮгРОСТА и Борис Бобович: «...Он (Багрицкий.— Р. А.) работал в ЮгРОСТА, заведовал «Управлением Залами депеш», которому принадлежало большое пустынное помещение бывшего банка на Ришельевской улице (ныне улица Ленина, 10, здание не сохранилось. — Р. А.). Дважды в день здесь вывешивались югростовские бюллетени, текущая информация, военные сводки... Еще один зал был на Пересыпи... и Багрицкий в своем тулупе, в нескладной ушанке шагал через весь город на Пересыпь»...⁴.

Оставшиеся в литературе, подпернутые романтической дымкой и размытые временем воспоминания о ЮгРОСТА

удалось уточнить и дополнить с помощью документов, обнаруженных в Государственном архиве Одесской области.

Вначале в помещениях бывшего БУП разместилось Одесское губернское отделение Всеукраинского бюро прославленного Владимиром Маяковским Российского телеграфного агентства (РОСТА). Самый ранний из сохранившихся ежедневных телеграфных бюллетеней отделения за № 3 датирован 21 февраля 1920 года. Стало быть, первый номер его вышел не позднее 19 февраля и, с учетом времени, необходимого для подготовительной работы, можно считать, что отделение УкрРОСТА открылось через неделю после освобождения города от деникинцев.

22 февраля руководство отделением УкрРОСТА направило в Губревком доклад, в котором были сформулированы задачи и принципы работы: «...В первую очередь организовать отдел осведомления, который выполняет функции снабжения местной прессы материалами, получаемыми из Харькова (тогдашней столицы Украины, где помещалось Всеукраинское бюро РОСТА. — Р. А.)... а также ежедневно информирует Харьков о событиях в Одессе, губернии и за границей... В основе своей работы отделение РОСТА исходит из сообщений сведений проверенного характера, абсолютно избегая опубликования недостоверных сведений»⁵.

Два дня спустя отделение УкрРОСТА обратилось с просьбой выдать «согласно представленной сметы двести тысяч рублей, необходимые для работы... в течение первого месяца»⁶. Смета обосновывала весьма скромную сумму, необходимую для содержания штата сотрудников из девяти человек, организацию «плакатного дела и выпуска двадцати номеров газеты в месяц. Резолюция на смете появилась в день ее поступления в губком партии: «Считаю возможным выдать просимую сумму для организации текущей работы

впредь до налаживания связи с Харьковом. Зав. отд. Агит. и Проп. Ингулов. 24/2 — 20 г.»⁷. Бывший член редколлегии подпольной газеты «Одесский коммунист» Сергей Борисович Ингулов понимал необходимость скорейшего налаживания работы отделения телеграфного агентства. Условия же финансирования, оговоренные им, объяснялись тем, что одесское отделение УкРОСТА должно было состоять на балансе Всеукраинского бюро в Харькове.

Уже на следующий день после утверждения сметы заведующий отделением сообщает в Губревком: «Одесское отделение УкРОСТА приступило к ежедневной отправке информационных бюллетеней в следующие пункты... губернии: Первомайск, Вознесенск, Овидиополь, Тирасполь (входил в состав губернии до 1924 года.— Р. А.), Ананьев и Балта...»⁸.

В марте 1920 года одесское отделение УкРОСТА было преобразовано в мощную агитационно-информационную службу — ЮгРОСТА. «Вчера из Москвы прибыла в Одессу коллегия заведующих отделами организующегося в Одессе южного бюро Российского телеграфного агентства ЮгРОСТА во главе с уполномоченным РОСТА т. Анским, — сообщила газета «Одесский коммунист» 30 марта, — в круг деятельности южного бюро входит снабжение Российского телеграфного агентства... в Москве, УкРОСТА в Харькове и Киеве, других отделений РОСТА местной и заграничной информацией. В задачи ЮгРОСТА входит обслуживание информацией и литературно-агитационным материалом всего одесского района, Херсонской губернии, Крыма, по мере его очищения и южной прифронтовой полосы...».

Информация «Одесского коммуниста» была получена, вероятно, от одного из прибывших, в числе которых были знаменитый впоследствии журналист М. Е. Кольцов и его брат, ныне известный мастер политической карикатуры Б. Е. Ефимов.

Расширяя работу, ЮгРОСТА заняло и помещения на втором этаже дома в квартирах № 3 и 4. Заведующим ЮгРОСТА был назначен М. Анский, редактором газеты «ЮгРОСТА» был Михаил Кольцов, а руководство отделом изобразительной агитации (Изагитом) принял Б. Ефимов.

Основной «продукцией» Изагита ЮгРОСТА были плакаты, которые, как засвидетельствует в записках «40 лет» Б. Ефимов, «писали... клеевыми красками на фанере и устанавливали у здания ЮгРОСТА на Пушкинской улице и на наиболее людных перекрестках».

Тексты к десяткам плакатов написал Эдуард Багрицкий.

Сохранился эскиз двухкадрового плаката, на одной картинке которого изображен пирующий капиталист, а на другой — рабочий и красноармеец. Текст принадлежит перу красноармейца Владимира Сосюры.

На одном из плакатов, посвященном жизненно важному тогда вопросу спасения детей, стихи Юрия Олеши.

Безыскусные стихи, иллюстрированные броскими яркими изображениями, «читали все, начиная от попавшего в переделку фабриканта, кончая кухаркой, идущей записываться в профессиональный союз», как будет вспоминать Валентин Катаев в «Записках о гражданской войне».

Стихотворные тексты Катаева к плакатам не сохранились, но как образец его творчества «югровостовского» периода остался в газете «ЮгРОСТА» за 27 ноября 1920 года сонет «Лейтенант Шмидт»:

*Худой брюнет, не знавший в жизни страху,
Он первый флаг восстания поднял
И царскую кокарду променял
На синюю матросскую рубаху...*

Остается неизвестным широкому читателю стихотворение Юрия Олеши «Памяти Энгельса», опубликованное в ЮгРОСТЕ 27 ноября 1920 года к столетию со дня его рождения.

*...Так славе Энгельса — почетнейшее место
В рабочей памяти... Мы встали за тобой,
Коммунистического Манифеста
Один из авторов — где Маркс сотрудник твой!*

Куда больше повезло стихотворению Эдуарда Багрицкого «Знаки», которое, как вспоминали очевидцы, он буквально за час написал в конце апреля 1920 года по заданию городской Первомайской комиссии.

Сегодня его включают во все сборники поэта, но впервые «Знаки» были напечатаны в газете «ОдукРОСТА», как она именовалась с июля 1920 года, когда ЮгРОСТА преобразовали в Одесское областное отделение Всеукраинского бюро РОСТА.

Рассказывая о периодических изданиях ЮгРОСТА, нельзя обойти журналы «Лава» и «Облава», подготовленные в стенах ЮгРОСТА на Пушкинской улице. Летом 1920 года вышло по два номера этих журналов, первый из них именовался «литературно-критическим и политическим», а второй — «журналом Красной сатиры».

На страницах журнала «Лава», о котором мало знают даже профессиональные историки литературы, стихи Владимира Сосюры, рассказы Исаака Бабеля и Лазаря Кармена, драма в стихах Георгия Шенгели, переписка между Роменом Ролланом и Эмилем Верхарном... Владимир Нарбут напечатал в первом номере журнала стихотворение «Большевики»:

*Мне хочется о Вас, о Вас, о Вас
Бессонными стихами говорить...*

Пришедший на смену «Лаве» журнал «Облава» публиковал юмористические поделки в духе времени типа «красных пословиц»: «Конь о четырех ногах — и то реквизируется» или «Кто старое помянет, того в ЧК». Но наряду с этим, в нем впервые было напечатано известное стихотворе-

ние Эдуарда Багрицкого «Рассыпанной цепью», которое он написал специально для «Облавы». «Для первого номера... были заказаны стихи именно на эту тему — облава, — вспоминал Сергей Бондарин в рассказе «Звенья одной цепи»,—... пожалуй, это был один из первых ярких примеров социального заказа».

Для исследователей творчества Юрия Олеши небезынтересны напечатанные в «Облаве» его «Мертвые души в современности», начинавшиеся строфой:

*Двадцатый век! Как низко пал ты —
Перегружен, теряя дух,
бредешь от Жлобина до Балты
и от Борщей до Попелюх...*

А потом автор непосредственно обращается к гоголевским героям, сталкивая их со специфичными реалиями времени:

*О, взбаламученное море!
Там все проходит вокруг меня.
Вот Собакевич в страшном горе,
разверстку хлебную кляня,
вот Чичиков... Душою мертвой
не промышляет больше плут,
когда теперь за грош истертый
живую душу продадут!
Но дальше... дальше... Мало ль, много ль —
не назовешь, не вспомнишь тут...
Ах, Николай Васильич Гоголь,
все души мертвые живут.*

По словам Бондарина, «это шуточное стихотворение о мешочниках и спекулянтах понравилось именно тем, что за юмором, за игривостью тона улавливалось серьезное и печальное раздумье». Через много лет после Олеши к подобному приему прибегнул А. Хазин, «перенеся» Евгения Онегина в Ленинград конца 1940-х годов, за что жестоко заплатился... Но во времена «Облавы» такие «серьезные и

печальные раздумья» литераторов еще не были начисто «отменены».

Редактировал «Облаву» Владимир Иванович Нарбут, член партии с 1917 года, поэт, впоследствии директор организованного им московского издательства «Земля и фабрика», погибший в колымском лагере в 1944 году. Имя Нарбута неотделимо от истории литературной Одессы начала 1920-х годов, где он выступал на поэтических вечерах, издавал сборники своих стихов, печатался в периодических изданиях и... заведовал ЮгРОСТА.

Первым, кто в литературе возвратил имя Нарбута из забвения, был Константин Паустовский. В повести «Время больших ожиданий» он написал о том, как Нарбут выступал на вечере поэтов в Одессе: «...На сцену вышел поэт Владимир Нарбут — сухорукий человек с умным, желчным лицом... Нарбут начал читать свои стихи угрожающим, безжалостным голосом. Читал он с украинским акцентом (Нарбут родился в Черниговской губернии. — Р. А.)... Стихи его производили впечатление чего-то зловещего. Но неожиданно в эти угрюмые строчки вдруг врывалась щемящая и невообразимая нежность...»

Интерес к Нарбуту вновь всколыхнулся, когда читатели принялись расшифровывать персонажи книги Валентина Катаева «Алмазный мой венец». «Колченогий» оказался В. И. Нарбутом, хорошо знакомым автору по совместной работе в ЮгРОСТА: «Нашей ОдукРОСТОЙ руководил... странный человек — колченогий»...

Нарбут вступил в заведование ЮгРОСТА 12 мая 1920 года и вскоре поставил его работу на должную высоту. В июле было создано полевое отделение ЮгРОСТА на польском фронте. Открылись «курсы газетной техники», где делился своим богатым опытом известный в Одессе журналист Б. Д. Флит (Незнакомец). В Городском саду устано-

вили карту, на которую ежедневно наносили обстановку на фронтах. По вечерам на Соборной площади демонстрировали «световую газету ЮгРОСТА». Провели регистрацию журналистов, рассеянных по различным учреждениям, после которой в местных «Известиях» появилось извещение: «От ОдукРОСТА... Тов. Дзюбину (Багрицкому.— Р. А.), Олеше... зарегистрированным в качестве газетных работников, предлагается явиться в пятницу 28 августа в 1 ч. дня в иногородний инструкторский отдел ОдукРОСТА (Пушкинская, 11, 2 этаж) для получения назначений и инструкций. Зав. ОдукРОСТА Нарбут»⁹. Открыли «Залы депеш»...

Первый, центральный «Зал депеш» был открыт 3 июня 1920 года на улице Ленина, 10.

Позже появились «Залы депеш» на улице Московской, 6, Прохоровской (ныне — Хворостина), 48, Земской (Лейтенанта Шмидта), 27 в помещении кинотеатра «Бомонд».

В ЮгРОСТА родилась новая форма пропаганды — «устные газеты», выпуск которых устраивали по нескольку раз в день в «Залах депеш» и клубах, расположенных зачастую в противоположных частях города. С целью охвата информацией широкого круга слушателей «устные газеты» выпускали на русском, украинском, немецком, польском, нескольких восточных языках.

Как и печатные, устные газеты включали передовую статью, информацию «о текущем моменте», последние радиотелеграммы, материалы под рубрикой «Вопросы продовольствия», хронику, ответы на вопросы, задаваемые прямо из зала, литературный отдел, который вели молодые поэты. Так, Юрий Олеша читал стихи, представление о которых дают газетные публикации того периода. Эдуард Багрицкий выступал не со стихами, а с фельетонами собственного сочинения, ни один из которых не сохранился. Георгий Шенгели читал обзоры пролетарской поэзии. Валентин Катаев

выступал с рассказами, многие из которых публикуются поныне. Кстати, занимавшаяся изучением творчества Катаева литературовед Л. Скорино целый ряд его рассказов начала 1920-х годов объединяет в так называемый «югровостровский» цикл.

В творчестве же Владимира Нарбута отзвуком югровостровского периода остался очерк «Король в тени», опубликованный в 1922 году во втором номере одесского журнала «Театр», а посему мало известный. Предыстория его такова: 17 ноября 1920 года, после изгнания Врангеля из Крыма, Нарбут на пароходе «Дмитрий» отправился в Севастополь, организовал там отделение РОСТА — КрымРОСТА, объездил западную часть полуострова, открыл филиалы КрымРОСТА в Евпатории, Симферополе и Ялте.

Впечатление от этой поездки и легли в основу очерка, в котором Нарбут, в частности, рассказал о том, как разыскал он в Крыму бедствовавшего Власа Дорошевича и привлек его к работе в КрымРОСТА, чем обеспечил ему право на паек, вовсе не лишний для голодавшего журналиста. Отсюда и название очерка «Король в тени»: Дорошевич с блеском носил «титул» короля фельетона.

В середине апреля 1921 года Владимир Нарбут был переведен в Харьков на должность руководителя УкрРОСТА. Вместе с ним уехали Валентин Катаев и Юрий Олеша. Вскоре по предложению Нарбута УкрРОСТА преобразовали в Радиотелеграфное агентство Украины (РАТАУ), а одесское отделение — в областное отделение РАТАУ, существующее и сегодня.

Оно находилось на Пушкинской, 11 до начала тридцатых годов, а после войны журналистскую эстафету приняла разместившаяся тут редакция газеты «Моряк», куда на правах давнего сотрудника приходил в августе 1960 года Константин Паустовский.

«КОЛЛЕКТИВ ПОЭТОВ»

Во вторник 15 ноября 1921 года внимание читателей местных «Известий» должно было привлечь объявление, набранное петитом на последней странице газеты: «От коллектива поэтов г. Одессы. В среду 16 ноября... состоится общее собрание членов коллектива поэтов для производства чистки членов коллектива. Нач. в 6 часов вечера. Явка обязательна». Еще бы, одно дело — чистка, допустим, сотрудников Губземотдела или другого учреждения, но чистка поэтов? Чем закончилась она, мы сегодня не знаем, равно как до обидного мало известно нам и о самом «Коллективе поэтов».

6 апреля 1920 года «Известия» сообщили, что «Инициативная группа поэтов приглашает всех поэтов собраться по вопросам организационного характера в среду, 7 апреля, в 1 час дня, по улице Петра Великого, 20...» Так начался «Коллектив поэтов» — объединение литературной молодежи, о котором, будучи уже на гребне славы, с благодарностью напишет Юрий Олеша в воспоминаниях об Илье Ильфе: «Существовал в Одессе в 1920 году «Коллектив поэтов»... Отношение друг к другу было суровое. Мы все готовились в профессионалы. Мы серьезно работали. Это была школа».

Пишущий народ тут подобрался разный: бывшие участники «Зеленой лампы» Эдуард Багрицкий, Борис Бобович, Валентин Катаев, Юрий Олеша, Зинаида Шишова, упорно овладевавшие мастерством Илья Ильф, Лев Славин, Владимир Сосюра, уже два года печатающаяся Аделина Адалис, едва прикоснувшиеся к литературе Сергей Бондарин, Нина Гернет, Семен Гехт, Осип Колычев, Марк Тарловский...

«Однажды... явился мальчик,— вспоминала в неопубликованном пока очерке «1920 год. Одесса» Н. Гернет,— громко и уверенно начал что-то читать... Кончил. Все помолчали. Потом кто-то... спросил его: как он относится к Пушкину? Точного

ответа мальчика не помню, но смысл был такой, что Пушкин кончился и нам не указ. Все помолчали. И вдруг... от окна, где сидел Ильф, раздался спокойный, ровный голос: «Пошел вон». Мальчик был Семен Кирсанов. Он не пошел вон, а стал таким же участником сборищ, как и все мы»¹.

Это было летом 1920 года на той же улице Петра Великого, но в доме № 33, где бойкий окололитературный молодой человек, пописывающий изредка стихи под незатейливым псевдонимом Митя Агатов, занял, по обыкновению того времени, пустовавший зал в квартире № 4. В 1926 году земляки-поэты узнали Митю в плутоватом агенте по распространению изданий Цекомпома из повести Валентина Катаева «Растратчики», а через два года — в Остапе Бендере, хоть именем и внешностью «великий комбинатор» был обязан завсегдаю «Коллектива» Остапу Шору, брату покойного поэта Анатолия Фиолетова. Чертами Осипа Колычева, как утверждали современники, Илья Ильф и Евгений Петров наделили пресловутого автора бесконечной «Гаврилиады» Никифора Ляписа из романа «Двенадцать стульев», а приходивший к поэтам странный человек по фамилии Бабичев обернулся персонажем романа Юрия Олеши «Зависть». Так пути авторов и их героев пересеклись в «большом запущенном зале покинутой барской квартиры», как через много лет написал Катаев².

Здесь была собранная поэтами библиотека, проходили общие собрания «Коллектива», заседания его Исполнительного бюро, куда входил Юрий Олеша, запись желающих, для чего требовали представить характеристику, подписанную одним из членов «Коллектива», или образцы своего творчества. Особенно «Коллектив» старался привлечь в свои ряды интересующихся литературой красноармейцев: «К сведению красноармейцев-поэтов. Коллектив поэтов г. Одессы... широко открывает свои двери для всех пишущих красноармейцев, предоставляя им доступ как на собрания коллектива (по средам и вос-

кресеньям в 6 часов вечера), так и в число членов коллектива...». Обращение это было напечатано в газете «Красная оборона», по-видимому, не без участия ее редактора, члена Исполнительного бюро «Коллектива поэтов» Валерия Санцова 29 января 1921 года. Но еще раньше пришел в «Коллектив» Владимир Сосюра. «Будучи курсантом военно-политических курсов при 41-й стрелковой дивизии, — напишет он потом в автобиографических материалах, — я познакомился с Юрием Олешей, с поэтами Шенгели и Багрицким, которые в светлые и добрые руки взяли мое сердце и показали ему дорогу в лазурное небо поэзии...».

Деятельность «Коллектива поэтов» была, можно сказать, «открытой». Объявления о литературных вечерах обязательно помещались в местных газетах, чаще всего в «Известиях». Например: «Сегодня, 3 ноября (1920 года.— Р. А.) в 5 с половиною часов в коллективе поэтов (улица Петра Великого, 33) состоится очередное литературное собрание. Платой за вход служит книга. Собранные таким образом книги пойдут на укрепление библиотеки коллектива»³. Или: «В среду 1 декабря в коллективе поэтов... состоится большой литературный вечер памяти поэта А. Фиолетова. Вход свободный и бесплатный»⁴.

29 ноября 1920 года здесь устроили вечер московского поэта-футуриста Алексея Чичерина, поселившегося на улице Греческой (теперь — Карла Либкнехта), 45, у друга Багрицкого — студента-медика и поэта Александра Кранцфельда, который, похоже, и привел его в «Коллектив». Чичерин читал одесским поэтам поэмы В. Маяковского и через много лет восхищенный Кирсанов рассказывал автору монографии о творчестве В. Катаева «Писатель и его время» Л. Скорино: «Это был... лучший из слышанных мною литературных чтецов. В коротких штанишках, с голыми ногами, бритым черепом, великан, голосистый, он великолепно читал Маяковского — поэмы

«Человек» и «Облако в штанах». После этого, как свидетельствовал Лев Славин в «Коллективе поэтов» уже «не было авторитетов. Но был бог: Маяковский».

В конце 1921 — начале 1922 года поэтам пришлось покинуть улицу Петра Великого и собрания «Коллектива» проводили в районном клубе профсоюза соработников на улице Ласточкина, 22. Здесь, в частности, в феврале 1922 года состоялся устроенный «Коллективом поэтов» «литературный суд» над произведениями С. Я. Надсона, приуроченный к 35-летию со дня его смерти.

Позже «Коллектив поэтов» обосновался на нынешней улице Советской Армии, 6, где 3 декабря 1922 года Эдуард Багрицкий читал отрывки из поэм «Большевики» и «Сказание о море, матросах и Летучем Голландце», а Сергей Бондарин — забывшись современникам поэму «Наливное яблоко». Тогда же члены «Коллектива» иногда читали свои произведения в так называемой «Мастерской производственно-синтетического театра» на Соборной площади, 2, квартира № 12.

К концу 1922 года «Коллектив поэтов» распался, так как многие его активные участники переехали кто в Москву, кто в Харьков, и лишь газеты доносили вести об их успехах.

«Молодой украинский поэт Владимир Сосюра, известный одесситам по «Коллективу поэтов», — сообщили «Известия» 7 февраля 1922 года, — с успехом выступает в Харькове на литературных средах». Но и те, кто ещё оставались в Одессе и «кочевали» с «Коллективом», все свои воспоминания о нем будут связывать с залом на улице Петра Великого, где, как напишет Сергей Бондарин в рассказе «Звенья одной цепи», «из-за отсутствия керосина на «среды» и «пятницы» собирались пораньше, но стихи лились и лились, и чтение продолжалось в темноте: сыпались искры от грубых, плохих самокруток, над вершинами акаций появлялась луна, у окна темным силуэтом рисовалась широкополая шляпа Зинаиды Шишовой».

Акации и сегодня украшают улицу Петра Великого, и дом № 33 по-прежнему стоит неподалеку от консерватории, где собирались когда-то поэты «Зеленой лампы», предшественники «Коллектива поэтов». А вот зал его уже давно разгорожен на отдельные комнаты и его интерьер времен «Коллектива поэтов» можно представить себе по сохранившимся деталям да оставшимся в рукописи воспоминаниям друга Ильи Ильфа — художника Евгения Окса: паркет с меандром по периметру, мраморные подоконники, атласно желтые портьеры, кресла с шелковой обивкой, а в углу — рояль известной среди музыкантов фирмы «Стенвей». Вечерами на нем музицировал Бабичев, а ночью... спал поселившийся здесь одно время Багрицкий. Курьезный этот факт, являвшийся, впрочем, характерной черточкой времени, остался в книге воспоминаний младшего друга Юрия Олеши — писателя Филиппа Гоппа «В те недавние времена»: «Как-то я присутствовал при странном разговоре Олеши и Багрицкого. Они стояли в глубине зала Дома Герцена (клуб писателей в Москве.— Р. А.) возле рояля. Заметив, что Багрицкий машинально поглаживает крышку рояля, Олеша сказал:

— Я вижу, Эдя, что тебя манит знакомое лоно.

— Что ж. я не отказался бы сбросить десяток лет с плеч...».

Нас от «Коллектива поэтов» отделяют многие десятилетия. Постепенно ушли участники, немного осталось и просто современников. Лет двадцать назад удалось разыскать инженера Ивана Андреевича Лапина, который в 1920 году жил в квартире № 4. «Мои две комнаты были слева от входной двери, а большой зал справа заняли поэты. Я у них не бывал. Собирались они не каждый день, но когда собирались — шумно было. Дверь — всегда настежь». До разочарования скупыми оказались воспоминания человека, жившего бок о бок с «Коллективом поэтов», только претензий к нему предъявлять бессмысленно: у каждого свои интересы, да и забот в те времена пре-

достаточно было. Впрочем, неплохая деталь это: всегда открытая дверь «Коллектива поэтов»...

ТЕАТР-ИЛЛЮЗИОН «УРАНИЯ»

Первые в Одессе киносеансы устроил представитель изобретателя кино француза Люмьера осенью 1897 года. С начала же века начали появляться стационарные кинотеатры или, на языке того времени, театры-иллюзионы, которых со временем расплодилось великое множество: «Бомонд», «Гигант», «Одеон», «Океан», «Стадион», «Эдиссон», «Тамара», «Слон», упоминание о котором осталось в «Записных книжках» Ильи Ильфа: «...Он... вел себя, как в дешевом кино, как в кино «Слон» на Мясоедовской (теперь — Шолом-Алейхема) улице». Были кино с названиями, отражавшими необычность нового зрелища или связанными с недавними торжествами по случаю наступления нового века: «Живой экран», «Зеркало жизни», «Двадцатый век», над входом в который висели две огромные римские десятки. Мальчишки, еще не знакомые с римскими изображениями чисел, прочитывали их по-своему: «Мама! Дай десять копеек на ха-ха век».

Во дворе старинного дома на улице Карла Маркса, 6, «укрылось» от взглядов прохожих пятиэтажное здание, построенное в 1914 году по проекту архитектора С. Гальперсона. На первом этаже в левом крыле здания тогда же открылся театр-иллюзион «Урания».

Зал «Урании» был скромен и строг: девяносто стульев для зрителей, экран, справа от него — гипсовая Венера Милосская, слева — кафедра для лектора: ведь не простая одесская «киношка», украшенная всякой дребеденью, а «первый в России художественный и научно-литературный кинематограф». По свидетельству Б. Вальбе в статье «Из литературного прошло-

го», «...культурным очагом в Одессе был кинематограф «Урания»... на Екатерининской улице. В «Урании» профессора и литераторы читали лекции о русской культуре. Здесь чаще всего и бывали А. Н. Толстой и Н. В. Крандиевская. Одесситы охотно посещали вечера «Урании». Одним из лекторов, подвизавшихся в «Урании», был друг Эдуарда Багрицкого — Станислав Радзинский, впоследствии московский журналист и театральные рецензент, отец драматурга Радзинского. 29 декабря 1918 года И. Бунин читал тут свой рассказ «Смерть Моисея», позже названный им «Смерть пророка». «Ян читает сегодня в «Урании», — записала в дневнике жена писателя В. Н. Муромцева, — и я слушала его с необыкновенным интересом, а ведь это, вероятно, в сотый раз!»¹.

В научном кинематографе «Урания» демонстрировали научно-популярные ленты «Электричество и жизнь», «Вода», «Пищеварение», «Рентгеновские лучи». Но главным образом репертуар формировался из литературных экранизаций, которых к тому времени уже достаточно накопилось в русском и зарубежном кинематографе: фильмы по произведениям И. А. Гончарова, Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого, И. С. Тургенева, А. П. Чехова, А. Доде, С. Жеромского, Г. Сенкевича, О. Уайльда... «Я сидел в кинематографе «Урания» и смотрел фильм «Портрет Дориана Грея» (по роману Оскара Уайльда.— Р. А.). Тогда кинематограф назывался «иллюзион». Слова «фильм» не существовало... В картине «Портрет Дориана Грея» играл Мейерхольд,— вспоминал Юрий Олеша в статье «Любовь к Мейерхольду».

В «Урании», как и в других иллюзионах, сеансы были только вечерними, а днем залы, большей частью, пустовали. И осенью 1918 года в «Урании», рядом с юной «музой кинематографа», поселилась древняя и вечно молодая муза театра: артист Московского Художественного театра В. Тезавровский открыл тут школу-театр. «...В художественный совет ее входи-

ли академик Д. Н. Овсяннико-Куликовский, писатели А. Н. Толстой и И. А. Бунин, критик Д. Л. Тальников и другие», — вспоминал в книге «Дороги театральные» Г. К. Крыжицкий, ставший в 1920 году заведующим театральной секцией одесского Губнаробраза.

Позже писателей старших поколений сменила в «Урании» литературная молодежь: летом 1920 года в зале закрытого к тому времени иллюзиона открыли кафе поэтов «Пеон 4-й». Такие кафе были колоритной чертой культурной жизни первых десятилетий века — в Петрограде «Бродячая собака» и «Привал комедиантов», в Москве — «Домино» и «Стойло Пегаса», в Харькове — «Балаганчик»...

«Летом 1920 года первое одесское кафе поэтов с загадочной вывеской «Пеон четвертый» было открыто, — писала в мемуарных очерках «Так начинают жить стихом» участница литературных кружков тех лет Т. Г. Лишина, — название привлекало, но оно нуждалось в разъяснении, кроме того, следовало украсить стены. Инициативная группа, в которую вошли Багрицкий, журналист Василий Регинин (будущий редактор известного советского журнала «30 дней») и художник Мифа — ...брат Ильфа, занялись этим. Развесили плакаты, сатирические рисунки, стихотворные лозунги. У входа поместили плакат с четверостишьем из сонета Иннокентия Анненского: «На службу лести иль мечты, равно готовые консорты, назвать вас вы, назвать вас ты, Пеон второй — Пеон четвертый?» Привлекал внимание рисунок с изображением огромного металлического ключа и маленького фонтанирующего источника с надписью «Кастальский ключ» и шуточными стихами Багрицкого: «Здесь у нас, как сон невинен и как лезвие колюч, разъяснит вам всем Регинин, что за ключ — Кастальский ключ»...

Имелся в виду источник на горе Парнас, посвященный Аполлону и музам.

По словам Лишиной, Багрицкий написал тогда куплеты, ко-

торые стали «поэтической эмблемой» кафе и поясняли непосвященным его название: «Четвертый Пеон — это форма стиха...».

Во главе кафе поэтов стоял известный на Юге импрессионист, впоследствии — директор Большого зала московской консерватории Е. Галантер, а в программе вечеров, регулярно устраиваемых в «Пеоне 4-м», были выступления литературной молодежи. Объявления о вечерах, печатавшиеся в газетах, остались документальными свидетельствами времени, определяющими состав выступавших: «Пеон 4. Эстрадное выступление поэтов. Новая программа. Стихи Георгия Шенгели, экспромты Потемкина, Олеши. Выступления группы пролетарских поэтов — Чичерин, Вас. Регинин, Э. Багрицкий»². Или, к примеру, другое, расширяющее состав участников: «Пеон четвертый (Екатерининская, 6). Начало в 9 часов. Эстрада пролетарских поэтов. Демонстративные выступления Ильфа. Стихи — Георг. Шенгели, лирика — Сосюры, песнопения — Чичерина...»³.

Возвращаясь воспоминаниями в годы своей одесской молодости, Лев Славин в статье «Ильф и Петров» писал, как «на эстраду... «Пеона 4-го» входил Ильф, высокий юноша, изящный, тонкий. Мне он казался даже красивым... Высоким голосом Ильф читал действительно необычные вещи, ни поэзию, ни прозу, но и то и другое, где мешались лиризм и ирония...». Эти стихи Ильи Ильфа не сохранились, но один отрывок, к счастью, запомнил Евгений Окс:

*На Вандименовой земле,
Что в самом низу географической карты,
Бидеино сердце познало любовь.
И вот души Биде стропила
Трещат под тяжестью любви...
Комнату своей жизни он оклеил мыслями о ней,
С солнца последние пятна счистил:
Пусть светит светлее для Анке,
Но Анке неверная, Анке коварная,*

*Бидеин комплекс добродетелей оставив втуне,
Дандина сына и Данди самого
подарила любвями и раями.
Бедный Биде! От беды такой
Небеса должны содрогнуться...⁴*

Влияние Маяковского, о чем, кстати, утверждал Лев Славин, обретает в этом отрывке отчетливые очертания... В отличие, к примеру, от Эдуарда Багрицкого или Георгия Шенгели, в «Пеоне 4-м» Илья Ильф впервые выступал перед широкой публикой, если не считать «сред» в «Коллективе поэтов» с достаточно ограниченным кругом слушателей.

Кафе поэтов осталось и в воспоминаниях Владимира Сосюры. «Было в Одессе «Кафе поэтов» на улице Карла Маркса, где мы иногда читали стихи... с Багрицким», — напишет он потом в «Днях юности». О первом появлении Сосюры в «Пеоне 4-м» написал Вадим Долинов в статье «Так начинался поэт», напечатанной в газете «Чорноморська комуна» 3 ноября 1965 года к семидесятилетию со дня рождения Багрицкого: «Однажды вместе с Эдуардом сюда пришел... солдат во фронтовой шинели. Гость прочитал на украинском языке прекрасные фронтовые стихи, которые были встречены овацией. Так я впервые увидел Владимира Сосюру».

...Первое в Одессе кафе поэтов «Пеон 4-й» закрылось в начале августа 1920 года.

А из старых одесских кинотеатров-иллюзионов сохранились лишь «Большой Ришельевский» (им. Короленко), «Наука и жизнь» (кинотеатр «Хроника»), «Художественный» (им. Фрунзе), «Парижский» — позже им. Уточкина (им. Маяковского). Остальные канули в прошлое. И только «Урании» судьба определила остаться в истории культурной жизни Одессы.

РЕДАКЦИЯ ГАЗЕТЫ
«МОРЯК»

Летом 1956 года в Одессе побывали Даниил Гранин и Константин Паустовский. «Паустовский показывал мне свою Одессу,— вспоминал Гранин в очерке «Чужой дневник»,— ...дом, где когда-то помещалась редакция газеты «Моряк»¹.

Первый же дом, построенный на этом месте, уже через пять лет после основания города попал в путевые записки сенатора П. И. Сумарокова «Путешествие по всему Крыму и Бессарабии»: «...Был вечер, как я въехал в Одессу... Я проезжал, оставляя в левой руке синее море... и, наконец, привезен был в обширный дом генерала князя Волконского. Оный обнесен со всех четырех сторон каменными строениями и отдавался в наймы разным людям, где я и нашел для себя две комнаты...»².

В конце 1820-х годов здесь выстроили дом графа Потоцкого, вскоре арендованный под канцелярию генерал-губернатора М. С. Воронцова. В канцелярии еще служили чиновники, помнящие коллежского секретаря Александра Пушкина, к примеру, казначей И. Я. Архангельский. К сожалению, Л. Черейский не включил Архангельского в обстоятельный биобиблиографический словарь «Пушкин и его современники». «Но ведь жизнь Пушкина — не только то, что растягивается в привычный, последовательный историко-литературный ряд,—справедливо подчеркивал И. Л. Андроников,— но и общение с людьми — знакомыми и незнакомыми, встречи на улице, в собраниях, в толпе»³. А с казначеем Архангельским Пушкин встречался регулярно при получении жалованья, которое поэт называл не иначе, как «паяк ссылочного невольника». Архангельский же выдал ему и четыреста «прогонных» рублей перед памятной командировкой «на саранчу», в чем Пушкин собственноручно расписался:

«Одесса Мая 23 дня 1824 года.

По случаю отправления меня для собрания сведений о саранче в уездах: Херсонском, Александрийском и Елисаветградском, на уплату прогонов за две почтовые лошади примерно четырьмястами рублями Ассигнациями от Казначея Титулярного Советника Архангельского.

Получил
Коллежский Секретарь
Александр ПУШКИН» ⁴.

Опальный поэт Виктор Тепляков получал тут в 1830-х годах предписания генерал-губернатора, как и при Пушкине предваряющиеся уничижающим обращением — «состоящему в штате моем...».

В ноябре 1844 года из Москвы явился в канцелярию молодой Яков Полонский. А три с лишним десятилетия спустя одесские воспоминания Полонского обернулись автобиографическим романом «Дешевый город», героя которого представляют «директору канцелярии... Фабру — личности известной по всему одесскому округу» ⁵.

Ко времени появления романа канцелярию упразднили, а на ее месте в 1875 году по проекту архитектора Ф. Гонсиоровского построили трехэтажное, с двумя дворовыми флигелями здание, и поныне числящееся под № 1 на Приморском бульваре.

Литературная история его начиналась пушкинской выставкой, открытой здесь к столетию со дня рождения поэта в мае 1899 года.

А осенью 1906 года в этом здании открылась мужская гимназия Н. Илиади, куда поступил будущий писатель Лев Славин. Через много лет друзья Славина Илья Ильф и Евгений Петров «определят» сюда Остапа Бендера, который, как утверждают авторы «Золотого тельца», на всю жизнь запомнил

«латинские исключения, зазубренные... в третьем классе частной гимназии Илиади».

В 1909 году гимназию сменило портовое управление — началась «морская» биография дома, о чем написал Валентин Катаев в книге «Разбитая жизнь, или Волшебный рог Оберона»: «Пошел к товарищу, отец которого был начальником... порта, и товарищ повел меня в управление к своему отцу, в громадный кабинет, выходящий окнами на шумный одесский порт».

Пройдет с десятков лет, и Катаев принесет в разместившуюся здесь редакцию газеты черноморских водников «Моряк» рассказ «Сэр Генри и черт», написанный на обороте таблицы Менделеева. Катастрофически не хватало бумаги, газету печатали на обороте дореволюционных чайных и табачных бандеролей, секретарь редакции К. Паустовский писал рассказы на старых гранках, а литературный консультант Эдуард Багрицкий диктовал редакционной машинистке стихи, считывая их со старого папиросного коробка...

В начале двадцатых годов вокруг «Моряка» сгруппировалось большинство местных и приезжих литераторов. Выходивший на двух полосах, «Моряк» был полон информации — регулярно помещались материалы под рубриками «Письма из кубрика», «Хроника революции», «Одесса и губерния», «Море и погода». И постоянно печатались произведения молодых писателей и поэтов.

Десятки стихотворений напечатал в те годы в «Моряке» Эдуард Багрицкий. Одни из них, такие, как «Арбуз», «Бастилия», «Порт», «О Пушкине», теперь широко известны и включаются во все сборники поэта. Другие — остались на страницах «Моряка» свидетельством напряженной агитационной работы Багрицкого. Многие из них так накрепко привязаны ко времени, что носили характер оперативных газетных материалов. Перелистывая старые подшивки «Моряка», можно увидеть

стихи Багрицкого, посвященные открытию XIII съезда РКП, призывающие создавать воздушный флот, отвечающие на провокационный ультиматум лорда Керзона, приветствующие съезд рабкоров Одесщины... Это было подлинное «поэтическое обеспечение» важнейших политических кампаний и общественных мероприятий.

Сохранилось несколько стихотворений Багрицкого, посвященных газете «Моряк». Его стихами, к примеру, открывался юбилейный, сотый номер газеты:

*В океаническом просторе,
Где черных волн простор широк,
Простой и пламенный листок,
Ты радость зажегал во взоре...⁶*

С легкой руки Константина Паустовского имя поэта и переводчика Георгия Шенгели у многих нынешних читателей ассоциируется с вечером поэтов в Одессе, после которого, как говорили в то время, «имел быть скандал», сопровождавшийся избиением Шенгели, — инсценировка, придуманная организаторами вечера для привлечения публики. В годы же гражданской войны красного комиссара искусств Георгия Аркадьевича Шенгели знали на юге в литературных, околослитературных и совсем в нелитературных кругах, например, в белой контрразведке, которая вышла на его след в Крыму. Спасаясь от ареста, Шенгели пробрался в Одессу, где познакомился и подружился с молодыми поэтами, а после установления Советской власти в феврале 1920 года принимал самое активное участие в литературной жизни.

1 мая 1921 года имя Г. Шенгели появилось в праздничном номере «Моряка»: «Мы печатаем отрывки из стихотворной революционной пьесы Георгия Шенгели «Броненосец «Потемкин», заканчиваемой в настоящее время автором...» Эта пьеса

была одним из первых произведений советской литературы, посвященных восстанию на броненосце. Тогда еще не было сколь-нибудь серьезной исторической литературы об этом и, работая над пьесой, Шенгели, видимо, использовал воспоминания участников событий, живших в Одессе.

Как вспоминал К. Паустовский, в редакции бывали «многочисленные морские люди», и вечерами она превращалась в своеобразный «морской» клуб. «О чем только не говорили в «клубе», — писал Паустовский в повести «Время больших ожиданий», — о восстании «Потемкина» на Тендре, о расстреле революционного крейсера «Очаков» в Севастополе, об «Острове казненных» — Березани... То были россыпи языка, и потому, очевидно, молодые одесские писатели, ставшие со временем знаменитыми, почти все время проводили в этом революционном «клубе».

Бывал здесь и Валентин Катаев, которого, по его словам, к сотрудничеству в «Моряке» привлек Константин Паустовский. В мае 1921 года Катаев напечатал в «Моряке» цикл «Стихов о море» — «На яхте», «На свет маяка» и «Слепые рыбы».

Валентин Катаев входил в литературу, можно сказать, под парусом поэзии. Но позднее, не оставляя стихи, начал писать прозу, и этот поворот его творчества отразился в «Моряке»: он публикует здесь упоминавшийся рассказ «Сэр Генри и черт», один из лучших катаевских рассказов тех лет. «Я отлично помню, — вспоминал корректор «Моряка» Н. А. Подорольский, введенный К. Паустовским в повести «Черное море» под фамилией Подбельский, — как выглядел на страницах «Моряка» рассказ «Сэр Генри и черт». Я... вычитывал этот рассказ, ну а затем, как полагается, правил гранки и в третий раз придирчиво прочитал его уже в сверстанном виде»...⁷ Авторский гонорар за рассказ был по тем голодным временам роскошным: два фунта сахара, четверка табаку и буханка хлеба! «Царский был

гонорар, величайшее подспорье!»,— говорил уже в наши дни Валентин Катаев, который отлично помнил эту историю⁸.

Рассказ Валентина Катаева был напечатан 23-июня 1921 года в так называемом «золотом» номере «Моряка», отпечатанном на немислимо белой по тем временам бумаге в две краски: в заголовке газеты была набрана цифра «100». Этот номер «Моряка» раздавали тогда участникам конференции водников, которая, «учитывая значительность и ценность газеты для всей морской семьи», приняла решение о натурпремировании сотрудников редакции⁹. Это слово только вошло тогда в обиход и обозначало широкий круг предметов — от вязанки акациевых дров до буханки черного хлеба, выданного по карточкам Опродкомгуба.

Сегодня мы можем считать сотый номер «Моряка» «золотым» не только благодаря юбилейной нумерации и отличному полиграфическому исполнению, но и по составу авторов «литературного отдела»: И. Э. Бабель, Эдуард Багрицкий, Валентин Катаев и... Константин Паустовский. Он напечатал стихи, подписанные буквами «К.П.». «Помню, как он, не разгибаясь, сидел над чужими рукописями,— вспоминал Н. А. Подорольский,— а если сам и писал что-либо, то подписывался «К» или «К.П.»¹⁰.

*Вы помните,— у серого «Камилла»
Ныряли чайки, словно хлопья снега,
Как чешуя, вода в порту рябила,
И по ночам слепительная Вега
Сверкала вся, как древняя корона,
Как божий знак покинутых морей...¹¹*

До недавнего времени изысканно-романтическое это стихотворение рассматривали лишь как свидетельство того, что к началу 1920-х годов Паустовский еще не «расстался» с поэзией. Но, как оказалось на поверку, достойно памяти событие,

давшее толчок к написанию этого стихотворения. Вечером 3 июня 1921 года в порту ошвартовался углевоз «Камилло Гильберт», прибывший из Балтимора под норвежским флагом.

То был период острейшего топливного голода, когда, как через много лет будет вспоминать Паустовский, «акациевые дрова, похожие по цвету на серу, продавались в Одессе только щепками и только на вес».

Некоторое количество угля было закуплено за границей и первую его партию доставил «Камилло Гильберт», что стало событием, совершенно исключительным в тогдашней Одессе. Только что убывший из Одессы Ф. Э. Дзержинский, получив в Киеве сообщение о начале разгрузки судна, тотчас сообщил об этом по прямому проводу в Москву. «Владимиру Ильичу,— сказал он,— приятно будет узнать, что и на Черном море, следом за Балтикой и Петроградом, пошел деловой оборот с Европой»¹².

С появлением в Одесском порту иностранных судов «Моряк» начал печатать материалы на английском, итальянском, французском языках — редчайший в истории журналистики пример «многоязычной» газеты.

А в сентябре 1921 года было обнародовано в переводе на английский язык ленинское «Обращение к международному пролетариату» о помощи голодающим в России.

«...Набор заложили в машину... Машина тихо загремела, печатая историческую речь», — вспоминал К. Паустовский в повести «Время больших ожиданий» ночь на 24 мая 1921 года, когда на розовых листах с надписью на обороте «Таможенный бандероль на чай» печатали тираж «Моряка» с речью В. И. Ленина о продовольственном налоге. «Мы жадно читали ее при свете кухонной керосиновой лампочки,— продолжает он,— волнуясь и понимая, что история стоит рядом с нами...»

Можно понять, почему, проработав в редакции «Моряка» меньше года, К. Паустовский на протяжении всего творческого

пути возвращался к дорогим для него воспоминаниям, дополняя их фактами, деталями, героями и размышлениями. Ведь это была его первая систематическая работа в советской печати, и после «Моряка» Паустовский, как он признавался в повести «Бросок на юг», уже «был захвачен газетной работой, ее горячими темпами, ее стремительным движением». Сотрудничая в «Моряке», он впервые соприкоснулся с морем, если иметь в виду не ловлю скумбрии со старого волнолома, а постоянную тесную связь с делами, интересами и заботами возрождаемого флота. И, наконец, именно в «Моряке» Паустовский впервые попал в среду молодых литераторов, ставших, как он отметил, «со временем знаменитыми».

В Одессе он написал рассказ «Слава боцмана Миронова» — первый из цикла произведений о газете «Моряк», продолженного полной крутого соленого ветра повестью «Черное море» и блистательно завершено книгой «Время больших ожиданий». Как сказал в ней Паустовский, «редакция помещалась в большом особняке рядом с Воронцовским дворцом». Здесь, на первом этаже слева от центрального входа «шестьдесят сотрудников, — по его словам, — журналистов, капитанов, писателей, масленщиков, корабельных инженеров, лоцманов, матросов, гальюнщиков и поэтов» делали газету, к которой десятилетиями обращаются скрупулезные историки флота, дотошные филологи и влюбленные в свой город краеведы.

КАФЕ ПОЭТОВ «ХЛАМ»

Кафе поэтов конца 1910-х — начала 1920-х годов располагались, порою, в самых неожиданных помещениях. Московский «Питтореск», к примеру, обосновался в бывшей прачечной. Не более комфортабельными были и «апартаменты» одесского кафе «ХЛАМ».

Дом № 18 по улице Щепкина (бывшей Елисаветинской), входящий ныне в комплекс зданий Технологического института холодильной промышленности, построили по проекту архитектора В. Ф. Мааса в 1876 году. Четверть столетия спустя А. О. Бернардацци перестроил его под гидропатическое заведение, другими словами, водолечебницу. Думал ли маститый архитектор, что этот дом войдет в историю города, причем благодаря не мавританскому стилю или, скажем, подъемной машине, как называли тогда лифт, а самому что ни на есть заурядному подвалу, где помещалось ванное отделение?

Здесь в августе 1920 года руководимая уполномоченным Пролеткульта поэтом Сергеем Глаголиным ассоциация «Художественно-литературно-артистическая молодежь», сокращенно именовавшаяся «ХЛАМ», открыла одноименное кафе. А потом невиннейшая аббревиатура «Хлам» обрела массу предвзятых и иронических толкований.

Так, Лев Кассиль в книге «Маяковский — сам» вспоминал, как раскритиковал он строчки стихотворения Эдуарда Багрицкого «Контрабандисты»:

*Вот так бы и мне
В налетающей тьме
Усы раздувать,
Развалясь на корме...
Иль правильной, может,
Сжимая наган,
За вором следить,
Уходящим в туман...*

«Недурненькое сомненьице для советского поэта: не знает, с кем ему быть, с контрабандистами на шаланде или с пограничниками на дозорном катере,— передает Кассиль тираду разгневанного Маяковского,— и вы что же, верите ему? Думаете, что, на самом деле для Багрицкого еще неясно, где и с кем ему быть? У него же друзья чекисты! Он в Юго-Росте работал,

в агитпоезде ездил. А это у него старая поза из «ХЛАМа». Было у них там на «Юго-западе» эдакое заведение, что-то вроде кабака или театрлика: Художники, Литераторы, Артисты, Музыканты — ХЛАМ...»

Отдавая должное осведомленности Маяковского в фактах биографии Багрицкого, нужно признать, что стихотворение «Контрабандисты» он толковал уж слишком прямолинейно. Что же касается «ХЛАМа», то он вовсе не был пристанищем деклассированной богемы. По-видимому, Владимир Владимирович отталкивался от информации, полученной явно не из первых рук, так как те, кто бывали в «ХЛАМе», вспоминали его совсем по-другому...

«Хочется... сказать несколько слов об артистической молодежи, которая тогда сгруппировалась в объединение под названием «ХЛАМ»...— писал Г. К. Крыжицкий в мемуарах «Дороги театральные»,— в него входили Эдуард Багрицкий, Юрий

Олеша, художники И. Вускович, В. Мюллет, В. Комар, театральная молодежь, кое-кто из певцов и музыкантов. Заумно-футуристические стихи декламировал поэт Алексей Чичерин. Мы собирались вечерами в... подвальчике за стаканом суррогатного кофе с сахарином (а иногда и без оногo) и вели дискуссии о новых путях в литературе и театре. Бывал, помнится, на этих собраниях и Георгий Шенгели».

В марте 1923 года, когда одесские кафе поэтов уже принадлежали истории литературы, перебравшийся в Москву Юрий Олеша упомянул их в письме поэтессе Эмилии Немировской: «...Нужно скорее приезжать в Москву. Довольно Одессы. Но с какой любовью и нежностью я вспоминаю об Одессе — о всем: о коллективе («Коллектив поэтов». — Р. А.), о «Пеоне 4-м», о «ХЛАМе»... Кончилась какая-то чудесная жизнь — молодость, начало поэзии, революции, любовь...»¹.

Не забыл кафе поэтов и академик М. П. Алексеев — известный ученый-литературовед, почетный доктор множества зарубежных университетов и член зарубежных же академий. «Вспоминаю «ХЛАМ» (художники, литераторы, артисты, музыканты), «Мебос», что означало мебелированный остров...», — говорил он незадолго до своей кончины. Два кафе не случайно соединились в воспоминаниях академика.

«ХЛАМ» просуществовал всего несколько месяцев, но литературная история дома на этом не оборвалась. Не пройдет и года, как любители поэзии прочитают в местных «Известиях» набранное петитом объявление: «В воскресенье, 26 июня (1921 года. — Р. А.) состоится (Елисаветинская, 18) открытие эстрады поэтов «Меблированный остров». Участвуют: Багрицкий... Владимиров, Ильф, Кирсанов, Славин... В программе: стихи, экспромты, памфлеты, почтовый ящик, окно сатиры. Нач. в 10 час. веч.»². Через две недели та же газета сообщит, что «Меблированный остров» открыт «общими усилиями группы местных поэтов»³.

Чтобы представить себе обстановку «Мебоса», нужно обратиться к воспоминаниям Т. Г. Лишиной «Так начинают жить стихом». По ее словам, «десяток стульев и столов, буфетная стойка и расстроенное пианино, над которым висела надпись: «В пианиста просят не стрелять — делает, что может» — составляли всю меблировку «острова». За единственным маленьким залцем нового кафе, в тесных кабинах почему-то (сегодня мы знаем почему.— Р. А.) остались мраморные ванны, пугая неожиданностью случайно попавшего туда посетителя. Участникам выступлений они служили и раздевалкой и местом отдыха и перекура между выступлениями, за которые полагался бесплатный ужин».

Озорная надпись о пианисте была позаимствована молодыми поэтами у Оскара Уайльда, который увидел ее в конце прошлого века в одном из американских салунов.

В остальном же кафе поэтов «Мебос» было целиком самобытным и носило четкий отпечаток времени.

«Мебос» стал тогда «базой» одесского губернского отделения Всеукраинского союза писателей и поэтов (ВУСПП), канцелярия которого располагалась на улице Гаванной (теперь — Халтурина), 10, где в квартире № 4 жил с родителями юный Семен Кирсанов. Отделение ВУСПП проводило в кафе общие собрания, устраивало вечера поэтов и так называвшиеся «литературные чтения», что в период бумажного голода было самой доступной формой «публикации» стихов и прозы.

Секретарь отделения ВУСПП — выпускник юридического факультета Новороссийского университета Эмиль Владимиров — сотрудник уголовного розыска, читал стихи, совершенно не связанные с его профессией и носившие явные следы влияния Эдуарда Багрицкого:

*А в комнате уже у очага
Веселая возня, огонь медовый
Горшки облизывает и кастрюли,*

*Над кувшинами с молоком горячим
Душистый пар клубится и дрожит...⁴*

Посетители «Мебоса» могли услышать там Эзру Александрова, талант которого высоко ставил Багрицкий. Как вспоминал Семен Гехт, в первые минуты знакомства Багрицкий с сожалением и восхищением сказал ему: «Эх, вы не застали здесь Эзру Александрова... Вот был поэт!» Особенно нравились Багрицкому стихи Александра об интервенции:

*Волосы рыжие — цвет Эльдорадо,
Нам Калифорнии вовсе не надо,
К черту все золото Южной Америки,
Стынут от холода русские скверики,
В небо высокое бьет офицер,
В небо высокое бьет без потерь...⁵*

В программах «Мебоса» участвовал и Александр Горностаев, который, по словам Бориса Бобовича, был интересным поэтом, близким по духу Вячеславу Иванову:

*Уже по земле побираться не долго...
Что делать? Стихия! Смирись и терпи...
Безмолвная, мутная, мертвая Волга
Катится по мертвой степи.⁶*

Современники запомнили и скромного служащего Губкоммунотдела Михаила Гиттермана, чьи сентиментальные стихи, казалось, старательно обошло бурное врывавшееся в поэзию время:

*Я из листьев построю в лесу себе келью
И пойду в нее жить.
Позову только музу свою к новоселью,
Только с ней буду пить...⁷*

По-разному потом сложились их судьбы...

Никто из них не вышел в профессиональные поэты, но в начале 1920-х годов они составили тот литературный фон, без

знания которого представление о культурной жизни города было бы неполным.

К представителям литературного фона можно отнести и Георгия Долинова, который большую часть жизни прожил в Ленинграде и написал обстоятельные воспоминания, ныне хранящиеся в Государственной публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. В них наряду с многочисленными фактами и деталями литературной жизни Одессы тех лет остался и «Меблированный остров», где Багрицкий... часто выступал с буриме и в «турнирах на эпиграммах». Последнее мероприятие имело большой успех у посетителей и привлекало в подвал много публики. По свидетельству современников, Эдуард Багрицкий был непревзойденным мастером эпиграмм и «моментального» поэтического творчества вроде:

*Уже зажглась в Мебосе лампа,
Но здесь не цирк и ведь не рампа...⁸*

Конечно, «Мебос» — не цирк и не театр, но лицедейство не чуждо было молодым поэтам:..

За неделю до открытия «Мебоса» в «Зале депеш» ЮГОСТА на улице Ленина, 10, Багрицкий читал на литературном вечере свою поэму «Харчевня». Сюжет ее сводится к следующему: вечером в придорожной харчевне останавливаются двое молодых путников, которые ужинают, пьют вино и читают стихи. Неожиданно в поэтическую их беседу вклиняется старый трактирщик, и они узнают в нем некогда прославленного поэта, давно променявшего лиру на фартук, прилавок, бочонки и нож, «лоснящийся от жира». В финале, как вспоминал Сергей Бондарин, «молодые люди, счастливые нежданной встречей, оказывают почести человеку, стихи которого научили их понимать поэзию».

Багрицкого увлекала тема о поэте, ушедшем от тревожной полуголодной жизни в мир сытости и благополучия. Позже она

войдет в поэму «Трактир», а «Харчевня» будет утеряна. Но до этого, как написал Лев Славин в воспоминаниях об Илье Ильфе и Евгении Петрове, «несколько литераторов во главе с Эдуардом Багрицким поставили и сыграли поэму Багрицкого «Харчевня». Постановка эта состоялась в литературном кафе «Мебос» («Меблированный остров»), Ильф играл роль одного из путников. Он вел ее изящно и весело...».

О своем участии в постановке Славин скромно умолчал, но «секрет» его открыл Сергей Бондарин. «По инсценировке Багрицкий, в фартуке трактирщика, с подвязанной бородой и наклеенными баками, исполнял роль содержателя харчевни, проезжими поэтами были — молодой... коротко остриженный Ильф и Лев Славин, еще ходивший в студенческой фуражке, — засвидетельствовал он в воспоминаниях «Мой старший друг — Багрицкий»... — Вокруг за столиками сидели другие, еще более юные и восторженные участники инсценировки...».

Среди них была Т. Тэсс, тогда пятнадцатилетняя Танечка Сосюра. Через много лет ее брат — старейший одесский врач-невропатолог, основатель секции «Одессика» при Доме ученых Б. Я. Сосюра рассказывал, что их мама в гостеприимном домике на Ближних Мельницах испекла специально для постановки пирожки — роскошь по тем временам невиданную: «режиссер Багрицкий» требовал строго реалистически изобразить харчевню. И голодные актеры-поэты начали поедать этот «реквизит с картошкой», не дожидаясь начала действия. Как заметит Бондарин, «это было в голодные, но веселые годы общей молодости...».

РЕДАКЦИЯ ГАЗЕТЫ
«СТАНОК»

Рассказывая о работе в газете «Моряк», выпуск которой был временно прекращен в октябре 1921 года, К. Паустовский в повести «Время больших ожиданий» отметил: «После закрытия «Моряка» я начал работать в газете «Станок». А находилась она в доме рядом с оперным театром, в котором болес полувека помещается ЗАГС.

Его построили в 1892 году по проекту архитектора И. Яценко для редакции, конторы и типографии «Одесского листка» — газеты «политической, научной, литературной, общественной и коммерческой», как рекламировал ее основатель и издатель В. В. Навроцкий. Двамя десятилетиями ранее это был зряшный «Одесский листок объявлений», редакция которого ютилась чуть ли ни в одной комнате дома нынешнего ресторана «Театральный», что на углу улиц Советской Армии и Карла Либкнехта. Как вспоминал полузабытый ныне писатель И. Потапенко в статье «Чудо Одессы», «Одесский листок объявлений» каждое утро появлялся на заборах и собирал около себя толпы... Потом как-то само собой отпало слово «объявлений» и остался просто «Одесский листок». Дальше — своя типография, собственный дом...»¹.

Здесь служил Влас Дорошевич, которого сам московский издатель И. Д. Сытин пытался было сманить на должность редактора своей известной газеты. «Я уже давно любовался прекрасным дарованием Дорошевича и давно мечтал о приглашении его в редакторы «Русского слова», — признавался он в воспоминаниях «Жизнь для книги», — помню, когда он работал еще в «Одесском листке» у Навроцкого, я ездил к нему в Одессу и вел переговоры». Тогда эта попытка не удалась, но позже Сытин добился своего. И все же славой «короля фельетона» Дорошевич обязан публикациям «Одесского листка».

Помнит этот дом маститых журналистов И. Ф. Василевского («Буква») и С. Т. Герцо-Виноградского («Барон-Икс»), А. М. Дерibasа, «летописца порта» Л. О. Кармена — отца знаменитого кинооператора, И. А. Бунина и его молодого ученика Вальо Катаева. Летом 1918 года Катаев повстречал тут Бунина, и спустя без малого пятьдесят лет эта встреча обернулась страницей книги «Трава забвения»: «...Я увидел его вновь, столкнувшись с ним на тех неудобных ступеньках винтовой лестницы, которые вели немного вниз, в контору «Одесского листка», где я, помнится, получал гонорар за напечатанные стихи... Так началось мое двухлетнее общение с Буниным до того дня, когда он наконец окончательно и навсегда покинул родину».

Не выдержал «экзамена революцией» и «Одесский листок». После установления в Одессе Советской власти в январе 1918 года газету закрыли, и возобновилась она лишь при австро-немецкой оккупации, сменившейся французской интервенцией...

С приходом Советской власти в апреле 1919 года «Одесский листок» вновь был закрыт и в доме Навроцкого, как его называли одесситы, расположилась редакция газеты «Одесский коммунист». История «Одесского коммуниста» полна мужества и романтики. Газета выходила в подполье, печаталась на русском и французском языках в типографии, оборудованной в катакомбах, тайком проникала на корабли интервентов... После занятия Одессы денikinскими войсками газета вновь выпускалась подпольно.

Ныне комплект «Одесского коммуниста» хранится в фондах Государственной научной библиотеки имени А. М. Горького и даже переведен на микрофильм, дабы надолго сберечь бесценные страницы.

Одна из этих страниц в прямом смысле слова стала страницей истории украинской советской литературы. 24 июня

1920 года на первой полосе «Одесского коммуниста» была напечатана знаменитая «Відплата» — стихотворение Владимира Сосюры, по настоящему открывающее дарование молодого украинского поэта. Это была памятная в истории украинской советской литературы дата, как десятилетия спустя назовет ее известный писатель Константин Гордиенко, который в бытность начинающим журналистом готовил стихотворение Сосюры к печати.

«В Одессе выходили две русские газеты: «Одесские известия» и «Одесский коммунист», — вспоминал Сосюра, — я написал стихотворение «Відплата» и решил послать его в «Одесский коммунист». Накануне я прочитал это стихотворение в нашем политотдельском клубе (автор был тогда курсантом военно-политических курсов 41-й стрелковой дивизии. — Р. А.). Я был уверен, что стихотворение напечатают: переписал его для газеты печатными буквами, чтобы в типографии не наде-

лали ошибок. Помню начало моего письма к редактору: «Дорогой товарищ редактор! Посылаю для вашей газеты стихотворение «Відплата». Я горжусь, что пишу по-украински, но с рабочим содержанием»... На следующий день смотрю (а тогда газеты наклеивали на стены), в газете «Одесский коммунист» на первой странице большими буквами заголовок «Відплата» и мое стихотворение. У меня точно выросли крылья.

Одесские газеты сберегли и свидетельства участия Сосюры в литературной жизни города. К примеру, газета «Красная оборона», выпускавшаяся военкоматом совместно с политотделом 14-й армии, сообщала, что 19 июля 1920 года в помещении политотдела на Приморском бульваре, 10, состоялось торжественное открытие клуба «Пролетарская культура» и «после ораторов курсант политшколы тов. Сосюра, поэт-самородок, прочел ряд своих стихов»².

Появление имени В. Сосюры на страницах «Одесского коммуниста» относится уже к тому времени, когда, выйдя из подполья, его редакция помещалась на Екатерининской улице, 8, где она обосновалась после освобождения города от денкинцев в феврале 1920 года.

А через год в доме Навроцкого разместилась редакция газеты губернского совета профсоюзов «Станок», которую потом переименовали в «Рычаг», а в начале 1922 года закрыли из-за нехватки бумаги.

30 ноября 1921 года в «Станке» было напечатано стихотворение Эдуарда Багрицкого «Ледяная коммуна»:

*В стране, где холодом суровым
Овеян сумрачный гранит,
Где тусклым пламенем багровым
Сиянье севера горит,
Где у холодных берегов,
Над лодкой грубой и дощатой
Голодный стонет рыболов
О доле нищей и проклятой...*

Это стихотворение забыто. Но обстоятельства его создания, при ближайшем рассмотрении, оказались характерными для творчества поэта начала 1920-х годов. Багрицкий предварил стихотворение выпиской из газетного сообщения: «В Исландии произошли крупные столкновения между коммунистами, моряками и рыбаками с одной стороны и полицией и белой гвардией — с другой». Эта информация была напечатана в «Станке» накануне, 29 ноября. Даже если предположить, что поэт познакомился с телеграммой РОСТА в редакции в день ее получения, т. е. 28 ноября, то и тогда для создания стихотворения, с учетом времени, необходимого для набора, верстки и прочих процессов рождения газеты, у него оставались едва ли сутки. Это был поистине «стиль ЮгРОСТА», когда телеграмма через несколько часов «превращалась» в красочный плакат, стихотворные строчки. «Свистит буйный ветер революции,— вспоминал в 1926 году в газете «Гудок» Валентин Катаев,— холодно. Голодно. Коченеют руки. И вместе с тем, как работалось!»³.

Валентин Катаев напечатал в «Станке» отрывок из поэмы «Бронепоезд» под названием «Октябрь»:

*Он уходит, дымя за откосами,
Ветер путает след голубой,
И хрипит, задыхаясь колесами,
За спиной паровоз броневой.
Надвигаются брови вечерние
Над слепыми глазами снегов,
Над горбами Подольской губернии
И над ржавой броней дубов.*

Эти стихи, рожденные воспоминаниями автора о военных дорогах 1919 года, появились в праздничном номере «Станка» за 7 ноября 1921 года.

Месяц спустя со стихотворением «Голод» в «Станке» выступил заведующий ЮгРОСТА В. И. Нарбут:

*...Не поворачивая головы,
Глаза горячие вперед уставя,
Среди мирской, подкошенной травы,—
Шагает призрак в ужасе и славе...⁴*

Так рабочая газета «Станок» сберегла образчики зарождавшейся революционной поэзии и свидетельства активного участия литераторов в становлении советской печати...

5 ноября 1921 года Агитпром губкома партии известил через газету «Станок», что группа партийных, советских, военных работников, пропагандистов и журналистов объявляется мобилизованной — термин, употреблявшийся тогда в самых, казалось бы, неожиданных случаях — для организации в клубах города вечеров воспоминаний, посвященных четвертой годовщине Октябрьской революции. В длинном перечне фамилий был назван и Паустовский. Вечера состоялись 6 ноября в многочисленных клубах Одессы. Большой вечер состоялся в клубе Райкульта на улице Гоголя, 5. Но Паустовский был направлен в клуб имени Демьяна Бедного при дрожжевом заводе, потому что к тому времени он не имел уже никакого отношения ни к Райкульту, ни к газете «Моряк», поскольку эта газета уже месяц как была закрыта, а Паустовский состоял в редакции «Станка».

Но, как признавался Константин Георгиевич, чего-то ему в редакции «Станка» не хватало. То ли морской романтики, то ли ежевечерних бесед в редакции «Моряка», то ли сознания того, что ты делаешь невиданную еще морскую газету. Во всяком случае, когда в январе следующего 1922 года выпуск «Моряка» возобновили, в редакцию, как моряки на родное судно, тотчас начали возвращаться сотрудники: неизменный фельетонист Я. Ядов («боцман Яков»), не мыслящий жизни без порта репортер А. С. Ловенгардт, хроникер А. А. Аренберг, который взял некогда интервью у самого А. И. Куприна, помощник редактора К. Г. Паустовский.

19 января 1922 года по командировке «Моряка» Паустовский уехал на пароходе «Димитрий» в Крым, и на этом одесская страница его биографии оказалась дописанной. Но незадолго до отъезда Паустовский «по горячим следам» написал рассказ «Репортер Крыс» о юном пожарном репортере «Станка», который, окончив так называемые курсы газетной техники при ЮгРОСТА, понял, «что такое газета, что такое журналист». А потом, узнав о надвигающемся сокращении, заплакал и попросил, чтобы ему разрешили только остаться в редакции: «денег ему не нужно». И редактор «Станка», не склонный, казалось, в то суровое время к сантиментам и эмоциям, оставил репортера Крыса на единственно возможной тогда должности курьера редакции, где «отражается на торопливо исписанных гранках вся сложная жизнь портового города.. а на листах папиросной бумаги с лиловыми строчками телеграмм РАТАУ горит весь мир в его блеске, борьбе, гениальности и негодовании».

Этот рассказ впервые был опубликован в 1925 году в журнале «Журналист» под названием «О норд-осте, героях и репортере Крысе» с подзаголовком «Воспоминания 1921 г.», что свидетельствует о его документальности.

Через три года появился роман «Двенадцать стульев», в котором Илья Ильф и Евгений Петров назвали «Станком» московскую газету, в редакцию которой попал один из разыскиваемых Бендером стульев: «Скажите, товарищ... где здесь находится редакция газеты «Станок»? Но это было лишь намеком на воспоминания...

И все же в безбрежном море одесских периодических изданий остался след газеты «Станок»...

ДОМ
ЭДУАРДА БАГРИЦКОГО

Дом № 40, что на улице Кирова, бывшей Базарной, счастливо сохранил старинные черты: узорчатые чугунные ворота, сводчатую низкую подворотню, деревянные галереи, просторный двор со старыми каштанами и цистерну для дождевой воды, которую приезжие да и сами одесситы нередко уже принимают за колодец.

Это — полузабытая легенда Одессы, восходящая еще к предпушкинским временам, когда, отчаявшись отыскать подземную воду в центральных кварталах города, домовладельцы начали строить цистерны, куда собирали воду дождевую. Цистерна представляла собой подземный каменный резервуар кувшинообразной формы, тщательно оштукатуренный изнутри цементным раствором, дабы не потерять ни капли драгоценной влаги.

По сравнению с доставляемой из дальних колодцев, вода из цистерн считалась лучшей для приготовления пищи, в особенности чая, для стирки белья. До какой степени ценили ее, видно из того, что при сдаче внаем квартиры домовладельцы оговаривали количество «сладкой» воды из цистерны, на которое имеет право наниматель.

Но к тому времени, когда на Базарной, 40 поселились родители Багрицкого, цистерны уже не использовали, так как в город подавалась вода из реки Днестр.

Неподалеку от цистерны крыльцо с металлическим кружевом перил, потом коридор — галерея с широкими арочными окнами, а оттуда вход в квартиру № 12, где в 1895 году родился Эдуард Багрицкий и с которой напрямую связываются строки его стихотворения «Происхождение»:

*Я не запомнил — на каком ночлеге
Пробрал меня грядущей жизни зуд.*

*Качнулся мир.
Звезда споткнулась в беге
И заплескалась в голубом тазу.
Я к ней тянулся...*

Опубликованных воспоминаний о жизни будущего поэта на Базарной, 40 нет — «пишущие» друзья у него появились позже. Но еще лет двадцать пять назад был жив старожил дома В. С. Гнатовский — преинтересный человек, пытавшийся в конце 1910-х годов организовать в Одессе женскую футбольную команду. Он-то хорошо помнил семью Багрицкого и его самого.

«Понимаете, я старше Эдика на пять лет,— каким-то извиняющимся тоном рассказывал Гнатовский,— поэтому общего у нас было мало. Он был необычайно подвижным мальчиком с очень живыми глазами и всегда тянулся к нам, к старшим. А мы, конечно, использовали это — посылали его за семечками, орехами, папиросами». Гнатовский же указал квартиру Багрицкого.

Она выходила окнами на Ремесленную, нынешнюю улицу Осипова, против трактира «Германия», а рядом с ней, стена в стену, в том же доме гомонил трактир старьевщиков — подобные заведения часто подразделялись тогда по цеховому принципу: трактиры биндюжников, жестянщиков, каменщиков, сапожников, стекольщиков...

Старьевщики или, как их специфично именовали в Одессе, старевешники, целыми днями бродили по дворам, заунывно возглашая «старые вещи по-ку-па-ем! Старевещ, старевещ!», а по вечерам собирались в трактире, куда и приносили со всего города самые последние новости. Ради этого, как вспоминал Гнатовский, отец Багрицкого частенько заглядывал в трактир, что было для него чем-то вроде чтения вечерней газеты. А детские впечатления сына обернулись потом деталями в его поэме «Трактир»:

...На низких стойках жареные рыбы
 С куском салата, воткнутым во рты,
 Коричневой залитые подливой,
 Распластаны на длинных блюдах. Там
 Дырявый сыр, пропахший нежной гнилью,
 Там сало мраморным лежит пластом,
 Там яблок груды, и загар медовый
 Покрыл их щели пылью золотой.
 А за столом, довольные сидят
 На стульях гости. Чайники кругом,
 Как голуби ленивые, порхают,
 И чай, журча, струится в чайки...

Через много лет Юрий Олеша в очерке «Эдуард Багрицкий» отметит, что биография поэта началась «у подножия трактиров на Ремесленной улице в Одессе». Некогда мощенная крупным булыжником по проезжей части, а по тротуарам — синими плитками лавы, Ремесленная неторопливо спускалась к порту, что во многом определяло колорит улицы, быт и нравы ее юных обитателей. Как свидетельствовал друг детства Багрицкого — Б. Б. Скуратов в воспоминаниях «Ранние годы», «этой улицей — в мешках, брошенных на тяжелые биндюги, — перевозили на маслобойный завод расколотые кокосовые орехи. Медленно ползущую вереницу биндюгов сопровождали тяжелые, как их кони, биндюжники. Переругиваясь и выбивая привычными ударами пробки из «шкаликов», они пили и закусывали на ходу. Эдя знал, что лучшего момента для нападения на вожделенные мешки не существует».

С этой улицей связаны многие годы Багрицкого, так как, покинув Базарную в начале века, его семья жила в разных местах, в частности, на Екатерининской (теперь — Карла Маркса), 59, а потом поселилась по адресу, оставшемуся и в документах, и в экспромте поэта, который привела в воспоминаниях Т. Г. Лишина:

*Вас покидает со слезой
 Поэт, единственнейший в мире,*

*Что на Ремесленной хмельной
Живет под номером четыре...¹.*

Ремесленная, 4 — это типичный «доходный» дом в стороне от центра, с двором-колодцем, сверху «застекленным» клочком одесского неба, а снизу выложенным, как и улица, плитками лавы, с узкими металлическими лестницами так называемых «черных ходов» и не намного более широкими «парадными» ходами. Да и квартиры тут были «без претензий», где в крохотных кухоньках были антресоли и, как напишет Багрицкий в «Происхождении», «медленно, как медные полушки, из крана... капала вода».

Здесь, по-видимому, и началось увлечение Багрицкого литературой вообще и поэзией в частности. Старейший одесский юрист И. В. Шерешевский, которому в юности довелось быть репетитором Багрицкого, рассказывал, как прочитал он ему отрывок из «Тараса Бульбы» Н. В. Гоголя и предложил написать изложение, переложение, на языке того времени. «И представьте себе,— не мог сдержать удивления Илья Вениаминович без малого семьдесят лет спустя,— представьте себе: он принес мне переложение... в стихах!»

В квартире № 7, что на первом этаже правого дворового флигеля, Багрицкий, как написал Валентин Катаев в книге «Алмазный мой венец», большую часть времени проводил «на антресолях, куда надо было подниматься из кухни по крашенной деревянной лесенке и где он... запоем читал Стивенсона, Эдгара По или любимый им рассказ Лескова «Шер-Амур», не говоря уж о Бодлере, Верлене, Артюре Рембо, Леконте де Лиле, и всех наших символистов, а потом и футуристов».

Круг чтения, очерченный Катаевым, расширяет Лев Славин. «Державин, Пушкин, Каролина Павлова, Случевский, Лесков, Рабле, Маяковский...»,— перечисляет он в очерке «Багрицкий», начиная его воспоминанием о знакомстве с Багрицким: «Нас отвели в тыл для пополнения изрядно поредевших рядов. Это

было в Одессе... И вот однажды передо мной предстал красноармеец не совсем обычного вида, этакое худосочное и даже лысоватое существо в очках... Он предложил мне, что познакомит меня с Эдуардом Багрицким... И мы с ним пошли на Ремесленную улицу в тесную, бедную квартирку, где жил Багрицкий вдвоем со своей матерью.

Это она, судя по всему, прихватила сына к книгам, сама читая пусть без особого разбору, но много. «Бывая у Эди на Ремесленной,— рассказывал уже на склоне лет Борис Бобович,— я часто видел, как по вечерам его мама надевала старое пенсне и усаживалась с книжкой поближе к лампе»². Однажды в каком-то переводном романе ей повстречалось редкое в то время у нас имя Эдуард, и она назвала им сына, о чем Багрицкий сообщал юмористически-торжественным тоном: «Меня мама вычитала в книжке»³. Книжного происхождения и псевдоним «Багрицкий»; который с 1914 года навсегда заменил в литературе его настоящую фамилию Дзюбин. По этому поводу он пошутил как-то — «я польский граф» и рассказал жене, что «позаимствовал» приглянувшуюся ему фамилию у персонажа прочитанной в юности книги⁴. В доме на Ремесленной были заложены основы той колоссальной поэтической эрудиции Багрицкого, которая в кругу молодых одесских литераторов не имела себе равной.

Как утверждал в воспоминаниях о Багрицком Юрий Олеша, «читатель он был страстный».

Юрий Олеша, по сути, был первым, кто попытался проследить путь Багрицкого к революции и мастерству, начавшийся на Ремесленной улице, в затхлой еврейской квартире, с громадными комодами среди темных углов... «Это было очень неуютное, мертвое жилище»,— констатирует Олеша, относя, конечно, нелестные эпитеты не к ни в чем не повинной квартире, но к мещанской среде, с которой поэт в конце концов порвал.

Дверь! Настежь дверь!
Качается снаружи
Обглоданная звездами листва,
Дымится месяц посредине лужи,
Грач вопиет, не помнящий родства.
И вся любовь,
Бегущая навстречу,
И все кликушество
Моих отцов,
И все светила,
Строящие вечер,
И все деревья,
Рвущие лицо,—
Все это стало поперек дороги,
Больными бронхами свистя в груди:
— Отверженный! Возьми свой скарб убогий,
Проклятье и презренье!
Уходи! —
Я покидаю старую кровать:
— Уйти?
Уйду!
Тем лучше!
Наплевать!

Правда, в жизни все было прозаичней, нежели описано Багрицким в стихотворении «Происхождение», да и имел он в виду не прозу деталей, а сущность факта. Летом 1920 года, как писал Сергей Бондарин в очерке «Воспоминания не безмолвны», «Багрицкий, которому наскучило жить в полутемной... квартире на Ремесленной улице у мамыши», перебрался в «Коллектив поэтов» на улицу Петра Великого. Впоследствии он еще два раза ненадолго возвратится на Ремесленную, 4, потом мать переселится к родственникам, а Багрицкий в 1925 году уедет в Москву. И навсегда для него улица детства уйдет в прошлое...

ДОМ
ИЛЬИ ИЛЬФА

Добрая половина одесских лет Ильи Ильфа связана с улицей, которая, как написал в повести «Время, пространство, движение» Лев Никулин, «называлась длинно — Старопортофранковская, в память существовавшего в приморском городе «порто-франко», то есть вольной гавани, куда импортировали заграничные товары без пошлины». Это и имел в виду А. С. Пушкин, отметив в отрывках из «Путешествия Онегина», что «вино без пошлины привезено». «Она (улица.— Р. А.) охватывала кольцом почти весь город,— продолжает Никулин,— центр с бульварами, парками, площадями, памятниками...» Это была едва ли не самая длинная улица в Одессе и в 1904 году ее разделили на Ланжероновскую площадь, что располагалась перед аркой Ланжерона и теперь влилась в территорию парка им. Шевченко, Лидерсовский бульвар (бульвар Держинского), улицу Белинского и Итальянский бульвар (улица Томаса). Оставшуюся же часть улицы продолжали называть Старопортофранковской, а после революции переименовали в Комсомольскую, а недавно вернули старое название.

И сегодня, повторяя черту порто-франко, ограничивавшую территорию беспошлинной торговли, эта улица круто поворачивает к рынку «Привоз» своим последним кварталом. Против него, на месте нынешнего парка им. Ильича, располагалось Старое кладбище, где были похоронены Л. С. Пушкин, Елена Ган, И. П. Бларамберг, Г. Г. Маразли, Вера Холодная и многие другие достойные памяти жители города...

На последнем квартале Старопортофранковской в доме № 137 прошло детство Ильи Ильфа, и вновь найденный этот адрес территориально привязывает фразу из «Двойной автобиографии» Ильфа и Петрова: «В то время как одна половина автора (Е. Петров.— Р. А.) барахталась в пеленках, другой

было шесть лет и она лазила через забор на кладбище, чтобы рвать сирень».

Строчкой ниже соавторы сообщают, что Илья Ильф «окончил техническую школу». Речь идет о доме № 93 на Старопортофранковской, в котором находятся ныне аудитории производственно-технического училища, готовящего для флота матросов, мотористов, электриков. Во времена юности Ильфа тут была скромная трехклассная «школа ремесленных учеников». На занятиях Ильф, со слов его жены Марии Николаевны, усердно... читал под партой Киплинга, Лескова, Стивенсона, Чехова... Последнее, впрочем, не помешало ему в июне 1913 года с отличием окончить «школу ремесленных учеников» и получить из рук инспектора Р. Шпаниона свидетельство о присвоении звания подмастерья. Пройдет пятнадцать лет — и отзвуком давних воспоминаний появится в его записной книжке придуманная про запас фамилия Шпанер-Шпанион.

Школа продлила его связь с улицей детства, так как еще в 1911 году семья Ильфа — мать, отец, три брата — переселилась со Старопортофранковской в квартиру № 25 дома № 9 на Малой Арнаутской (теперь — Воровского) улице.

Рядом с домом Ильфа держал мясную лавку некий Бендер и не ему ли обязан фамилией «великий комбинатор»? А неподалеку дом № 16, в котором соавторы «поселили» подпольного миллионера Корейко из романа «Золотой теленок» и куда Бендер адресовал пугающие несурaziцей телеграммы вроде «Малая Касательная 16 Александру Корейко графиня изменившимся лицом бежит пруду». Текст восходит к давней газетной корреспонденции об уходе Л. Н. Толстого из Ясной Поляны и покушении Софьи Андреевны на самоубийство. Название же Малая Касательная, похоже, составлено из «половинки» Малой Арнаутской и спародированной Косвенной (ныне — улица Вегера), оставшейся в записной книжке Ильфа. Имелась же в виду, судя по указанию на море в конце улицы и бли-

зость вокзала, Малая Арнаутская, которая под подлинным названием вошла в роман «Двенадцать стульев». Тут, по утверждению Остапа Бендера, и изготовили злополучную краску для волос, которую под видом контрабандного товара всучили бывшему предводителю дворянства Кисе Воробьянинову: «Всю контрабанду делают в Одессе на Малой Арнаутской улице».

Среди других местных реалий, использованных Ильфом и Петровым, — «стеклянные арнаутские галереи», которые характерны для старинных одесским домов и отнюдь не являются привилегией Арнаутских улиц — ни Малой, ни Большой (теперь — улица Чкалова). А посему «арнаутские галереи» можно отнести к воспоминаниям Ильфа о галереях дома № 33 на Базарной (ныне — Кирова) улице, где он жил после Малой Арнаутской, не ведая, что в доме № 4 уже родился соавтор Евгений Петров. Улица Базарная получила название от пересекавшего ее Старого базара (ныне — сквер имени Кирова), упоминание о котором появляется в романе «Золотой теленок» вслед за «арнаутскими галереями»: «Кавалерист, нагнувшись с седла, расспрашивал прохожего, как ближе проехать к Старому рынку». А дом «с галереями» удалось отыскать с помощью младшего брата писателя.

Вениамин Арнольдович сообщил также номер и скрупулезно вычертил план последней родительской квартиры в доме № 13 на улице Софиевской (Короленко), который известен исследователям по воспоминаниям друзей Ильфа, надежно подтвержденным архивными материалами.

В сентябре 1921 года Илья Ильф работал помощником заведующего секцией распределения в организационно-хозяйственном отделении управления совхозов при Губземотделе на улице Ленина, 8. Впоследствии некоторые реалии этого учреждения, «перенесенные» в обстановку конца 1920-х годов, были использованы соавторами при описании пресловутого «Геркулеса» в романе «Золотой теленок»: «Вдохнув, Бомзе двинулся

навстречу другому служащему.— Ну что,— спросил он, заранее печально улыбаясь,— как самочувствие? — Да вот,— сказал собеседник,— сегодня утром из командировки. Удалось повидать совхоз. Грандиозно...» Сохранившиеся документы управления совхозов сберегли анкетные данные помощника заведующего секцией: образование — среднее, специальность или профессия — «письменный работник», адрес — улица Софиевская, 13.

К тому времени у Ильфа появились друзья из числа молодых людей, интересовавшихся литературой и искусством, которые и оставили воспоминания о квартире на Софиевской. Воспоминания эти относятся к началу 1920-х годов, соответственно, окрашены в тона той суровой поры. «Он жил в большом угловом (на углу улицы Торговой. — Р. А.) доме, в уютной квартире»,— писал Е. Окс. «Ильф жил трудно,— свидетельствовала Т. Лишина в воспоминаниях «Веселый, голый, худой»,— в большой семье скромного бухгалтера. Дома была полная неустроенность, болела мать, не было дров, воды в голодной и холодной тогда Одессе».

Подробнее описал последнюю одесскую квартиру Ильфа Сергей Бондарин в «Милом воспоминании»: «Ильф жил в доме, известном в Одессе, как «один из домов князя Урусова» (правильно — Руссова.— Р. А.). Не нужно, однако, думать, что это был роскошный особняк. Дом... возвышался на одной из лучших улиц города... но все же это был обыкновенный доходный дом, и небогатая квартира... на третьем или четвертом этаже смотрела окнами в узкий темный двор-колодец».

Двор дома № 13, построенного в конце прошлого века по проекту архитектора Л. Чернигова, не узкий и не темный, но цепкая память будущего писателя не подвела Бондарина: комната братьев, по традиции именовавшаяся «детской», действительно выходит окнами в глубокий узкий «фонарь», да и квартира на четвертом этаже. Как довелось убедиться благодаря

любезности нынешних жильцов, она сохранила номер 36, планировку и, по приятной случайности, назначение комнат: слева от входной двери — «детская», справа — спальня и гостиная, где стоял когда-то отцовский шкаф с томами Достоевского, Пушкина, Толстого, Шекспира...

«Если в Москве хороши книги, надеюсь на Вас», — напоминал охочий до книжных новинок Ильф в одном из писем начала 1920-х годов¹. Несколько сохраненных адресатами писем — это образчики прозы Ильи Ильфа того времени, еще отмеченные следами книжности, экспериментирования, моды, сквозь которые, однако, уже проступают черты будущего стиля: «Здесь (дома. — Р. А.) холодно, и меня мучает воспоминание о ваших теплых коленях. Странный человек (в квартире напротив) трубит погребальный марш. Я один в комнате, где могли бы быть и вы. Я грустен, как лошадь, которая по ошибке съела грамм кокаину...»².

В упоминавшейся «Двойной автобиографии» соавторы, намекая на былую службу Евгения Петрова в одесском уездном уголовном розыске, полусуто указали, что его первым производением был протокол осмотра трупа неизвестного мужчины. Кстати, отголоски давнего «розыскного» периода жизни Петрова остались в романах «Двенадцать стульев» и «Золотой теленок». Вспомним, как резвился Остап Бендер, возбужденный событиями в Васюках, которые так и не стали шахматной столицей мира: «Если бы вчера шахматным любителям удалось нас утопить, от нас остался бы только один протокол осмотра трупов: «Оба тела лежат ногами к юго-востоку, а головами к северо-западу. На теле рваные раны, нанесенные, по-видимому, каким-то тупым орудием».

Что же касается первых «произведений» Ильи Ильфа, то ими, в таком случае, можно считать деловые бумаги. В 1917 году ему довелось служить разъездным статистиком одесского комитета Всероссийского Союза городов под началом друга

Эдуарда Багрицкого С. Г. Березова, который и рассказал о неизвестном доселе факте биографии Ильфа: «Статистиков у меня набралось человек восемь. Появился Илья. Он выезжал на различные участки Румынского фронта, а потом составлял такие отчеты, что моя непосредственная начальница не могла сдерживать удивления: «Что он у вас, писатель?»³.

Вопрос оказался пророческим. В первой половине 1923 года Илья Ильф из квартиры на Софиевской улице уехал в Москву, познакомился там с Евгением Петровым, и мы знаем, чем это кончилось.

ДОМ ЮРИЯ ОЛЕШИ

Юрий Карлович Олеша родился в уютном и тихом когда-то Елисаветграде, нынешнем Кировограде. Но одесские поклонники его таланта могут быть совершенно спокойны. «Когда мне было три года, семья переехала в Одессу, которую считаю, хотя и неправильно, своей родиной,— признавался писатель в рассказе «В мире»,— во всяком случае, всю лирику, связанную с понятием родины, отношу к Одессе».

Поначалу, в 1902 году, его семья поселилась в Театральном переулке, который носит сегодня имя П. И. Чайковского, в доме, где некогда был так называемый Мариинский театр, баловавший одесситов опереттами да маскарадными балами. Кстати, в этом же доме четверть века спустя Константин Паустовский остановился у своего друга, хроникера газеты «Моряк» А. А. Аренберга, которому потом посвятил немало теплых слов в повести «Время больших ожиданий». «Живу у Аренберга,— сообщил он жене в июле 1927 года,— можно писать на его адрес (Театральный пер., 14)»¹. Приведенный Паустовским адрес дополним номером квартиры — 15.

Юрий Олеша принадлежал к поколению, чье детское сознание было взорвано выстрелами броненосца «Потемкин», и это событие осталось самым ярким воспоминанием, связанным с Театральным переулком:

*Тогда мне было шесть. Я эти дни
Запомнил, точно сон... И воскресают
Далекие, тревожные виденья.
Мы жили близко к морю. Из окна
Был виден дымный порт и пароходы
На радужной засоренной воде...²*

Впечатления детства не оставляли его, и из юношеского стихотворения «Пятый год» они перейдут в прозу зрелого мастера. «Было два выстрела. Я возвращался домой с вишнями, за которыми меня послали. Под грохот первого выстрела я споткнулся и упал на ступеньках лестницы черного хода. Я помню желтый солнечный свет на широких досках ступенек и прыгающие со ступенек вишни. Ночью горел порт...», — вспоминал он в рассказе «Первое мая» выпавшие на его детскую долю подробности событий июня 1905 года. К этому месяцу сознательно или нет — истоки творчества неисповедимы — Олеша приурочил начало восстания народа против Трех Толстяков в знаменитом романе-сказке: «Однажды летом, в июне, когда выдалась очень хорошая погода..».

А через много лет он пришел в этот переулок. «Я стоял в Театральном переулке, перед домом, в котором жил когда-то. «Наш» балкон был на третьем этаже. Кажется, что и тогда перила были зеленые», — записал Олеша в апреле 1936 года, когда этот дом и все связанное с ним уже давно принадлежали прошлому, как и другие адреса его одесской молодости.

После Театрального переулка многие годы Олеша оказались связанными с живописным районом, главной достопримечательностью которого был Строгановский мост.

Родившийся в изрезанной балками черноморской степи, го-

род обзаводился мостами. «Три параллельных моста висят над шумной портовой улицей», — указывал Лев Славин в воспоминаниях «Мой Олеша», имея в виду «семейство» мостов через Карантинную балку. В незапамятные времена балка была много длиннее — начиналась вблизи Большой Арнаутской (ныне — Чкалова) улицы — и мосты через нее, кроме существующих, были переброшены по улицам, именуемым ныне Кирова, Чичерина, Троицкая, Бебеля. Последний мост называли Сикардовым по имени приятеля А. С. Пушкина — Сикарда, у которого был дом и за мостом на Канатной улице.

Впоследствии мосты на улицах Кирова, Чичерина и Троицкой оказались погребенными при частичной засыпке балки, начинающейся теперь от улицы Бебеля. Здесь сохранилась обращенная в сторону Карантинной балки, мощенная вровень с улицей и потому не сразу заметная половина Сикардова моста.

По улице Жуковского балку пересекает мост, сооруженный в 1824 году.

По улице Розы Люксембург — мост, в центре пролета которого с обеих сторон можно увидеть отлитые в чугуне старые гербы Одессы. На улице же Карла Либкнехта — «главный», Строгановский мост, построенный в 1863 году. Об этих — только и сохранившихся к тому времени — мостах написал Славин.

Сегодня после сноса прежнего и последующего возобновления Строгановский мост представляет собой железобетонную конструкцию, сохранившую от прежнего лишь решетку. «Решетка Строгановского моста состояла из длинного ряда высоких железных пик», — написал о ней в рассказе «Отче наш» Валентин Катаев, а позднее — И. Рядченко:

*Хоть на мост томительно и четко
долетают звуки якорей —
отделяет частая решетка
нас от синей кипени морей.*

Решетку упоминает и Константин Паустовский, когда в ветреный зимний день «проводит» героя романа «Дым отечества» через Строгановский мост: «С трудом, держась за решетку, он прошел по мосту, над спуском к порту, и заглянул вниз,— черт возьми, вот такой он всегда представлял себе зимнюю Испанию! Дома, как крепости, аркады, сухой плющ».

Была у старого Строгановского моста особенность, с которой Лев Славин связал рождение одного из самых романтических героев Юрия Олеша — гимнаста и канатоходца Тибула: «Юре нравилась многоярусность этих мест. Снизу вырастал большой дом. Он побурел от времени и похож на старый форт. Верхний этаж его дотягивается до моста. На дверях висела табличка «Пароходство А. А. Трапани». Туда от моста вел узенький отросток (при реконструкции моста утрачен.— Р. А.). Юра ступал на него. Он чувствовал под ногами это гулкое пространство, ему мнилось, что он шагает по упругой воздушной сфере, он ощущал себя канатоходцем».

Одесскими воспоминаниями об Олеше Славин, можно сказать, опередил многих друзей юности писателя. «...Об Одессе так хорошо и полно написал Лев Славин, что я даже рассердилась,— полшутя признавалась Зинаида Шиншова, вспоминая одесские годы Олеша.— мне ведь тоже хотелось рассказать... про Строгановский мост и про вывеску «Пароходство Трапани»».

Но больше других, с любовью и признательностью написал о мосте и обо всей округе сам Юрий Олеша. «Приморские районы... города были для меня первыми видениями мира,— вспоминал он в «Письме из Одессы»,— я благодарен за это судьбе. Изгородь маленьких переулков, цветущие кустарники, деревянные лестнички, треугольники крыш, слуховые окна, старое дерево ступенек, не освобождающееся от черноты дождя,— все это научило меня мечтать».

Лет пять Олеша с родителями жил в доме № 12 на Грече-

ской (теперь — Карла Либкнехта) улице, во флигеле, что выходил окнами на Польскую (ныне — Гарибальди) и был разрушен в войну. Рядом «перепрыгивал» Карантинную балку Строгановский мост. В книге «Ни дня без строчки» Олеша опишет столовую в их квартире на Греческой, чердак дома, непреодолимой силой притягивающий мальчишек, железную лестницу и «двор, частью в асфальте, частью в булыжниках, частью просто земляной». В этом доме жил «знаменитый одесский врач-венеролог Егор Степанович Главче», как представляет его Олеша читателям книги «Ни дня без строчки», — «великий Главче, корифей венеролог в тогдашней России». Олеша дружил с его сыном, хорошо знал самого Е. С. Главче и не его ли вспоминал, когда в романе «Три толстяка» писал о «чудесном» докторе Гаспаре Арнери, который «делал такие удивительные вещи, что они действительно походили на чудеса»?

Во времена детства Юрия Олеша возникали шумные и своенравные мальчишечьи «республики» — дворовые, уличные, парковые... Тогда объединялись территориально. Недаром Валентин Катаев на протяжении всей повести «Белеет парус одинокий» упорно называет одного из героев не иначе, как «Петька Бачей с Канатной угол Куликова поля». Как вспоминали друзья детства Олеша, он входил в компанию ребят с первых кварталов Греческой улицы. Нравы тут были демократичны, а отношение к каждому определялось исключительно тем, как соблюдает он неписанные законы «республики», но, отнюдь, не сословным или имущественным положением отца, будь он швейцаром «Петербургской» гостиницы Ляховским, знаменитым доктором Главче, проигравшимся в пух и прах акцизным чиновником Олешей или богатым кондитером Меллисарато, чье заведение находилось на Греческой, 12.

Юрий Олеша любил сладкое. Приятельница детства и соседка Олеша по Греческой, 12, В. В. Орлова рассказывала: «Когда я вспоминаю детство и Юру, то вижу его сидящим на

железной лестнице нашего дома на Греческой с кисло-сладкой булочкой — продавались такие булочки с патокой и изюмом. «Когда я вырасту и буду иметь деньги,— сообщал Юра,— я каждый день буду кушать кисло-сладкую булочку»³. Сыновья Меллисарато приводили друзей в кондитерскую по одному, чтобы не прогневить отца. Можно представить, как ожидал мальчик, мечтавший о грошовой булочке, очереди для посещения кондитерской и какое впечатление производило на него это торжество сладостей! А когда через много лет в Москве создавались страницы «Трех толстяков», Олеша, похоже, вспоминал одесскую кондитерскую из мира своего детства: изготовление торта описано им с «профессиональными» подробностями!

В 1911 году семья Олеша переселилась на другую сторону Карантинной балки — на Канатную улицу в дом № 7, кв. 11, что напротив старинного мореходного училища, о котором написал Славин, вспоминая об Олеше: «...Мореходное училище. Необычная вывеска—якорь, вписанный в спасательный круг,— волшебным образом преображала этот... дом».

А в следующем году семья Олеша совсем «приблизилась» к Строгановскому мосту: надолго обосновалась в квартире № 2 на втором этаже дома № 3 на Карантинной улице, которая после революции была переименована в улицу Лизогуба. Все тут дышало морем: название улицы корнями уходило в прошлое порта, с площадки в начале улицы, как с палубы, всегда был виден порт, а на углу Греческой, возле моста, стоит двухэтажный дом с четырехгранной башней, море с которой видно чуть ли ни до самой Лузановки. Дом этот принадлежал пароходчику Трапани и, как утверждают старожилы, башня была построена для того, чтобы он мог наблюдать, как приходят или уходят его пароходы. Так же смотрел с башни, как штурмуют дворец Трех Толстяков, доктор Гаспар Арнери: «На углу был дом с высокой старой башней... На вершине башни была пло-

щадка, окруженная каменными перилами. Отсюда открывался вид, по крайней мере, километров на пятьдесят вокруг».

Из дома на Карантинной, о котором Валентин Катаев в книге «Алмазный мой венец» писал, как о «повисшем над спуском в порт», Олеша ходил в знаменитую в городе Ришельевскую гимназию на улице Садовой, 1. И этот путь, по его словам, неизменно лежал через Строгановский мост, вокруг которого концентрируются многие детские воспоминания Олеша. Здесь он увидел только что пущенный в Одессе трамвай. «Я помню себя стоящим в толпе на Греческой улице в Одессе и ожидающим... появления перед нами вагона трамвая... Он появится из-за угла Канатной, но с этого места, на котором мы стоим, угла не видно, он слишком отдален, да еще скрыт в перспективе некоторой горбатостью Строгановского моста, и таким образом мы увидим вагон только когда он будет уже на середине моста».

Вспоминая, как он дома рисовал красками картинку для программки гимназического концерта, Олеша не преминул отметить, что «сзади окна, а чуть дальше Строгановский мост над поросшими травой улицами порта»...

Одно из воспоминаний юности обернулось в книге «Ни дня без строчки» примером профессионального писательского видения: «Вот по залитому солнцем Строгановскому мосту мы идем с Гришкой Берберовым... На мосту никогда не бывает тени. Только от пешеходов, очень черная круглоголовая тень...»

В 1936 году, приехав в родной город известным писателем, он пройдет по знакомым местам и в услужливой памяти всплунут подробности прошлого, запечатленные потом в рассказе «Стадион в Одессе»: «...Наш путь лежит по Греческой улице, где была булочная Меллисарато и греческие кофейни, к Строгановскому мосту»...

...В «Письме из Одессы» Юрий Олеша засвидетельствовал убеждение в том, что «детские впечатления имеют немало зна-

чения для формирования судьбы художника». Судьба писателя Олеси была трудной, но не об этом речь... Город его юности в поэтическом видении Олеси известен далеко за пределами нашей страны. Однажды, к примеру, посетивший Одессу польский журналист попросил показать ему мост, по которому юный Олеша ходил в гимназию!

При жизни Олеша не был избалован вниманием. Время отдавать долги. Материалы об одесском периоде его жизни широко представлены в литературном музее. А несколько кварталов бывшей Карантинной, начинающиеся от обрыва над портом, недавно названы улицей Юрия Олеси...

ДОМИК КОНСТАНТИНА ПАНСТОВСКОГО

Первое название нынешней улицы Гефта появилось на плане Одессы в феврале 1904 года, когда городская Дума постановила «наименовать вновь образовавшиеся улицы, не имеющие до сих пор официального названия: улицу от Лидерсовского бульвара до Обсерваторного переулка — Черноморской улицей...».

Потом молодая улица стремительно обрела литературную историю, полную неожиданных имен и любопытных совпадений, вроде «цепочки» чисел тринадцать: летом 1913 года в доме № 13 останавливалась у родственников со стороны матери 13-летняя внучка Л. Н. Толстого — Софья, будущая жена Сергея Есенина. Приезд родственников великого писателя не остался незамеченным: «Одесские новости» тотчас сообщили, что «в Одессу приехали вчера (24 июля.— Р. А.) погостить жена Андрея Львовича Толстого, Ольга Константиновна с Софьей Андреевной (внучкой Льва Николаевича). Толстые остановились у Дитрихштейн...»¹.

Один из Дитрихштейнов, Владимир, был участником литературного кружка «Зеленая лампа», и через много лет о нем написал Валентин Катаев в книге «Трава забвения»: «Вовка Дидерикс, или, как он подписывался, Вл. фон Дитрихштейн, был тоже молодой поэт, но гораздо старше меня»...

Числовая «цепочка» состыкована с генеалогической: одна из одесских родственниц Толстых вышла замуж за врача, впоследствии профессора и художника-любителя Г. Ф. Цомакиона, продолжив литературные связи семьи: мать Цомакиона — Анна Ивановна, была давней приятельницей В. Г. Короленко и написала, по его совету, биографические очерки о Гарибальди, Крамском, Пушкине. Во время пребывания писателя в Одессе А. И. Цомакион встречалась с ним в доме своей невестки на улице Черноморской, 21.

Позже здесь помещалась «Приморская санатория для нервных больных Я. Ландесмана», о которой написал Константин Паустовский в автобиографической повести «Начало неведомого века»: «...На маленькой и пустынной Черноморской улице, тянувшейся по обрыву над морем, был частный санаторий для нервнобоьных доктора Ландесмана...».

Осведомленность Паустовского понятна: в феврале 1920 года он перебрался с улицы Нежинской (ныне — Франца Меринга), 48 в пустовавший тогда санаторий: «Отопление в санатории не работало, комната у меня была очень высокая, с широкими окнами, и потому маленькая железная «буржуйка», как ни старалась, никогда не могла нагреть эту комнату». Он обосновался в санаторной палате № 6 и можно представить, сколько шуток, «настоянных» на ассоциациях с чеховским рассказом, вызвала она у молодых и насмешливых сослуживцев Паустовского по Информационному отделу Опродкомгуба.

«На расстоянии» трех палат от Паустовского, без малого два десятилетия спустя жил Аркадий Гайдар. Приехав из Кутаиси, он поселился в расположенной во флигеле палате № 10,

о чем в мае 1938 года сообщил общему с Паустовским другу — писателю Р. Фраерману: «Я живу сейчас в домике на берегу моря,— писал Гайдар,— здесь же меня кормят, усыпляют и умывают. Я работаю...»².

Фотокопия письма Гайдара хранится в Центральном государственном архиве литературы и искусства в Москве, а конверт с обратным адресом — там же, но в Государственном литературном музее³. Впервые прочитанные совместно, письмо и конверт позволяют дополнить одесскую страницу биографии Аркадия Гайдара и литературную историю Черноморской улицы.

Еще до приезда Гайдара санаторий закрыли из-за оползней, но, по воспоминаниям старожил, много раньше других начал разрушаться соседний с ним дом № 23. И, может быть, сюда в 1923 году пришел в последний раз Илья Ильф. «Незадолго до отъезда мы сидели с ним на ступеньках одного из разрушенных домов на Черноморской улице,— написала Т. Лишина в воспоминаниях об Ильфе «Веселый, голый, худой»,— он прощался с морем».

Дома на обращенной к морю нечетной стороне улицы, где располагался санаторий Ландесмана, давно стали жертвой оползней, но на Черноморской нет-нет да и появляются экскурсанты.

Дело в том, что, судя по повести Паустовского «Время больших ожиданий», хронологически продолжающей «Начало неведомого века», здесь должен быть еще один дом, вернее, домик, связанный с одесским периодом биографии писателя: «Мы сняли по соседству с санаторием дворницкую у оборотистого домовладельца, священника-расстриги Просвирняка. Дворницкая стояла в заглохшем саду, окруженном высокой оградой из камня «дикаря». Со стороны улицы ее защищал двухэтажный дом».

По этому описанию да зыбким воспоминаниям старожил

о каком-то священнике экскурсоводы «вычислили» дом № 8 — двухэтажный, с деревянными воротами, изящной решеткой лоджии и узкими венецианскими окнами. Дворницкой сейчас во дворе нет. Но будь и она, памятуя слова Паустовского о том, что «Время больших ожиданий» — «не мемуары, а свободная повесть»⁴, требовалось документальное подтверждение адреса. Оно обернулось отысканной автором этих строк анкетой, заполненной Константином Паустовским 1 апреля 1921 года при перерегистрации журналистов.

Из анкеты явствует, что Паустовский Константин Георгиевич, 1892 года рождения, профессиональный журналист с 1918 года, секретарь редакции газеты «Моряк» и одновременно сотрудник Информационного отдела Опродкомгуба, член профсоюза соработников с июля 1920 года, женатый, образование среднее, имеющий печатные статьи и неизданные труды, проживал по улице Черноморской, 18, квартира 5.

Ныне это дом № 8 — оползни, война, перепланировка района и новое строительство лишили улицу большинства зданий, а оставшиеся перенумерованы. Во времена Паустовского в доме было четыре квартиры, а пятой числилась дворницкая. Но когда в 1947 году по проекту архитектора Н. Мильграм восстанавливали разрушенный в войну дом, фасад воспроизвели в точности, количество квартир увеличили, а место, где стояла дворницкая, только расчистили от обломков. «Теплая земля была так ровна, словно никогда не стоял на ней маленький дом, в котором Паустовский писал, видел сны, встречался с друзьями, — писала в очерке «На углу Филатова и Гайдара» побывавшая здесь в конце 1970-х годов Татьяна Тэсс, — флигель (имеется в виду дворницкая. — Р. А.) снесли, очевидно, давно. Но сад, где когда-то флигель стоял у ограды из «дикого» камня, был прекрасен».

Впрочем, сегодня мы можем увидеть не только сад, но и сам домик Паустовского, графическую реконструкцию которого

по сохранившимся планам и описанию исполнили сотрудники Одесского инженерно-строительного института под руководством доцента И. М. Бесчастного. Это было небольшое, крытое марсельской черепицей строение с несколькими комнатами, белеными стенами, сосновыми полами, голландской печью, медным краном над чугунной раковиной и электрическими проводами на забытых уже фарфоровых роликах. В глубине двора была конюшня, а перед дворницкой — погреб, который сохранился и поныне. Сетчатая ограда отделяла от двора небольшой сад, куда выходила веранда из квартир первого этажа дома, где жили хозяева.

По словам старожилов Черноморской, дом принадлежал преподавательнице рисования Анне Алексеевне Долматовой и ее супругу — священнослужителю Дмитрию Андреевичу Гончарюку, которого вся улица почтительно именовала отец Дмитрий. Он и послужил Паустовскому прототипом священника-расстриги Данила Семеновича Просвирняка, чьи «вначале скрытые мечты о перевороте и падении советской власти приобрели характер мании, тяжелой душевной болезни», в результате чего в конце концов «за Просвирняком приехала санитарная карета из психиатрической больницы». Все это было плодом творческого воображения автора, но в основном Паустовский не погрешил против истины: как рассказывала хорошо знавшая Гончарюка Е. Х. Дроздина, отец Дмитрий кипел, горел злостью на советскую власть, за что и был арестован в начале 1930-х годов...

В повести «Время больших ожиданий» есть колоритный эпизод о «Дне мирного восстания», когда реквизировали излишки вещей и продовольствия у населения. Некий «товарищ Гаварсаки», как пишет Паустовский, попытался было припрятать у него в дворницкой две огромные сулеи с эфиром: «Какой эфир? — с ужасом спросил Яша и сел у себя на койке. — Я же вам говорю — чистый. «Этер сульфурикус»... Яша вскочил,

вплотную подошел к Гаварсаки и сказал шипящим, неслышанно злым голосом: — Вон отсюда, иначе я вышвырну вас за дверь, как щенка. Вон!» После этого ошалевший от страха Гаварсаки вылил эфир в канализацию, откуда через люки и неплотности труб его пары начали просачиваться во двор и в квартиры. По словам Паустовского, производивший реквизицию отряд «отступил, обошел зараженные эфиром дома»...

На Черноморской улице, 6 стоит дом с кружевными металлическими воротами, на каменных столбах которых вырезана в штукатурке фамилия бывшего хозяина «Лемме» — на русском и французском языках. Некогда Ю. Ю. Лемме был главой одесского общества торговли аптекарскими товарами и не исключено, что какие-то события в его доме в период облав, обысков и реквизиций послужили Паустовскому отправной точкой для создания эпизода с «товарищем Гаварсаки».

Что же касается прогнавшего Гаварсаки экспансивного журналиста Яши Лившица, то этот колоритный персонаж «Времени больших ожиданий» является, скорее всего, плодом творческого воображения автора или, в крайнем случае, имеет лишь отдаленный прототип. В дворницкой же на Черноморской улице Паустовский квартировал тогда с первой своей женой Екатериной Степановной Загорской, которая работала вместе с ним в достопамятном «Моряке», о чем свидетельствует сохранившееся у их сына Вадима Константиновича редакционное удостоверение матери, украшенное изображениями якорей, витых толстых канатов и прочих морских атрибутов...

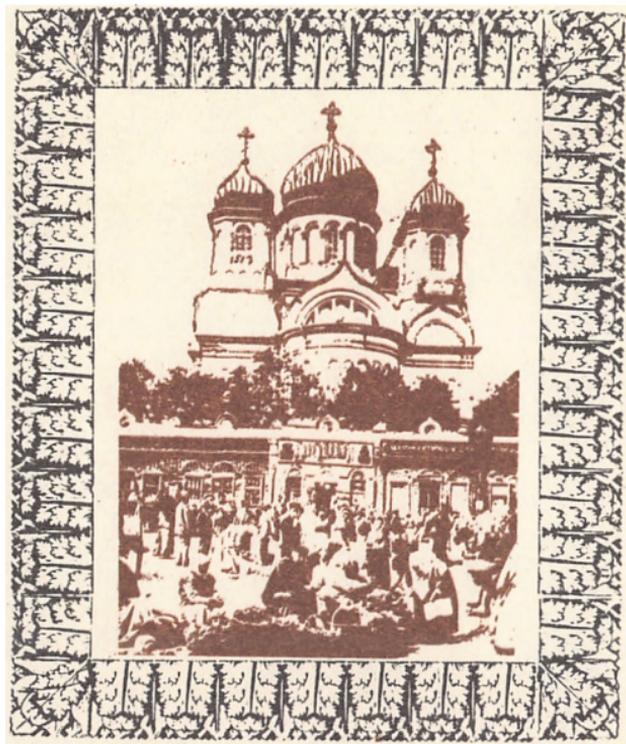
Летом 1927 года, когда Паустовский после недолгого перерыва приехал в Одессу, он пришел на полюбившуюся ему улицу. «Был вчера вечером на Черноморской, — она стала еще лучше, тенистее, из садов пахнет цветами, — писал он Е. С. Загорской-Паустовской 31 июля, — стало почему-то грустно, — наш домик отремонтирован, в нем кто-то живет».

Впечатления от этого приезда легли потом в основу одесской главы романа К. Паустовского «Блестающие облака», на страницах которого впервые в его творчестве появилась Черноморская, причем именно та, обращенная к морю ее сторона, на которой располагался санаторий Ландесмана. Автор романа «поселил» на этой улице старого капитана Кузнецова, который, выйдя на пенсию, мастерил для приработка и собственного удовольствия модели старинных кораблей: «...Он жил на Черноморской, в темной комнате с окнами на море. Под притолокой висела клетка с сумрачным инвалидом щеглом. Море в окнах было зеленое и дымное от вегра. Буйная зелень Черноморской шумела и качалась, гоняя по земле тысячи маленьких солнц. Остовы игрушечных шхун лежали вверх киями на подоконнике и сохли на ветру».

Пройдет без малого тридцать лет и Черноморская появится в «Начале неведомого века», еще через два года — в повести «Время больших ожиданий», в которой, по словам Эммануила Казакевича, «Одесса — не бабелевская, а паустовская»⁵. И в этой «паустовской» Одессе «центральной» улицей станет Черноморская...

Адреса памяти

ВОРОНЦОВСКИЙ МАЯК

В истории Одесского порта прослеживается «династия» Воронцовских маячных огней и маяков, сменявших друг друга по мере удлинения Карантинного и строительства Рейдового молвов. Последний Воронцовский маяк соорудили в 1888 году. Он представлял собой семнадцатиметровую чугунную сужающуюся кверху башню изящной маячной архитектуры с выписанным из Парижа осветительным аппаратом системы Френеля и, как о том громко сказано в лоции, помещением для маячных сторожей. Но, как вспоминал К. И. Чуковский, это была самая что ни на есть нищая конура с узкой койкой и перевернутым ящиком вместо стола.

Стоящая «посреди моря» белая башня, спасательные круги, ограждающие цепи, медный, всегда надраенный колокол, крутые каменные ступени спускающиеся к самой воде, наконец, ночные бдения красного огня — все это создавало вокруг маяка ореол романтики, вполне уживавшейся, впрочем, с его утилитарным назначением. «Часто

в порт заходили... трехмачтовые итальянские шхуны со своими правильными этажами парусов — чистых, белых и упругих, как груди молодых женщин; показываясь из-за маяка, эти стройные корабли представлялись... чудесными белыми видениями, плывущими не по воде, а по воздуху, выше горизонта, — восхищался портовым пейзажем А. И. Куприн в рассказе «Гамбринус».

Во все глаза смотрел на него с палубы допотопного парохода «Тургенев» юный Валя Катаев, а потом написал в повести «Белеет парус одинокий», как пароход входил в порт, «очень близко огибая толстую башню, в сущности, не очень большого маяка с колоколом и лестницей».

И молодой Эдуард Багрицкий ходил на шаланде с ланжероновскими рыбаками там, где «за маяком, за вольным поворотом свежеет ветер и плывут дубки», как напишет он в стихотворении «Порт».

Миниатюра, посвященная юношеским впечатлениям от маяка, осталась в книге Юрия Олеши «Ни дня без строчки»: «Я не был на маяке, я только видел, как он горит. Мало сказать видел — вся молодость прошла под вращением этого гигантского то рубина, то изумруда. Он зажигался вдали — сравнительно не так уж далеко, километрах в двух, что при чистоте морского простора — ничто! Зажигался в темноте морской южной ночи, как бы появляясь из-за угла, как бы вглядываясь именно в вас. Боже мой, сколько красок можно подыскать здесь, описывая такое чудо, как маяк, — такую древнюю штуку, такого давнего гостя поэзии, истории, философии».

Во времена юности Олеши деревья были помоложе, дома пониже, и маяк можно было видеть с разных точек города. Когда «за окном редакции зеленел воздух и мерно мигал красным огнем Воронцовский маяк», наступал вечер для секретаря редакции газеты «Моряк» Константина Паустовского, который напишет об этом в повести «Время больших ожиданий».

А двумя десятилетиями ранее юная Вера Инбер выходила на балкон гимназии, откуда, как она написала в рассказе «Смерть луны», «маяк был виден, как тонкая свеча, потушенная на рассвете».

Литературные произведения, фотографии, кинокадры, наконец, многочисленные открытки превратили маяк в символ города, в своего рода визитную карточку, которую Одесса «предъявляла» тем, кто прибывал сюда с моря.

*Мы уплывали и возвращались,
Парней одесских знают все моря,
Но никогда мы так не волновались,
Когда родной мы видели маяк¹.*

Эти стихи осенью 1942 года написал в осажденном Ленинграде Всеволод Азаров, не зная, что война «погасила» свечку одесского маяка — во время обороны города его пришлось взорвать, чтобы лишить фашистских артиллеристов в Чабанке

возможности вести прицельный обстрел порта. А стихи, ставшие песней, стилизованной под фольклорные одесские, обрели свою историю.

Осенью 1942 года писатель Всеволод Вишневский, драматург Александр Крон и поэт Всеволод Азаров, состоявшие при политуправлении Краснознаменного Балтийского флота, получили боевое задание — написать для ленинградцев и защитников города пьесу. Жанр был определен четко — музыкальная комедия, так как в то время в Ленинграде работал лишь театр оперетты. Срок — жесткий: не более двух недель, потому что спектакль должен был выйти к двадцать пятой годовщине Октября. Как рассказывал Азаров, «писали вместе, обменивались только что написанным. Большинство героев пьесы были введены Вишневским и Кроном, а я написал песни и не удержался — пустил в плавание на сторожевом корабле «Орленок», на котором служили наши герои, своего земляка командора Георгия Бронзу»². Как и его земляк, пулеметчик Аркадий Дзюбин из фильма «Два бойца», Георгий сражался под Ленинградом, ни на минуту не забывая о своей Одессе. Премьера героической комедии «Раскинулось море широко» состоялась 7 ноября 1942 года в промерзшем зале знаменитого Александринского театра. Зрители сидели в телогрейках, ушанках, и не театральные шумовые эффекты — гром канонады у стен Ленинграда сопровождал действие. Роль и, естественно, песню Георгия Бронзы исполнял артист А. Свицерский.

А через несколько дней после премьеры к артисту подошел на улице военный моряк. «Я очень извиняюсь, — с нежными одесскими интонациями спросил он, — я очень извиняюсь, это вы играете в театре Жору Бронзу?». «Я играю Жору Бронзу», — в тон ему ответил Свицерский. «Так я же сам из Одессы, — радостно сообщил моряк, — сейчас я вам покажу, как нужно петь такую песню». И он запел на заснеженной улице блокадного Ленинграда:

*Ах, кто родился там, на Черном море,
С тем навсегда остался солнца жар,
И наша радость, и наше горе,
И наша лестница, и наш бульвар.*

А в Одесском порту после войны поставили новый маяк, в отличие от прежнего, с цилиндрической башней. Но в продолжение долгой и доброй традиции его все чаще называют Воронцовским. И изображают на открытках, марках, значках и конвертах. И стихотворение Ивана Рядченко «Смотритель маяка» о старом матросе, перешедшем в маячные смотрители, посвящено уже новому маяку:

*Но не однажды капитаны
помянут честью и добром
на маяке огонь желанный,
зажженный
старым моряком.*

Так продолжается история Воронцовского маяка, которому выпала высокая честь остаться в бронзе медали «За оборону Одессы»...

ПАКГАУЗЫ

Константин Паустовский, умевший открывать романтику в самых, казалось бы, неожиданных местах, вещах и явлениях, считал пакгаузы неременной принадлежностью портовых городов. «Мы мало, почти ничего не знаем об архитектуре портовых городов,— сокрушался он во второй книге повести «Золотая роза»,— только в каких-нибудь старых журналах очень редко попадаются гравюры, изображающие эти города,— пакгаузы (товарные склады), огороженные цепями, часы на башнях, флаги».

Великое множество пакгаузов было в Одесском порту: Рос-

сийского общества пароходства и торговли (РОПит), Таможенного ведомства, Юго-Западных железных дорог, Добровольного флота, министерства финансов, Черноморско-Дунайского пароходства... Они были своего рода достопримечательностью если не города, то, уж наверняка, порта. А построенные в начале нынешнего века так называемые «красные пакгаузы» из звонкого красного кирпича даже попали в путеводители по Одессе: «Это громадные красивые кирпичные здания, предназначенные для склада и хранения товаров... Пакгаузы сооружены сообразно с последним словом техники, они хорошо предусмотрены в пожарном отношении и богаты техническими приспособлениями»¹.

Набрасывая беглую зарисовку Одесского порта времен «горто-франко» в книге «Кладбище в Скулянах», не обошел вниманием пакгаузы и Валентин Катаев: «В порту стояло множество торговых заграничных судов, анатолийских фелюг, бригантин, дубков, легкокрылых яхт, среди которых иногда виднелись черные трубы колесных пароходов, покрывающих вокруг себя воду сажей. Грузчики тащили на спинах тюки товаров и сваливали их в пакгаузы».

Шло время, возрастал грузооборот порта, строились, ветшали и заменялись новыми пакгаузы, а «технология» обработки грузов еще долго оставалась прежней. «Громадный порт, один из самых больших торговых портов мира, всегда бывал переполнен судами... От судов к бесчисленным пакгаузам и обратно по колеблющимся сходям сновали грузчики: русские босяки, оборванные, почти оголенные, с пьяными, раздутыми лицами, смуглые турки в грязных чалмах и в широких до колен, но обтянутых вокруг голени шароварах, коренастые мускулистые персы, с волосами и ногтями, окрашенными хной в огненно-морковный цвет», — писал с натуры картину разгрузки судов А. Куприн в рассказе «Гамбринус» в 1906 году.

А о том, что происходило в душном полумраке за широкими

воротами пакгаузов, рассказал Александр Грин, которому в короткую его бытность в Одессе довелось служить тут «маркировщиком». «Это вот что: на каждой клади, ящике или мешке стоит марка или литер, например: А-5 или С-К. Благодаря таким знакам грузы различных отправителей не смешиваются в одну кучу, потому что в дверях пакгауза стоит маркировщик и каждого носильщика направляет в тот угол, где уже сложен товар, отвечающий своим знаком знаку следующей ноши», — подробно поясняет Грин читателям своего рассказа «Случайный доход». «Я полюбил пряный запах пакгауза, — вспоминал он в «Автобиографической повести», — все пахло: ваниль, финики, кофе, чай...».

Запах пакгаузов не преминул отметить и знаток портовой жизни Л. Кармен: «Когда, бывало, войдешь внутрь, тебя сшибают с ног сотни запахов». Но, отдав в рассказе «Мурзик» дань традиции, предписывающей обязательно помянуть ароматы, как говорили, «колониальных» товаров, писатель с беспощадной документальностью и точностью очевидца показал пакгаузы, подожженные и разграбленные провокаторами в июньские дни 1905 года: «Крыса (портовый босьяк, «дикарь порта». — Р. А.) заглянул в пакгауз и остолбенел: крыша его провалилась, и под нею, в грудях золы, в одном из уголков робко прятался еще кусочек огня — остаток бушевавшей стихии... Он оплакивал старый порт и ни на минуту не задумался над тем, что на пепелище и развалинах старого порта должен вырасти новый, молодой, здоровый».

Пакгаузы, конечно, восстановили, но до рождения нового порта еще должны были пройти долгие годы, гражданская война, грабительская и жестокая интервенция...

На закате интервенции в порту появляется самозванный граф Невзоров, блистательно описанный А. Н. Толстым в повести «Похождения Невзорова, или Ибикус»: «...Продавец каракуля подошел к Семену Ивановичу и предложил пойти в

порт, посмотреть товар. У одного из... пакгаузов разыскали сторожа, дали ему карбованцев, и он разрешил осмотреть пакгауз. Среди огромных кип сукна, холста, кожи, консервов отыскали три, обитые цинком, ящика со шкурками». Но если авантюрист-одиночка Невзоров беззастенчиво купил и вывез казенный каракуль, а потом спекулировал им за границей, то интервенты, соразмерно масштабу, разграбили порт, увели суда и продавали их там же за границей иностранным пароходным компаниям.

*Здесь гулок шаг. В пакгаузах пустых
Нет пищи крысам. Только паутина
Подернула углы. И голубиной
Не видно стаи в улицах немых.
Крик грузчиков на площадях затих.
Нет кораблей...*

Эту щемящую своей печальной точностью картину парализованного разрухой, грабежом и блокадой порта показал весной 1921 года Эдуард Багрицкий в стихотворении «Здесь гулок шаг...». Но пройдет три года, и в новом стихотворении поэта «Порт» читатели уже увидят входящий в гавань пароход, услышат голоса грузчиков, почувствуют запахи смолы и угольного дыма — любезные матросскому сердцу приметы живого порта:

*Он входит в порт, огромный, неуклюжий,
Обглоданный ветрами пароход,
Из труб куделью, душиной и верблюжьей.
Сползает дым и за корму плывет.
А порт не спит... Товарные вагоны
По рельсам двигаются и скрипят..
Течет зерно струей неугомонной,
И грузчики у сходен голоса.
И дни текут, пропахивше душистой
Пшеничной пылью, дымом и смолой...*

Эти два стихотворения Багрицкого, точно створные огни, определяли тогда курс на возрождение и реконструкцию ста-

рого порта. «Ночь, ночь, ночь лежала над всей страной. В Черноморском (читай: Одесском.— Р. А.) порту легко поворачивались краны, спускали стальные стропы в глубокие трюмы иностранцев и снова поворачивались, чтобы осторожно, с кошачьей любовью опустить на пристань сосновые ящики с оборудованием Тракторостроя».— писали в 1930 году в романе «Золотой теленок» Илья Ильф и Евгений Петров, противопоставляя трудную жизнь возне Бендера и его «контрагентов».

А потом будет война, героическая оборона города, годы оккупации, горя и борьбы, светлое утро освобождения. «Дым затянул взорванные и сожженные портовые сооружения... склады, пакгаузы»,— сообщал военный корреспондент Вадим Собко из только что освобожденной Одессы².

И лишь после этого второго в истории порта пожара родится «новый, молодой» порт, о котором и мечтать не мог «портовый дикарь» Крыса из рассказа Кармена...

ПОРТОВАЯ ЭСТАКАДА

Вспоминая свои детские годы в Одессе, Исаак Бабель проходя заметил в «Автобиографии»: «На переменах мы уходили, бывало, в порт на эстакаду». Но что говорит сегодняшнему читателю это откровение о ребячьих проказах восьмидесятилетней давности!

Вместе с тем, построенная в 1872 году, после открытия так называемой Карантинной железнодорожной ветки в порту, одесская портовая эстакада была для своего времени интересным инженерным сооружением, представлявшим собой, по нынешней терминологии, четырехкилометровой длины железнодорожный путепровод, протянувшийся через весь порт от Пересыпи до оголовка Карантинного мола.

«Над земными рельсами шел воздушный рельсовый путь — эстакада, высокий помост, с которого из вагонов грузились на

пароходы хлеб и другие товары», — вспоминал в «Автобиографической повести» свое знакомство с Одесским портом Александр Грин. Нужно сказать, что предназначение эстакады определено Грином с абсолютной точностью. Благодаря высокому — шесть метров над уровнем причалов — расположению железнодорожного полотна зерно, уголь, цемент и другие, как их сейчас называют, сыпучие грузы из вагонов под действием собственного веса поступали по трубам и желобам непосредственно в трюмы судов.

Своеобразными были и поезда, использовавшиеся на эстакаде. Рассказывая в «Книге юности» о друге своей гимназической поры, Сергей Бондарин указывал, что его отец «работал на «кукушке», паровозике, который бегал по портовой эстакаде, осыпанной зерновой пылью...» К этим «кукушкам» цепляли специальные вагоны с конусообразным, для удобства разгрузки, днищем. Крошечные, особенно если смотреть на них с бульвара, паровозики и «пузатые» вагончики остались в воспоминаниях детства Юрия Олеши. «В пыли, в дыму смешные поезда сновали все, гремя по эстакаде», — писал он в юношеском стихотворении «Пятый год»¹.

Про «эстакаду, по которой катились красные товарные вагоны с бессарабской пшеницей», написал и Валентин Катаев в книге «Разбитая жизнь, или Волшебный рог Оберона». Но он же покажет ее читателям и в совершенно ином виде, но об этом позже. А пока стоит поподробнее разобраться в устройстве эстакады. По сути, это был настил, нечто вроде моста, с расположенными на расстоянии шести с половиною метров опорами или, как их называли, быками. Настил и быки были сработаны из таких толстенных дубовых досок, брусьев и бревен, что выдерживали составы, двигавшиеся или разгружавшиеся одновременно на двух железнодорожных путях. Через каждые двести метров в эстакаду были «врезаны» глухие каменные «коробки» — брандмауэры, которые в случае пожара

должны были препятствовать распространению огня на всю длину деревянного сооружения.

Но эта предусмотрительность строителей, однако, не спасла эстакаду, и она сгорела во время пожара порта в июне 1905 года, тогда же, когда и пакгаузы. Когда один из любимейших читателями катаевских героев Петя Бачей из повести «Белеет парус одинокий» возвращался в конце лета 1905 года в Одессу на пароходе «Тургенев», он увидел в порту «на железнодорожном переезде... сожженную дотла эстакаду, горы обугленных шпал, петли рельсов, повисших в воздухе, колеса опрокинутых вагонов, весь этот неподвижный хаос...».

Позже эстакаду восстановили и даже оснастили самыми совершенными по тогдашним временам электрическими транспортерами. Но под нею по-прежнему копошились те, которые социальным неравенством были выброшены на самое дно жизни.

«Под этой эстакадой творились развеселые дела,— с горькой иронией вспоминал Л. Утесов в книге «Спасибо, сердце»,— во всю ее длину в маленьких домиках ютились харчевни, которые... назывались «обжоркой». Здесь одесская портючая босячья жила, «как бог в Одессе»... Одежда бога — рваные парусиновые штаны и мешок с прорезью для головы и рук. Под эстакадой сидят бог и неудачник. Бог одет по вышеуказанной моде, неудачник — почти голый. Все пропито.

Осень.

Б о г. Сирожка, что ты дражишь?

Н е у д а ч н и к: Холодно.

Б о г: Ничего, было время, у меня тоже не было что надеть».

Грустная улыбка судьбы: насквозь продуваемая ледяными черноморскими ветрами эстакада согрела одесситов бестопливной зимой 1920 года. «В эти дни погибла знаменитая эстакада в одесском порту,— писал А. Козачинский в повести «Зеленый

фургон», — одесситы гордились ею не меньше, чем оперным театром, лестницей на Николаевском (ныне — Приморский. — Р. А.) бульваре и домом Попудова на Соборной площади. О длине и толщине дубовых брусьев, из которых она была построена, в городе складывали легенды. Будь эти брусья потоньше и похуже, эстакада, возможно, простояла бы еще десятки лет. Но в дни топливного голода столь мощное деревянное сооружение не могло не погибнуть. Эстакаду спилили на дрова».

И на этот раз уже безвозвратно канула в прошлое одесская портовая эстакада, от которой сохранилась лишь некогда предварявшая ее железнодорожная насыпь, прорезанная мостами.

ПУШКА

В бытность в Одессе А. С. Пушкина утро начиналось выстрелом сигнальной пушки со сторожевого корабля, ошвартованного в гавани. И навсегда остался отзвук этого выстрела в отрывках из «Путешествия Онегина»:

*Бывало, пушка зоревая
Лишь только грянет с корабля...*

Специфичную эту подробность городской жизни отметила в повести «Номерованная ложа» и Елена Ган: «Медленно стлался вечерний туман по морю... Наконец грянула зоревая пушка, выстрел прокатился отгулом грома по волнам и стих в отдалении»¹. Но тут речь идет о другой пушке, той, которая с конца 1820-х годов «сидела» на цепи на бульваре, примерно там, где сегодня верхний павильон эскалатора. И стреляла она утром, вечером, а позже и в полдень.

«Полдень возвещается... в Одессе выстрелом из пушки, стоящей против монумента герцога де Ришелье, — свидетельствовал современник, — в ту пору знак к нему подавался из до-

ма графа Воронцова по находившемуся там хронометру»². О том, как это было, написал в книге «Старая Одесса» А. М. Дерибас: «Около полудня важно и мерно шагает у памятника Ришелье часовщик Штерн. С правой стороны бульварной лестницы два бравых артиллериста стоят у пушки, из которых один, с фитилем в руках, смотрит на Штерна, не спуская глаз. Вдруг... Штерн машет рукой, грянул пушечный выстрел — и все портовые суда оглашаются веселыми звонками»³. Часы тогда, особенно карманные, имели далеко не все, городских часов было и того меньше, и сигнальные выстрелы позволяли хоть кое-как ориентироваться во времени. Недаром в росписи, другими словами, смете городских расходов, наряду с поливкой бульвара, содержанием городских садов, газовым освещением улиц, была предусмотрена поверка, а также исправление городских часов и сигнальные выстрелы, для которых не было ни выходных дней, ни праздников...

И только 10 апреля 1854 года сигнальная пушка «промолчала» — кто расслышал бы ее «деликатный» выстрел в грохоте корабельной артиллерии и береговых батарей?

Шла Крымская война, памятная сегодня по героической обороне Севастополя, и в этот день англо-французская эскадра тринадцать часов без перерыва бомбардировала город. Двадцатидвухлетний прапорщик А. Щеголев выдвинул тогда пушки своей батареи на оконечность Практического мола, стремясь «дотянуться» ядрами до неприятельских кораблей, и в течение шести часов вел неравный бой. А через двадцать дней союзная эскадра понесла под Одессой существеннейшую потерю, которую французский адмирал Гамелен расценил как «национальное несчастье»: в районе нынешней «Аркадии» сел на мель паровой фрегат «Тигр» — гордость английского флота⁴. Вечером того же дня фрегат, как сообщалось в реляции, береговыми батареями был «зажжен и, вследствие того, взорван на воздух»⁵.

В мае водолазы подняли с морского дна девятнадцать пушек фрегата, большинство которых оказались вполне исправными. «Две бомбические пушки «Тигра» перетащили на батарею, которую построил на свой счет Джиджи (Осип) Мокко близ нашего дома в конце Карантинной улицы, — писал К. Скальковский в «Вспоминаниях молодости», — одна из пушек при испытании разорвалась»⁶. Вторая же пушка долгое время оставалась на месте заброшенной и постепенно разрушавшейся батареи, которую в конце апреля того же года соорудил карантинный боцман Д. Мокко в начале нынешней улицы Свердлова возле дома археолога И. П. Бларамберга.

В 1903 году, в преддверии пятидесятилетия бомбардировки Одессы пушку отыскали и вознамерились превратить в военно-исторический, как тогда говорили, памятник. Для этого создали специальную комиссию, которая, как сообщалось в газете «Одесские новости», «приняла меры, чтобы все разрушившиеся от времени и ныне восстановленные части морской бомбической пушки, снятой с военного английского судна «Тигр», и лафета вполне соответствовали эпохе»⁷. Тогда же водолазы снова, теперь уже пятьдесят лет спустя, побывали на месте гибели фрегата и подняли несколько ядер, соответствующих калибру пушки. После реставрации пушку перевезли на бульвар, где в сентябре 1904 года водрузили на постамент, превратив из «участницы» в «свидетельницу» многих событий в истории города.

Новый памятник, подкупавший исторической подлинностью, — именно эта пушка, не такая, а эта стреляла по городу — всколыхнул память современников давних событий. «Смутно помню рассказ бабушки — маминой мамы, — слышанный ею, в свою очередь, от ее мамы, то есть моей прабабушки, историю артиллерийского прапорщика Щеголева...», — писал в книге «Разбитая жизнь, или Волшебный рог Оберона» Валентин Катаев, коему судьбой было уготовано самому стать артилле-

ристом в первую империалистическую и гражданскую войны.

В произведениях Катаева то и дело возникает одесская эта достопримечательность. В дни январского восстания герой тетралогии «Волны Черного моря» Гаврик Черноиваненко, обороня от гайдамаков бульвар, поставил один из пулеметов, которыми был вооружен красногвардейский отряд, «у подножия знаменитой исторической чугунной пушки». По воле автора Гаврик придет сюда и в октябре 1941 года, в последний день обороны Одессы. Перед уходом партизанского отряда в катакомбы «они подошли к стоящей над обрывом старинной чугунной пушке на ступенчатом деревянном лафете. Из-под обрыва торчали тонкие стволы зенитных орудий». Пройдут два с половиной года, и вышедшие из катакомб партизаны гавриковского отряда придут на Приморский бульвар, где «пушка по-прежнему смотрела в открытое море, широко и свободно синевшее за портом». Это было 10 апреля 1944 года, через девяносто лет после бомбардировки Одессы англо-французской эскадрой, в день, о котором в 1942 году мечтал и написал в стихотворении «Одесса» Семен Кирсанов:

Верю я —
мы встретимся,
товарищ,
в летний день
на боевом борту,
у старинной пушки
на бульваре,
в разноцветном,
праздничном порту.

А пушка по-прежнему стоит на бульваре и за все время лишь один раз «покинула» постамент — в период реставрации 1975 года...

В 1917 году в стихотворении «Бульвар» Юрий Олеша написал о цветниках «у безголосой пушки»⁸. Но если прислушаться, право же, можно услышать трепетный голос памяти.

ФУНИКУЛЕР

Гигантская, ныне Потемкинская, лестница множество лет была, скорее, частью архитектурного ансамбля, нежели использовалась по прямому назначению: портовый люд шел, в основном, со стороны Пересыпи или по спускам: Военному (Жанны Лябурб), Левашовскому (Вакуленчука), Польскому (Кангуна)...

Но со временем количество тех, кому нужно было попасть в порт и на Приморскую улицу из центра, возросло. В немалой степени способствовало этому открытие железнодорожного сообщения из порта на Куяльницкий лиман, куда, как вспоминал в книге «Ни дня без строчки» Юрий Олеша, «шел поезд, ведомый маленьким паровозом, который назывался паровиком. Маленький, бойко свистящий паровозик, пять-шесть зеленых вагонов...» К тому же на Приморской улице, вблизи порта открылось множество «заведений теплых морских ванн», не без доброй иронии упомянутых в «Записных книжках» Ильи Ильфа: «Когда все в Одессе разрушится, морские ванны по-прежнему будут сиять и переливаться светом. Одесситы любят морские ванны».

В 1880 году, учитывая конъюнктуру, была предпринята попытка создать концессию для «устройства рельсового подъемного пути с пристани на бульвар»¹, потерпевшая, однако, совершеннейшее фиаско. Реальная идея эта обрела лишь в 1895 году, когда молодой инженер Н. К. Пятницкий, выпускник Петербургского института инженеров путей сообщения и сын директора одесской 2-й гимназии, подал в городскую Управу прошение о «предоставлении ему сооружения и эксплуатации механического подъемного пути с Приморской улицы на... бульвар»².

Соблазненные предложением Пятницкого, городские власти все же объявили конкурс через местные и столичные газеты.

Но откликнулась лишь одна парижская фирма, представившая только эскизный проект, никоим образом не привязанный к местности. По заключению известного в городе инженера В. И. Зуева, предпочтение отдали Пятницкому.

В 1900—1902 годах спланировали склон под трассу будущего фуникулера, уложили однокольный рельсовый путь длиной около ста метров с разъездом посередине и переходным мостиком над ним, построили деревянный ажурный павильон на бульваре, каменное здание с кассой, перроном и конторой на Приморской улице, а рядом — небольшую электростанцию, собрали и закрепили на тросах два доставленных из Парижа вагончика на 35 пассажиров каждый, установили 300 калильных ламп и дуговых фонарей для освещения дороги. Все работы выполнили под руководством инженера В. Я. Раковского.

Торжественное открытие подземной дороги состоялось 8 июня 1902 года, а на следующий день она приняла первых

пассажиров, причем, как отметил «Одесский листок», «желающих испытать удобство движения нашлось довольно много»³. Само же название «фуникулер», восходящее к латинскому «фуникулис» — канат, прижилось много позднее. «...фуникулер. Если в Одессе произнести это слово, никто не поймет, о чем идет речь,— утверждал Л. Утесов в книге «Спасибо, сердце»,— его называют «подъемная машина». Так одесситам кажется короче и понятней... Вниз почти никто не ездит. Зачем? Спуститься по лестнице просто удовольствие. Вверх — тоже не очень много желающих. Подъемная машина — не «золотое дело». Но так или иначе, прибыль доставалась концессии и по условиям контракта фуникулер должен был перейти в собственность города только в 1920 году. События же «разорвали» контракт раньше, но с 1919 года фуникулер был на консервации.

Пустили фуникулер 20 сентября 1926 года, когда пошла на убыль разруха, порожденная гражданской войной и интервенцией. Каждая черточка, свидетельствовавшая о восстановлении нормальной жизни города, воспринималась тогда восторженно. И понятен сегодня несколько наивный пафос, с которым одесские «Известия» сообщили о пуске фуникулера: «Город возрождается. Крошечные вагончики подъемки об этом говорят лучше всего. Она должна служить звеном своеобразной смычки рабочего города с его сердцем — портом»⁴.

Со времени строительства фуникулер к моменту второго пуска ни разу капитально не ремонтировали, но все его сооружения, узлы, детали и, что особенно важно, троссы, изготовленные на одесском канатном заводе, оставались абсолютно надежными. И продолжал он исправно работать в течение шести месяцев ежегодно, перевозя в день до четырех тысяч пассажиров...

Во второй раз «остановила» фуникулер Великая Отечественная война. А после нее фуникулер, много лет соседствовавший

с увековеченной в фильме С. Эйзенштейна лестницей, сам прикоснулся к кинематографической славе: в 1945 году режиссер Всеволод Пудовкин снимал тут эпизоды своего фильма «Адмирал Нахимов» с А. Диким в главной роли.

Свидетелем этого оказался корреспондент красноармейской газеты Макс Поляновский, как всегда не расстававшийся с фотоаппаратом. «Когда же начал падать мелкий, нудный и непрошенный дождь, режиссер, хватаясь за голову, выкрикнул: «Опять дождь!» — и приказал остановить только что начатую работу... — писал Поляновский в книге фотоновелл «Остановись, мгновение», — чтобы не промокнуть под дождем, не повредить грим, исполнители ищут укрытия... Сам «адмирал» ушел под крышу находящейся рядом станции старого фуникулера (одеситы его называли просто «подъемной машиной»), после войны еще не восстановленного. Здесь на станции устроили нечто вроде штаба съемочной группы. У режиссера был там свой столик. Он присел к нему. И тогда заговорило мое журналистское нутро. — Всеволод Илларионович, — окликаю загрустившего режиссера, — давайте-ка по старой памяти поговорим о вашей работе над этим фильмом... Кто-то взял мою фотокамеру. Щелкнул затвор — и запечатлена беседа с Всеволодом Пудовкиным на одесском бульваре, под станционной крышей бездействовавшего тогда фуникулера».

А через три года газета «Труд» сообщила, что в Одессе «начались работы по восстановлению фуникулера»⁵. Едва «отдышавшись» от войны, город восстановил фуникулер, который Валентин Катаев причислял к достопримечательностям Одессы.

Но пройдет двадцать с лишним лет и его заменят эскалатором, не решив при этом никакой транспортной проблемы, поскольку ее и не было. Но с лица города оказалась стертой еще одна милая черта, о которой с грустью и нежностью вспоминают одеситы. «...Уже давно нет двух вагончиков, двигавшихся друг другу навстречу, параллельно Потемкинской лест-

нице от памятника герцогу Ришелье... и до входа в порт,— печально констатировал Всеволод Азаров в книге воспоминаний «Ветры нашей молодости»,— вагончики заменил эскалатор, лишив Приморский бульвар одной из его... примет». А в книге В. Галицкого «Театр моей юности» осталась «мечта наша, наше вожеление — фуникулер, на котором иногда нас катали вниз и вверх».

И только Большая Советская Энциклопедия до сих пор по старой памяти сообщает, что фуникулер в Одессе есть. А может, это все же добрая примета?

КОНДИТЕРСКАЯ ЗАМБРИНИ

В августе 1889 года А. П. Чехов писал литератору и театральному критику А. Н. Плещееву, что он «попал случайно в Одессу, прожил там дней десять (Чехов пробыл в Одессе 12 дней.— Р. А.), а оттуда, проев половину своего состояния на мороженом (было очень жарко), поехал в Ялту»¹. Шутка, конечно, но если есть в ней доля правды, то где же тогда едал в Одессе мороженое Антон Павлович?

В 1842 году на площади рядом с Городским театром построили «Новый гостиный двор», больше известный как «Пале-Рояль». «Так назывался двухэтажный, построенный прямоугольником дом с аркадами, — сообщает Лев Никулин в повести «Время, пространство, движение», — внутри здания был небольшой сад, и сюда выходили террасы кафе и ресторанов. Этот Пале-Рояль был раз в десять меньше парижского, однако акация и каштановые деревья роднили его с парижским...».

Архитектор Г. Торичелли соорудил Пале-Рояль в виде длинного, выходявшего на три улицы здания, разделенного на 44 однотипные торговые секции. «Здание имеет три этажа, — информировал читателей «Одесский вестник» от 14

августа 1843 года, нижний весь в земле, освещается через железные решетки, вделанные в асфальтовые широкие тротуары... В этом этаже и под ним (имеются в виду подвалы первого яруса без окон. — Р. А.) помещаются погреба, кухни, склады для... провизии, дров, угля. Второй этаж — главный, занимается магазином, в третьем живут сами хозяева».

В 1845 году в девятую секцию со стороны нынешнего переулка Чайковского (нумерация секций начиналась от театра) перебралась с Дерibasовской улицы кондитерская некоего Замбрини. Имя Замбрини, сегодня знают разве что некоторые старожилы по семейным преданиям. «Бабушка и дедушка... отправились в Пале-Рояль, — рассказывает Валентин Катаев в книге «Кладбище в Скулянах» об одном из первых дней пребывания своих предков в Одессе, — маленькую изящную копию парижского Пале-Рояля, — там, сев за круглый железный столик под сенью платанов, съели в кондитерской две порции пунша-гляссе, которым славилась эта кондитерская не только на всю Одессу, но и на весь юг Новороссии».

Если автор и преувеличил славу кондитерской, то совсем не много. Замбрини был отменным кондитером и, как свидетельствовал сын историка — К. Скальковский в записках «Воспоминания молодости», еще в середине прошлого века для одесситов «кроме бульвара обязательно была прогулка и по Дерibasовской с заходом в Пале-Рояль, где находилась знаменитая кондитерская Замбрини с превосходным мороженым»².

Сюда и хаживал А. П. Чехов, когда в июле 1889 года приехал впервые в Одессу по приглашению гастролировавших тут актеров Московского Малого театра. «В 12 часов брал я Панову (актриса театра. — Р. А.) и вместе с ней шел к Замбрини есть мороженое»³, — писал он брату Ивану.

Одна из прелестей заведений, подобных кондитерской Замбрини, состояла в том, что в многолетней истории их переплетались судьбы многих незауряднейших людей, события, факты, времена...

30 мая 1925 года в помещении нынешнего Русского драматического театра имени А. Иванова спектаклем «Смерть Пазухина» начались гастроли МХАТа, известного одесситам по предыдущим приездам. В числе привезенных спектаклей была пьеса М. Горького «На дне» в классической мхатовской постановке со Станиславским-Сатиным, Качаловым-Бароном, Москвиным-Лукой...

Тогда же актеры отметили именины К. С. Станиславского. Свидетелем праздника остался небольшой тронутый, но пощаженный временем прямоугольник картона — пригласительный билет со странным, на первый взгляд, текстом на английском и русском языках. «Окажите честь, — говорится в английской части билета, — присутствовать на празднике нашего дорогого Константина Сергеевича в день его именин 3 июня 1925 года в 3 часа в помещении кафе Печеского, Пале-Рояль». Далее по-русски сообщалось, что «для не знающих английского языка перевод может сделать в день фи клота ти О. Л. Книппер-Чехова, телефон 9-19 от 10 утра до начала спектакля, № 11 Лондонской гостиницы, или же Вишневский: 4 ч. утра, морские ванны под Ришельевской (Потемкинской. — Р. А.) лестницей, ежедневно...». Двухязычие текста актеры объяснили тем, что со времени зарубежных гастролей увлекались английским языком. Один из сорока отпечатанных экземпляров пригласительного билета Константин Сергеевич подарил в знак благодарности П. Т. Печескому, речь о котором впереди, от него билет перешел к внучке — Татьяне Алексеевне, а от внучки — в Одесский литературный музей. Чествование началось еще в гостинице «Лондонская», где поселились актеры и откуда К. С. Стани-

славскому предложили пройти к кафе. На пути его встречали молодые актрисы МХАТа и подносили цветы. А возле кафе Станиславского ожидала О. Л. Книппер-Чехова с группой актеров в гриме и костюмах средневековых англичан. Была разыграна церемония посвящения его в рыцари ордена Подвязки: под приветственные возгласы актеров, потрясавших бутафорными мечами, Ольга Леонардовна надела на ногу посвящаемого подвязку с девизом ордена. После этого все направились в так называемый «дамский кабинет» кафе, где были накрыты столы, в центре которых красовалось любимое блюдо именинника — клубника со взбитыми сливками.

В июле того же года в Одессу приехал Константин Паустовский, который в перерывах между ловлей бычков со своего любимого камня на 9-й станции Большого Фонтана и встречами со старыми, периода работы в «Моряке», друзьями частенько заглядывал в кафе. Потом он «привел» сюда героя романа «Блisterающие облака» Берга, который «каждый вечер... ел изумительное мороженое у Печеского в «Палерояле». Он наслаждался тишиной этого кафе, разбитого в глухом закоулке, путаницей света и теней, листвой винограда, свисавшей над столиками, воркотней старых официантов».

К тому времени кондитерская приобрела статус кафе и давно не принадлежала Замбрини. Но новый владелец, за несколько десятилетий добившийся собственной популярности, в рекламных объявлениях подчеркивал преемственность фирмы: «Кондитерская Печеского, бывш. Замбрини». П. Т. Печеский поставил дело, что называется, на широкую ногу: шоколад для приготовления напитка выписывал из Швейцарии, заказы на торты принимал по красочному альбому-каталогу, а пространные меню-прейскуранты печатал на тончайших бумажных салфетках. В начале 1910-х годов Печеский объединил и надстроил по проекту архитектора

Э. Вея две секции старого Пале-Рояля в один дом № 15/17. Здесь кафе Печесского, в последний период под фирмой «артель «Меркурий», просуществовала до начала 1930-х годов, а потом... осталось лишь в литературе и воспоминаниях старожилов.

«Помните, раньше мы с вами ели мороженое. В Пале-Рояле. У Печесского», — напоминал Исаак Бабель Сергею Бондарину при встрече в Москве. А многолетний директор Центрального дома работников искусств Б. Филиппов в «Записках домового» с восхищением вспоминал, как состязались в знании старой Одессы Л. Утесов и кинорежиссер М. Донской: «А где лучшее мороженое в мире? — Кафе «Пале-Рояль», владелец Печесский!».

Ныне этот дом, вошедший в литературу, впустил литературу в свои старые стены — здесь помещается отделение библиотеки.

ГОСТИНИЦА «КРЫМСКАЯ»

Владельцы одесских гостиниц часто давали им «географические» названия: «Большая Московская», «Лондонская», «Парижская», «Петербургская», «Франция»... В мае 1870 года в доме князя Гагарина, что у Сабанеева моста был, открылась гостиница «Крымская»: девяносто два однокомнатных и двухкомнатных номера, буфет, позже — ресторан «о трех залах», а во дворе — конюшня и каретный сарай с наемными экипажами. Достоинства новой гостиницы тотчас же были расписаны со всем красноречием провинциальной рекламы: «Помещается возле Приморского бульвара, недалеко от театра и морских купаний, в центре торговой деятельности и присутственных мест, и устроена со всеми удобствами для господ приезжающих сообразно современным требованиям»¹.

Два десятилетия спустя номера «Крымской» полностью отремонтировали и — веяние времени — устроили, как называли в ту пору, «телефонное сообщение». «...Недорого и недурно», пометил в дневнике В. Г. Короленко², а накануне отписал матери: «3 мая 1897 года. Одесса, гостиница «Крымская». Сегодня, т. е. в воскресенье утром приехали в Одессу... Остановились мы в Крымской гостинице с видом на море»³.

Но уже в начале века путеводители по городу признают, что еще недавно популярная гостиница переживает некоторый упадок. И все же в декабре 1902 года И. А. Бунин, который неоднократно бывал в Одессе и, нужно думать, ориентировался среди ее многочисленных гостиниц, и автор известной пьесы «Дети Ванюшина» драматург С. А. Найденов «остановились... в гостинице «Крымская», как о том сообщает биограф Бунина А. Бабореко. Об этом же их приезде А. П. Чехов писал жене 1 января 1903 года: «Бунин и Найденов теперь герои в Одессе. Их там на руках носят»⁴. Антон Павлович был недалеко от истины: от приглашений на литературные вечера отбою не было, первый том сочинений Бунина продавался в лучшем книжном магазине — у Распопова в Пассаже, в сборнике одесского литературно-артистического Общества «Наши вечера» только что появились стихи Бунина, а в «Одесских новостях» — статья Корнея Чуковского с высокой оценкой этих стихов. Обласканный одеситами, Бунин проживет тут три месяца и уедет, чтобы... вернуться в «Крымскую» через пятнадцать лет...

За эти годы пошатнувшаяся было популярность «Крымской» возродилась благодаря предпринятым усилиям и нововведениям: в начале 1910-х годов ее заново отделали, постояльцев баловали бесплатными билетами в фешенебельные «Славянские мраморные бани» на Торговой улице, а в порту и на вокзале дежурили комиссионеры, настойчиво, если не

сказать, назойливо, препровождая приехавших в гостиницу. С их помощью или без оной, но в январе 1914 года в «Крымской» поселились осуществлявшие турне по городам России поэты-футуристы Давид Бурлюк, Василий Каменский и Владимир Маяковский. Из всех троих город был знаком лишь Бурлюку, который некогда учился в Художественном училище на Преображенской улице и жил неподалеку — в доме № 9.

Каменский и Маяковский попали сюда впервые, но у последнего некоторые связи с Одессой были...

Трамвайную остановку «Улица Чернышевского» по двадцать девятому маршруту старожилы до сих пор называют «Красный крест», так как на их памяти здесь помещалась «Фабрично-заводская больница Красного Креста». В один из январских дней 1914 года в широких гулких коридорах больницы раздался громopodobный голос, докатившийся до

самых дальних ее закоулков: «Доктора Киселева!» Сбежавшие санитарки и сестры милосердия с удивлением разглядывали громадного молодого человека в малиновом фраке с увесистой тростью. А всегда сдержанный доктор Киселев выбежал из лаборатории и бросился к необычному посетителю: «Володя!» Полвека спустя Михаил Тихонович Киселев рассказывал: «Моя мама была родной сестрой отца Володи Маяковского, а я, как вы понимаете, имел счастье быть его двоюродным братом. Но я старше на девять лет и очень хорошо помню, как его мама привезла Володю к нам в Кутаиси совсем крошечным, чуть ли ни в пеленках. Я учился в той самой Кутаисской гимназии, куда потом отдали Володю, и истоки его ранних революционных настроений, думаю, нужно искать там: гимназия считалась «левой». Меня самого вышибли из нее за участие в демонстрации. Пришлось потом экстерном сдавать экзамены на аттестат зрелости, после чего я поступил в медицинский факультет Одесского, тогда еще Новороссийского, университета. После окончания его я начал работать в больнице Красного Креста, где меня и разыскал Володя в 1914 году»⁵.

Но до появления у Миши Киселева, как называл его Маяковский в письмах к матери, он вместе с Бурлюком обосновался в «Крымской», где уже жил приехавший четыремя днями ранее Каменский. Как написал Каменский в книге «Жизнь с Маяковским», московские поэты «заняли на втором этаже три номера». В одном из них и разворачивается действие первой части поэмы В. Маяковского «Облако в штанах» — мука ожидания и крушение надежды:

*А ночь по комнате тинится и тинится, —
Из тины не вытянуться отяжелевшему глазу.
Двери вдруг заляскали,
будто у гостиницы
не попадает зуб на зуб.*

Вошла ты,
резкая, как «нате!»,
муча перчатки замиш,
сказала:
«Знаете —
я выхожу замуж».

Как оговорил в начале поэмы сам Маяковский, «это было, было в Одессе». «Володя имел свой роман с Марией», — издавело писал автору этих строк Д. Бурлюк, будто подражая кому-то из одесситов или, что вернее, переводя с английского на полузабытый русский⁶. Более подробно рассказал о первой любви своего друга В. Каменский в книге «Юность Маяковского»: «Маяковский влюбился здесь (в Одессе. — Р. А.) в красавицу Марию Александровну (Денисову. — Р. А.)... Взволнованный.., он влетал к нам в гостиницу таким праздничным, весенним морским ветром... Или вдруг обвеянный предчувствием возможной неудачи, он нервно, задумчиво шагал по комнате... Развязка пришла». «Развязка» любви стала завязкой поэмы, которая сберегла образ М. А. Денисовой, впоследствии художницы, автора первого скульптурного портрета В. Маяковского. Осталась в поэме и гостиница, потому что, как утверждал И. А. Бунин, произведения любого автора в той или иной мере автобиографичны.

Сам же Бунин с женой в июне 1918 года объявился в занятой австро-немецкими войсками Одессе, бежав от непонятой и напугавшей его революции. «Остановились в гостинице «Крымской» (у Сабанеева моста, дом № 1), жить пришлось в душном номере», — и на этот раз бесстрастно фиксирует биограф. Но «Крымская» оказалась последней гостиницей, где фамилию Бунина занесли в список проживающих на языке, на котором он еще тридцать пять лет будет писать свои книги, никогда не расставаясь в них с Россией.

В разное время в помещениях «Крымской» гостиницы помещалось одесское шахматное общество, столовая Губчека, казармы батальона ВОХР, но все это уже не имело отношения к литературной истории здания. Последней ее страницей осталась бунинская...

А потом «Крымская» сгорела, и на ее месте был разбит сквер — «зеленая пауза» между гостиницей и построенной на ее месте музыкальной школой имени П. С. Столярского.

ТЕАТР И ГОСТИНИЦА «СЕВЕРНАЯ»

В первые годы эта гостиница именовалась на французский манер — «Отель дю Норд». «Вновь открытая гостиница «Отель дю Норд», — сообщали путеводители в начале 1870-х годов, — помещается в лучшей части города, против театра... и вблизи Приморского бульвара»¹. Был в этих объявлениях понятный старожилам мостик в старую Одессу, где на Итальянской улице размещалась одноименная гостиница, в которой останавливался А. С. Пушкин.

Новая же «Северная» гостиница в 1889 году на двенадцать июльских дней стала одесским домом А. П. Чехова. Сведения об этом накапливались в литературе исподволь, по крупницам...

«В первый же день приезда Антона Павловича в Одессу мы... ужинали в «Северной гостинице», где поселились и артисты Малого театра и Чехов, — вспоминал друживший с писателем сотрудник одесской газеты «Новороссийский телеграф» П. А. Сергиенко, — однажды мы с Чеховым получили приглашение от артистки Каратыгиной, которая жила под самой крышей и у которой собиралась молодежь Малого театра... Постепенно наши бельэтажные (где жил Чехов. —

Р. А.) чаепития начали переноситься в скромное помещение «наших меньших братьев», как в шутку говорил Чехов»².

Позднее дверь этой комнаты «приоткрыли» для читателей воспоминания К. А. Каратыгиной: «Отдых наш после спектакля, когда мы могли и попить чайку, и поесть, и наболтаться вдосталь. Сборный пункт был всегда у меня, в № 48, в четвертом этаже Северной гостиницы». «Комната эта стала с тех пор исторической», — заключает актриса»³. Как утверждал в очерке «Сюжет для небольшого романа» основатель Одесского литературного музея Н. А. Брыгин, в чеховскую «Скучную историю» словно бы «долетают отзвуки разговоров за чашкой чая в номере Каратыгиной». И если вместе с автором очерка предположить, что мысль о путешествии на каторжный остров Сахалин явилась Чехову не без участия актрисы, можно понять, на что намекал Антон Павлович, надписывая свою фотографию «Клеопатре Александровне Каратыгиной, на память о № 48 «Северной гостиницы»...

«Чеховской» страницы в истории гостиницы наверняка бы не было, попади он в Одессу лет, эдак, через двадцать пять. Дело в том, что еще в начале века «Южно-Русская артель официантов» заарендовала «Северную», и с тех пор respectable в прошлом гостиница пользовалась широкой известностью исключительно благодаря, как говорили, «увеселительному элементу», другими словами, фешенебельному кафеншантану.

Когда-то Влас Дорошевич, рассчитывая на осведомленность горожан, не без иронии намекнул в зарисовке «Одесский язык», что «за театром в Одессе находится «Северная гостиница, где далеко не скучают»⁴. И если поначалу для вечерних увеселительных программ использовали старый зал гостиничного ресторана, то в 1913 году по проекту архитектора Ю. Дмитренко во дворе построили специальное здание

«Северного» театра с громадным залом, просторной сценой и двадцатью восемью закрытыми ложами, соединенными галереями со старым зданием гостиницы. В «Воспоминаниях о Юрии Олеше» Лев Никулин передает рассказ приятеля его отца — местного бонвивана Александра Джибелли, доживавшего свой век метрдотелем ресторана «Лондонской» гостиницы: «Понимаете, Юрий Карлович, из клуба уедешь в три часа ночи. Куда ехать? В «Северную». Выпьешь в шантане одну-другую бутылку «Мумм Кордон вер», дальше все как в тумане... Проснешься — черт его знает, день или ночь... Какая-то комната, постель, женщина... Кто? Откуда... Горестная жизнь (фата...)».

Сомнительную славу «Северной» развеяла революция. В 1921 году здесь открылся «Театр Политсекретариата Черноморского красного флота», где устраивали митинги, концерты для моряков, «Устные выпуски» газеты «Моряк» с участием одесских литераторов. «В субботу, 12 марта, в годовщину свержения самодержавия состоялся организованный Райкультурводом устный «Моряк», — сообщала газета, — зал театра в бывшей «Северной» гостинице, где состоялся устный «Моряк», был переполнен моряками и рабочими-водниками»⁵.

Самой яркой страницей истории «Северного театра» можно считать выступление Владимира Маяковского. «20 февраля — выступление в Одессе в Северном театре», — лаконично отметил биограф поэта В. А. Катанян в книге «Маяковский. Литературная хроника». Но если для Катаняна это был лишь один из бесчисленных скрупулезно учтенных им фактов биографии поэта, то для города — событие литературной жизни, первое выступление Маяковского в советской Одессе. Накануне местные «Известия» сообщили, что «20 февраля (1924 года. — Р. А.) в Северном театре, вечер Вл. Маяковского. Маяковский выступит с докладом о Лефе, о сером Берлине, о белом Париже, о красной Москве, а так-

же со стихами и сатирой: Маяковский смеется, улыбается, издевается»⁶.

Подробности этого вечера остались в дневнике Л. Р. Когана, впоследствии литературоведа, создателя летописи жизни и творчества А. Н. Островского: «Вечер состоялся в мало посещаемом театре при бывшей Северной гостинице (в Театральном переулке), где раньше помещалось кафе-шантан. Подходя к входу, я увидел множество студентов, старавшихся пробраться без билетов. В это время подошел и Маяковский. Студенты окружили его с просьбой помочь им. Маяковский скомандовал: — Становись в очередь, в затылок! Не толпиться у входа!

Театр был полон. Молодежь, заполнила балкон. Интеллигенция и мещанская публика восседали в партере... Маяковский вышел на сцену в пальто и шляпе. Пальто снял и аккуратно положил на спинку кресла, шляпу на стол, вынул из кармана книжку. Его встретили аплодисментами. Он коротко поклонился и деловито приступил к чтению. Читал он воистину замечательно... Он явно был стихотворцем — оратором, трибуном, рожденным говорить с массой... Ему бурно аплодировали. Не только молодежь, но и скептики из партера... На улице его провожала большая толпа»⁷.

Одним из провожавших был писатель Николай Матяш. «Вечером мы возвращались из театра, — вспоминал он в статье «В Одеси», напечатанной в десятую годовщину смерти поэта, — Владимир Маяковский... шел с нами и мы с величайшей жадностью слушали его мысли о литературе, поэзии. Кирсанов шел в ногу с Маяковским»⁸.

Позже в помещении бывшего «Северного театра» был Клуб милиции, знаменитый ТРАМ — театр рабочей молодежи, театр музкомедии и, наконец, Театр юного зрителя. На его сцене в переулке Чайковского, 12 тридцать с небольшим лет спустя вновь прозвучали слова Владимира Маяковского —

в 1955 году впервые на Украине здесь поставили его пьесу «Баня».

...Чехов и Маяковский. Проза и поэзия. Два крыла великой литературы, тень которых промелькнула когда-то над «Северным» театром и гостиницей.

КАФЕ ФАНКОНИ

Уроженец Швейцарии Я. Фанкони, поднаторевший в кондитерском мастерстве за шестнадцать лет обучения в Варшаве, открыл свое кафе 1 ноября 1872 года в одноэтажном домике под черепицей на углу нынешних улиц Карла Маркса и Ласточкина. Со временем разросшееся «заведение» прихватило еще часть помещений соседнего по Екатерининской улице дома, а с 1913 года помещалось в только что выстроенном на этом месте по проекту архитектора Ю. Дмитренко четырехэтажном здании, в котором ныне расположено агентство Аэрофлота.

К тому времени Я. Фанкони и поступивший к нему компаньоном его брат Д. Фанкони уже умерли, а кафе отошло к их родственнику Ф. Скведеру.

Новый владелец предприимчиво сохранил прежнее название, так как кафе Фанкони претотлично зарекомендовало себя. Известность его была настолько широкой, что оно попало даже в одно из произведений одесского городского фольклора — песенку о некоем маркере, «о чей хребет сломали кий в кафе Фанкони». К услугам посетителей тут были несколько залов, летняя веранда, бильярдная, так называемый дамский салон, предлагали русские и иностранные газеты и журналы.

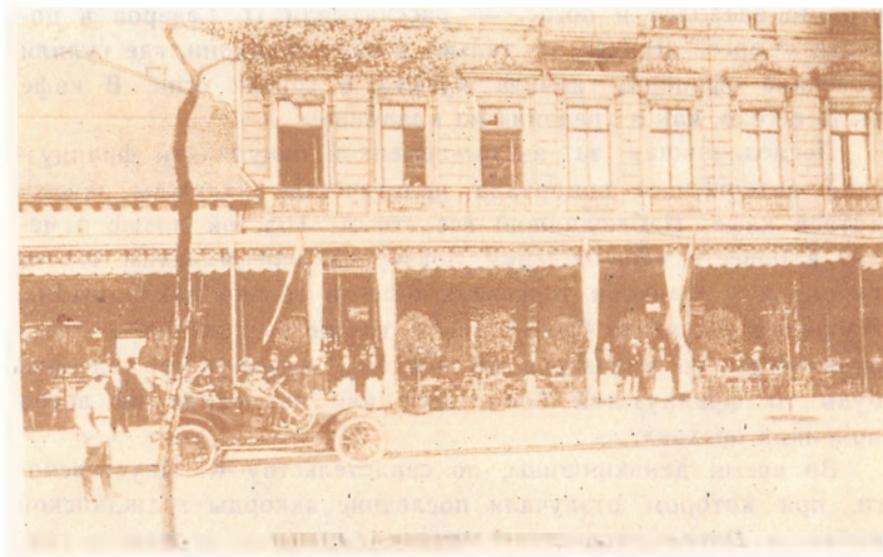
«Это кафе, где пьют кофе, едят мороженое и заключают сделки», — пояснил Шолом-Алейхем в романе «Менахем-Мендл». Расположенное в центре города, в гуще коммер-

ческой жизни кафе превратили в свою «штаб-квартиру» биржевые игроки мелкого пошиба, маклеры, «бурженники и лапетутники, — как не без юмора отметил А. И. Куприн в рассказе «Белая акация», — две загадочные профессии, известные только в Одессе». По словам писателя П. Павленко, который в конце 1920-х годов жил некоторое время в Одессе и напечатал здесь цикл фельетонов под псевдонимом Суфи, «у Фанкони... разорялись, обогащались и размножались биржевики и маклеры, как пчелы в сотах»¹. Но потом казавшийся вечным цикл «чашка кофе — купля — легкий скандал — порция мороженого — мелкий обман — продажа — чашка кофе и все сначала» нарушили, а саму жизнь кафе подчинили себе грянувшие события.

В марте 1917 года, как будет вспоминать Л. Утесов в книге «С песней по жизни», «в одном из наиболее популярных тогда кафе, «Робина» (автора подвела память: описываемое происходило в кафе Фанкони. — Р. А.) был устроен... «оригинальный» аукцион, на котором я продавал оковы Котовского, как бы символ старого мира, для сбора денег на подарки солдатам Временного правительства». Одесситка, купившая ручные кандалы в кафе Фанкони, в 1925 году, когда хоронили Котовского, испросила разрешения возложить их на гроб комбрига.

Незадолго до январского восстания, к концу 1917 года, когда барометр политических событий уже устойчиво показывал бурю, кафе Фанкони затихло. К этому времени относится описание кафе в романе Валентина Катаева «Зимний ветер»: «Петя толкнул вращающуюся дверь и... очутился в знаменитом кафе. Петя был разочарован. Вместо шика и блеска он увидел почти пустой, запущенный зал с диванчиками, столиками и дубовыми панелями, до бесконечности умноженными большими стенными зеркалами...».

В период австро-немецкой оккупации в 1918 году «город...

ОДЕССА. Екатерининская
ул. подпирская фашюли.

угрюмо затаился и погас, — рассказывал П. Северов в повести «Сергей Линде», — только в кафе Фанкони, где гуляли немецкие офицеры, гремела музыка и горели огни. В кафе было весело, как в праздник на кладбище».

Последовавшая за австро-немецкой оккупацией французская интервенция подорвала политические надежды завсегдатаев кафе. Наблюдавший все это А. Толстой позже отметит в повести «Похождения Невзорова, или Ибикус», что «в городе и у Фанкони торговали одними только накладными... На лицах у дельцов было одно и то же выражение — смесь окончательного недоверия ко всякому жизненному явлению, будь то французский броненосец или накладная на вагон волоцких орехов».

Во время деникинщины, по свидетельству К. Паустовского, при котором отзвучали последние аккорды гражданской войны в Одессе, «одесские мелкие биржевые игроки и спекулянты, так называемые «лапетутники», ступевались перед нашествием наглых и жестоких спекулянтов, бежавших, как они сами злобно говорили, из «Совдепии». «Лапетутники только горько вздыхали, — кончилась патриархальная жизнь, когда у Фанкони целый месяц переходила из рук в руки... одна и та же затертая железнодорожная накладная на вагон лимонной кислоты в Архангельске», — писал он в повести «Начало неведомого века».

А вскоре кончилось и само кафе: в феврале 1920 года здесь открыли «Клуб военморов имени Шмидта», что и имел в виду В. Нарбут, когда в стихотворении «7 февраля 1920 года» писал о том, как «широким военморам у Фанкони артелью раздувают самовар»². Вслед за этим в помещении кафе был «культурный клуб моряков», а потом ресторан, именовавшийся по старинке «Кафе Фанкони».

После ресторана тут располагалась столовая, под стенами которой мельтешили «пикейные жилеты», благодаря Илье

Ильфу и Евгению Петрову давно ставшие фигурами совершенно нарицательными: «Это были странные и смешные в наше время люди. Почти все они были в белых пикейных жилетах и в соломенных шляпах канотье... Здесь... у столовой № 68, где раньше помещалось прославленное кафе «Флорида» (читай Фанкони. — Р. А.), собирались обломки дореволюционного коммерческого Черноморска: маклера, оставшиеся без своих контор, комиссионеры, увядшие по случаю отсутствия комиссий, хлебные агенты, выжившие из ума бухгалтера и другая шушера. Когда-то они собирались здесь для совершения сделок... Все, что бы ни происходило на свете, старики рассматривали как прелюдию к объявлению Черноморска вольным городом. Когда-то, лет сто назад, Черноморск был действительно вольным городом, и это было так весело и доходно, что легенда о «порто-франко» до сих пор еще бросала золотой блеск на светлый угол у кафе «Флорида».

Нужно сказать, что большинство фактов, деталей, ситуаций, обстоятельств и терминов в романах Ильфа и Петрова отнюдь не являются плодами авторского воображения. Это — самые что ни на есть реалии времени и места действия, в данном случае — Одессы. И идея «пикейных жилетов» о возрождении «порто-франко» имела под собой документальную основу, «перенесенную» соавторами из начала в конец 1920-х годов. Тогда в Одессе распространились слухи о якобы предстоящем возобновлении «порто-франко», столь вожделенного для «пикейных жилетов». Слухи эти были настолько упорными, что их пришлось официально опровергнуть. «Во избежание неправильного толкования происходящих в настоящее время суждений в межведомственном совещании комиссии НКПС по вопросу расширения одесского порта, повлекших за собой появление в некоторых газетах статей об устройстве в порту вольной гавани, — сообщили

одесские «Известия» летом 1921 года,— отдел портов.. считает необходимым в опровержение указанных сообщений поставить в известность о состоявшемся по сему вопросу постановлении совещания: признать, что в настоящее время нет оснований к устройству в одесском порту временной вольной гавани»³. Так, к сожалению, «лопнула» мечта «пикейных жилетов», нежно взлелеянная ими под стенами кафе Фанкони, превратившегося в заурядную нарпитовскую столовую...

Столовую опять сменил ресторан, который в обиходе продолжали именовать по-старому. «Нашей небольшой группе литературных юнцов было... по душе «Фанкони», где можно было занять отдельную «кабину», и где метрдотель относился к нашим еженедельным встречам подчеркнуто благосклонно. Мы, в большинстве своем студенты одесских рабфаков и вузов... просиживали до часу ночи каждое воскресенье, читая вслух рифмованную продукцию, произведенную за неделю», — писал поэт, в ту пору студент сельскохозяйственного института, Савва Головановский в воспоминаниях о Бабеле «Знаменитый одессит».

Встречи молодых литераторов в кафе Фанкони можно, в некоторой степени, считать продолжением традиции: и в старом кафе бывали местные и приезжие литераторы. «Здесь сияли светлые глаза Бунина», — отметили в фельетоне «Одесса» братья Тур⁴. По словам В. Каменского, он с В. Маяковским и Д. Бурлюком заходил сюда в 1914 году. Посещали популярное кафе и люди театра, что подтверждает в книге «Былое перед глазами» актер, впоследствии театральный деятель И. Нежный: «Было в Одессе кафе «Фанкони», где собирались актеры, антрепренеры, администраторы, владельцы театральных предприятий... Закушняк (известный эстрадный артист, мастер художественного чтения. — Р. А.) любил сидеть в окружении этого шумного, веселого, беспокойного люда». Заглядывал «к Фанкони» и тяготевший к ак-

терам и литераторам С. Уточкин, которого запомнил старейшина советской эстрады, конферансье А. Алексеев. «На веранде кафе Фанкони, расположенного на углу Екатерининской и Ланжероновской улиц, царит воскресное оживление, — писал он в книге воспоминаний «Серьезное и смешное», — за столиками, крытыми белоснежными скатертями, завтракают актеры одесских театров, музыканты, маклеры... За одним из столиков сидит погруженный в раздумья Сергей Исаевич...».

Кафе Фанкони было одной из тех черточек, которые создавали своеобразие старой Одессы, и в этом смысле безусловно достойно памяти.

СОВЕТСКОЙ АРМИИ, 23

В 1818 году на углу нынешних улиц Советской Армии и Садовой, фасадом, обращенным к Соборной площади, по проекту военного инженера И. И. Круга построили двухэтажное здание канцелярии коменданта, в просторечии называвшееся гауптвахтой.

Не столько из-за размеров или архитектурных достоинств, сколько из-за «серьезности» помещавшегося в нем учреждения, здание было одним из ориентиров в городе. Профессор К. П. Зеленецкий, к примеру, в «Записках о бомбардировании Одессы 10 апреля 1854 года» походя упоминает, что живет «неподалеку от гауптвахты»¹. В прямом своем назначении гауптвахта осталась в сцене ареста героя романа Я. Полонского «Дешевый город», причем тут зафиксировано и месторасположение ее: «А что, monsieur le colonel, могут они (друзья. — Р. А.) до этой гауптвахты проводить меня?»

— Да ведь это близехонько — на Соборной площади, — сказал полицмейстер»².

Эти и еще, пожалуй, одно-два упоминания в книгах дру-

гих авторов — единственный след в литературе, который оставило здание, «помнившее» А. С. Пушкина и простоявшее в самом центре города свыше шести десятилетий...

В конце 1886 года гауптвахту упразднили, через год городская Дума после продолжительных дебатов постановила продать вконец обветшавшее здание, а в феврале 1888 года его приобрел «под снос» арендатор хлебопекарной фирмы Либман, вознамерившийся открыть собственное «дело». Месяц спустя он представил в строительное отделение городской управы исполненный архитектором Э. Меснером проект пятиэтажного дома, вскоре построенного под наблюдением архитектора Моргульца.

На первом этаже нового дома, там, где ныне находится сберкасса, расположилось кафе с застекленной верандой со стороны Садовой улицы, двумя изящными фонарями на кронштейнах в виде женских фигур по обе стороны центрального входа с угла здания, изысканно отделанным залом и отдельными билльярдными комнатами. Как о своеобразной детали городского пейзажа, написал о нем Лев Славин в романе «Наследник»: «Мы прошли по Соборной площади, но не через центр, залитый светом, а по темной боковой аллее, меж мароньеров и акаций. На матовых стеклах кафе Либмана мелькали силуэты билльярдистов». Стены кафе видели А. И. Куприна, заглядывавшего сюда со своими одесскими друзьями. А по свидетельству уроженца Одессы писателя Е. Танка, в конце 1910-х годов тут нередко собирались начинающие художники и литераторы, среди которых был старший брат Ильи Ильфа, известный поклонникам новомодной живописи под псевдонимом Сандро Фазини, а также Эдуард Багрицкий, Борис Бобович...³

Посетители, естественно, лицезрели лишь «парадную» сторону заведения. Службы, кухня, пекарня, кондитерская, изготовлявшая в числе прочих лакомств так называемое алей-

ронатное печенье для больных сахарным диабетом, были «упрятаны» во внутренние помещения, окна которых глядели в сумрачный двор-колодец. А под самой крышей располагались помещения для рабочих, которые не выдерживали никакой критики. Показательно в этом плане заключение комиссии санитарного надзора, обследовавшей кафе недели через две после его открытия: «Особого помещения для рабочих не имеется. Указанное Либманом помещение для рабочих находится на 6 этаже (на чердаке), куда ведет лестница из 142 ступеней, и состоит всего из 2-х комнат, плохо освещенных, крайне тесных и ни в каком случае не могущих в санитарном отношении удовлетворить потребность 28 душ рабочих»⁴.

А со стороны улицы перед прохожими предстал вполне респектабельный дом, снизу доверху декорированный лепниной, скульптурами, вазами и медальонами с назойливо повторяющейся монограммой владельца «Л». Фасады многих доходных домов, построенных во второй половине прошлого века, отличаются обильным декором, но именно этот дом почему-то облюбовали... скворцы и занимательное это зрелище не могло не привлекать внимания.

«Сделав опасную переправу через морскую равнину, скворцы отдыхают... в определенном, излюбленном из года в год месте. Одно такое место мне пришлось... видеть в Одессе, весной. Это дом на углу Преображенской улицы и Соборной площади... Был этот дом тогда совсем черен и точно весь шевелился от великого множества скворцов, обсевших его повсюду: на крыше, на балконах, карнизах, подоконниках, наличниках, оконных козырьках и лепных украшениях... Сколько там было оглушительного крика, писка, свиста, трескотни, шebetанья и всяческой скворчиной суety...», — писал А. И. Куприн в рассказе «Скворцы» в 1916 году.

А через много лет, когда во французском своем далеке

И. А. Бунин будет с ностальгической скрупулезностью описывать московские гостиницы, подворье в Ельце, ялтинские дачи, вокзал в Севастополе, он вспомнит и опишет в рассказе «Галя Ганская» «пятиэтажный угловой дом, где была... кофейня, — на углу Преображенской и Соборной площади, знаменитый тем, что весной, в солнечные дни, он почему-то всегда бывал унизан по карнизам скворцами и их щебетом...». «Мило и весело это было чрезвычайно», — заключает Бунин это давнее воспоминание.

Не обошел своим вниманием шумную приметку давней одесской весны и Валентин Катаев, но «перекрестил» в романе «Хуторок в степи» скворцов в грачей, что, впрочем, вполне простительно для автора, отделенного от описываемых событий более чем четырьмя десятилетиями: «Это был действительно прекрасный день, один из тех мартовских дней, когда снега уже нет, земля черна, над голыми прутьями приморских садов сквозь тучи просвечивает водянистая голубизна... В булочных пекли жаворонки с подгоревшими изюмными глазками, и на Соборной площади, над громадным угловым домом, над кафе Либмана... летали тучи грачей, своим весенним гомоном заглушая шум города».

В написанных на склоне лет мемуарах «Все, что память сберечь мне старается» Исидор Бобович утверждал, что «каждая из одесских кофеен имела свою историю»⁵. Не составило в этом смысле исключение и кафе в доме, который был когда-то своего рода «орнитологической достопримечательностью» города.

ФРУКТОВЫЙ ПАССАЖ

Рассказывая о жизни Одессы времен своей юности, о многих ее аспектах и проявлениях, Л. Утесов в книге «Спасибо, сердце» не прошел мимо такого своеобразного и ко-

лоритного зрелища, как базары. «Базаров было несколько: Старый, Новый, Привоз», — перечислял он. Короткий этот перечень можно и продолжить. Был еще, к примеру, возникший в самом начале прошлого века на месте нынешней площади Мартыновского Греческий базар, который Эдуард Багрицкий в стихотворении «Одесса» вполне справедливо связывает с пушкинской порой:

*На Греческой площади рынок шумел,
Горели над городом зори,
Дымились кофейни, и Пушкин смотрел
На свежее сизое море.*

Позже там, где сегодня сквер имени Кирова, возник Старый базар. Тут в 1830-х годах по проекту архитектора Г. И. Торичелли соорудили, как ныне сказали бы, торговый центр: по диагоналям его располагались четыре павильона, а в центре — просторный главный корпус с лоджиями, аркадами и башней с часами. Эта квадратная в плане башня — единственная из всего ансамбля Старого базара «дожила» до послевоенного времени и неожиданно разрушилась в 1958 году.

Греческий и Старый базары были «нанизаны» на нить Александровского (ныне — Мира) проспекта, который заканчивался обширной Привозной площадью. Поначалу она использовалась лишь для складирования привезенных товаров, а позже половина площади превратилась в рынок для оптовой, а со временем и розничной торговли — рынок «Привоз», не без перипетий сохранивший свое название и сегодня.

В 1913 году по проекту архитектора Ф. П. Нестурха на «Приводе» построили специальный Фруктовый пассаж, состоящий из четырех двухэтажных корпусов, соединенных арками с коваными воротами, на столбах которых установлены

литые чугунные вазы с фруктами. Корпуса расположены парно двумя рядами, между которыми длинный и достаточно широкий двор, в отличие от классического пассажа не перекрытый остекленной кровлей. Под каждым корпусом во всю его длину устроены подвалы, а на первых этажах — анфилада из десяти торговых помещений, в настоящее время значительно перестроенных. В годы строительства и много позже Фруктовый пассаж был самым значительным сооружением «Привоza».

А вокруг пассажа толпились лотки, будки, рундуки, лавки. В одну из них Исаак Бабель «привел» старого биндюжника Грача из рассказа «Отец», наивно вознамерившегося было выдать дочь за сына богатого бакалейщика: «Грач выслушал до конца свою дочь, он надел парусовую бурку и на следующий день отправился в гости к бакалейщику Каплуна на Привозную площадь. Над лавкой Каплуна блестела золотая вывеска. Это была первая лавка на Привозной площади. В ней пахло многими морями и прекрасными жизнями, неизвестными нам... Хозяйский сын стоял за стойкой; на стойке этой были поставлены маслины, пришедшие из Греции, марсельское масло, кофе в зернах, лиссабонская малага, сардины фирмы «Филипп и Кано» и кайенский перец».

Детские свои впечатления даже не от самого «Привоza», а лишь от разговоров о нем, воспроизводит Лев Славин в «Предвестии истины»: «Вайль подмигнул мне. Мы дружили.. Он держал на Привозе рундук. Я не знал, что такое «рундук». Мне казалось, что это, вероятно, нечто вроде сундука, набитого всякой всячиной. Должно быть, воображал я, раскрытый рундук стоит на обочине тротуара, и тощий... Саша Вайль и его толстая низенькая жена Настя торгуют поношенным платьем и надтреснутой посудой».

На рынке же лирический герой стихотворения Багрицкого «Встреча» сталкивается с неутомимым весельчаком Лам-

ме Гудзаком, верным спутником так любимого поэтом мужественного Тиля Уленшпигеля:

*И в этот день в Одессе на базаре
Я заблудился в грудах помидоров,
Я средь арбузов не нашел дороги,
Черешчи завели меня в тупик...
...Оглядываюсь — это он, конечно,
Мой старый друг, мой Ламме, мой товарищ,
Он здесь, он выведет меня отсюда
К моим давно потерянным друзьям!
...Мы переходим рыночную площадь,
Мы огибаем рыбные ряды...*

Как утверждал Валентин Катаев в повести «Белеет парус одинокий», «из всех торговок Привоза наиболее резкими, крикливыми голосами славилась торговка рыбного ряда». Кстати, в связи с прямо-таки оскудением моря страницы повести, посвященные рыбному ряду одесского рынка «Привоз» начала века, представляются уже не только классическим описанием рыбных богатств, но популярным и, увы, ретроспективным экскурсом в ихтиологию Северного Причерноморья:

- «— Раки! Раки! Раки! Раки!
- Камбала! Камбала! Камбала!
- Скумбрия живая! Скумбрия, скумбрия!
- Барбунька! Барбунька!
- Мидии! Мидии! Мидии! Мидии! Мидии!
- Бычки! Бычки! Бычки!».

И среди этой гомонящей толпы, кричащих торговок, привередливых покупательниц, красоты и совершенства даров Черного моря разыгрывается драма нищего рыбацкого внука Гаврика. Дедушка послал его на «Привоз» с очередным уловом, который он должен отдать матерой рыночной торговке мадам Стороженко, чтобы выручить жалкие гроши, так нужные им сегодня для покупки хлеба для себя и мяса для

наживки: «— Для ровного счета две с половиной сотни,— сказала торговка, закрывая корзинку рогожкой. — Забирай садок. До свидания. Скажешь деду, что с него еще остается восемьдесят копеек. Чтобы помнил... — Мальчик остолбенел. Он хотел что-то сказать, но горло сжалось. А торговка уже кричала, не обращая на него ни малейшего внимания: — Камбала, камбала, камбала! Бычки, бычки, бычки!».

То были его первые уроки классового сознания, преподнесенные ему миром торгашей жарким одесским летом 1905 года, вскоре после потемкинских событий. И Гаврик вспомнит об этом в ночь победного январского восстания 1918 года, проезжая в только что реквизированном штабном автомобиле мимо «Привоза». «...Автомобиль проехал вдоль пустынного в этот поздний час... базара, мимо крытых павильонов мясников, мимо рыбных рядов, даже и сейчас на всю площадь воняющих рыбой, — пишет Катаев в романе «Зимний ветер». — Гаврик... засмеялся. Именно здесь он когда-то продавал бычки мадам Стороженко».

На «Привоз» периода гражданской войны переносит читателя повесть Л. Ленского «Школа ненависти»: «За пустующим зданием Фруктового пассажа беспорядочные ряды крестьянских подвод. С раннего утра мы с Таней блуждаем по базару. У Тани в руках корзина для провизии. На дне корзины сложены пачки листовок... и мы должны распространить их среди приехавших на базар крестьян.. На повозке, рядом с кувшинами с молоком, солидно восседает пожилой крестьянин... Крестьянин всецело поглощен слишком требовательной покупательницей. Я только этого и ждал. Осмотревшись по сторонам, незаметно вынимаю из корзины пачку листовок и быстро засовываю их под сено».

После гражданской войны, с введением новой экономической политики, «Привоз», являвшийся, как и любой рынок, своего рода барометром экономического положения, по-

степенно приобретал пестрые черты изобилия, яркости, многообразия. А живописные дары южной природы, колоритный говор, экспансивные манеры равно продавцов и покупателей, все это, не всегда отмечаемое привычным ухом и глазом одессита, было и остается привлекательным для всех приезжих.

Легко и весело вспоминалось Сергею Бондарину знакомство с молодыми, как и он тогда, комсомольскими поэтами: «Первый приезд в Одессу Михаила Светлова и Михаила Голдного для одесской литературной молодежи стал праздничным событием. Обоих уже знали и любили... Мы старались не расставаться. Москвичей в Одессе многое интересовало: одесский Привоз — базар, рынок, на который съезжались крестьяне пригородных районов. Новая экономическая политика Советской власти, замена продрозверстки продналогом к тому времени давали свои ощутимые плоды. Базары приобретали утраченный было вид... Веселый шум, певучий украинский говор, бойкие базарные выкрики». Автор рассказа «Воспоминания не безмолвны» свободно оперирует такими понятиями, как продрозверстка, продналог, новая экономическая политика, которые ему были знакомы в первую очередь не из газет или плакатов ЮгРОСТА: в 1922 году Бондарин не раз уезжал из своего дома на Новосельской, 67, кв. 16 в далекие и небезопасные поездки, состоя помощником, а потом и комендантом маршрутных продовольственных поездов Опродкомгуба. Да и крестьянские дела он знал, что называется, из первых рук, так как служил одно время в Губземотделе землемером-практикантом. Характерно, что, сообщая эти сведения о себе в анкете 1922 года, на обязательный тогда вопрос «состоите или состояли ли членом политической или общественной организации» он ответил: «Состою членом Всеукраинского союза писателей и поэтов»¹.

Десятилетия, пролетевшие со времени описанных событий,

не могли, естественно, не изменить и старый рынок. Реконструируются прилегающие к нему улицы, сносятся ветхие дома, памятные многим и «видевшие» многое. О грусти расставания со старым домом написал в стихотворении «Баллада о покидаемом доме» Всеволод Азаров:

*Приземистый дом за Привозом,
Созсем неказистый на вид,
Испытан жарой и морозом,
Сто лет или больше стоит...
...Был к сносу их дом предназначен,
Уже накрененный слегка.
Жильцы, разъезжаясь, не плачут,
Хоть жалко, видать, старика.
Звучит коридорами эхо
От шорохов прожитых дней...*

Помолодел и «Привоз»: добротные каменные корпуса, легкие металлические навесы, четкого рисунка решетка ограды... И в этот новый рынок вполне вписывается отреставрированный Фруктовый пассаж — пример того, как старая архитектура может уживаться с нынешней, только подчеркивая достоинства каждой.

НОВЫЙ БАЗАР

В «Записных книжках» Ильи Ильфа осталась придуманная им пародийная фамилия Крытых-Рынков. Не отзвук ли это давних одесских воспоминаний: ведь на расстоянии трех кварталов от его дома на Торговой улице и находились крытые рынки, другими словами, Новый базар.

Собственно Новый базар возник еще в первой четверти прошлого века, а в начале 1840-х годов на так называвшейся Новобазарной площади по проекту архитектора И. С. Козлова построили двухэтажные торговые здания с открытыми галереями.

В центре площади стояла возведенная еще в начале 1840-х годов по проекту знаменитого Г. Торичелли пятикупольная Сретенская церковь, памятная тем, что в ней 23 сентября 1898 года Иван Бунин сочетался с девятнадцатилетней красавицей Аней, дочерью редактора газеты «Южное обозрение» Н. П. Цакни. Был Николай Петрович человеком интересным. Политический ссыльный, он бежал когда-то за границу, обосновался в Париже, познакомился там с И. С. Тургеневым и по его протекции первым перевел на русский язык роман Г. Мопассана «Жизнь». В 1900 году на заседании одесского литературно-художественного общества Цакни выступил с воспоминаниями о Тургеневе, которые, к сожалению, не опубликовал.

Жил Н. П. Цакни недалеко от Нового базара, на Херсонской (ныне — Пастера) улице, 44, квартира 17, где и посе-

лился И. А. Бунин с молодой женой. Брак оказался неудачным, и впоследствии А. Н. Цакни вышла замуж за А. М. Дерibasа, но горечь давней обиды осталась на всю ее жизнь.

К разочарованию литературоведов она никогда не рассказывала о Бунине, в отличие, скажем, от первой жены А. И. Куприна — М. К. Куприной-Иорданской, которая написала о нем интересные и правдивые воспоминания «Годы молодости».

В 1896 году на Новом базаре по проекту архитектора А. Д. Тодорова построили корпуса крытых рынков с высокими торговыми залами, перекрытыми стеклянной кровлей по металлическим фермам. В начале нынешнего столетия панораму Нового базара запечатлел писатель и ученый-виноградарь А. А. Кипен, которого скуповатый на комплименты Эдуард Багрицкий назвал когда-то «чудесным стариком»¹. «...Площадь Нового базара была видна как на ладони. Слева мрачно осели тяжелые... корпуса крытых рынков, от которых с одной стороны тянулись по площади грязные деревянные лари обжорки. С правой стороны, рядом с большим зданием городской хлебопекарни, стояли низкие размокшие постройки с мутными пятнистыми стенами... В этих мрачных постройках помещались мелочные лавки, мучной лабаз, трактиры и чайные... Много лавок уже было разбито, из них выбрасывались на грязную мостовую куски всевозможных материй, коробки, ящики, разбитые бочонки и много битой посуды», — писал Кипен в книге «В октябре», имея в виду бесчинства громил и черносотенцев во время событий 1905 года в Одессе².

Не обошли Новый базар и события 1917 года... 10 мая 1917 года в Городском театре открылся первый съезд Румчерода, последующие заседания которого проводились в одном из корпусов крытых рынков. На съезде от имени большевиков Одессы выступил А. К. Воронский — впоследствии

писатель, литературный критик, редактор журнала «Красная новь». В числе делегатов съезда был сочувствующий революции фронтовик С. Панасенко, известный в истории украинской советской литературы под псевдонимом Степан Васильченко. Воронский и Панасенко вскоре заняли видное место в рядах творцов новой, советской литературы.

Больше всего «повезло» Новому базару в литературе, повествующей о начале 1920-х годов. Т. Лишина в воспоминаниях «Так начинают жить стихом» писала о том, как с Эдуардом Багрицким, Сергеем Бондариним, Ильей Ильфом «шли на Новый базар... и ели до отвала пышные оладьи из картофельной шелухи», — горестная примета голодного 1920 года. «Осенью голод в Одессе достиг невиданных размеров», — свидетельствует в книге «Театр моей юности» В. Галицкий и вспоминает, как «в крытом Новом базаре, большом каменном здании с металлическими арочными сводами и стеклянной крышей с утра до вечера толкались люди, расхваливая свой товар с чисто одесской выдумкой. Запомнился военнопленный серб в зеленой шинели, закутанный в грязный башлык. Он продавал кремни для зажигалок и пел козлиным тенором что-то вроде:

*Камень жигалок,
И самый лючий,
И самый крепкий,
И самый толстый,
Самый кароший...»*

Человек этот, по-видимому, был колоритнейшей фигурой даже для тогдашней Одессы, где собралось множество разнообразного народу со всей России. Запомнился он и Константину Паустовскому, который называет его французским матросом, отставшим от военного корабля:

«...В синей грязной шинели, в берете с алым помпоном, в рваном фиолетовом кашне, он молча бежал... и вдруг не-

ожиданно, совершенно внезапно кричал, не останавливаясь, пронзительным фальцетом, слышным за несколько кварталов: «— Сами лучши! Сами крепки! Сами вечный!» Он никогда не называл свой товар... С ближайшего поста навстречу матросу торопливо шел милиционер... Увидев милиционера, матрос наконец выкрикивал свой товар: «— Сами лучши камешка! Для зажигалка! Сами длинный! Для зажигалка!».

Паустовский посвятил Новому базару главу повести «Время больших ожиданий»: «Патетический язык почти забыт... Но каким же языком изобразить этот базар нам, отвыкшим от приподнятых слов?.. Как передать множество завываний, возгласов, жалоб, истерик, проклятий и ругани, смешанных в слитый гул, внезапно прерываемый свистком милиционера?» Вопросы эти, впрочем, не более, чем прием, литературный прием: мастер прозы и знаток языка, Паустовский документальной звукозаписью монтирует «фонограмму» Нового базара той поры. И, надо отдать ему должное, он сумел увидеть там хороших людей «с изломанной, пустой жизнью, но здесь они казались образцами человечности».

Но рядом с ними мельтешили воры, спекулянты, налетчики, бандиты, скупщики краденого и К. Паустовский завершает главу пожеланием: «Что вы хотели, молодой человек», — спрашивали меня каждый раз на одесском базаре. Что я хотел? Я хотел одного: чтобы это капище нищеты и грязи было сожжено, развеяно по ветру. В конце концов так и случилось».

Новый базар, конечно, никто не сжигал. Его попросту передали в ведение памятного одесским старежилам Церабкоопа, сиречь Центрального рабочего кооператива, в магазинах которого висели таблички, на которых вместо начертанной сегодня пространной цитаты из Сервантеса о вежливости было написано лаконично и категорически: «На вежливый вопрос — вежливый ответ!» Это было в начале 1928 го-

Одесса.—Odessa. № 31.
Ново-базарная площадь.—Le marché.

да, когда над воротами Нового базара появилась сияющая золотыми буквами вывеска «Крытый рынок Церабкоопа», о чем местные «Вечерние известия» сообщили в статье с темпераментным названием «Ликуй, домохозяйка»³.

До этого Новый базар оказался связанным с революционным искусством — в 1921 году корпуса крытых рынков превратили в манеж дислоцированной в Одессе 51-й, впоследствии Перекопской, дивизии, в котором политотдел дивизии устраивал собрания, митинги, концерты. Здесь ставили сцены из «Фауста» и «Пиковой дамы». Танцевали балерины Городского театра, именовавшегося тогда Держоперой. Боролся, как его представляли газеты, «чемпион мира т. Поддубный». Смешил публику известный на Юге куплетист Л. М. Зингерталь, впоследствии описанный Валентином Катаевым в романе «Хуторок в степи».

С июля по ноябрь 1921 года, по закрытии манежа, восхищали зрителей «воздушными полетами» акробаты Арман и Цереп, которые потом станут преподавателями пластики в созданной кинорежиссерами Г. Козинцевым и одесситом по происхождению Л. Траубергом в Ленинграде школе «ФЭКС», что расшифровывалось как «Фабрика эксцентрического искусства».

Однажды на представлении, в котором участвовали Арман и Цереп, побывал Эдуард Багрицкий. «Летом 1921 года мы с ним попали на воздушные полеты каких-то цирковых «чертей», — писал Марк Тарловский в воспоминаниях «Багрицкий и животный мир», представление происходило в одном из громадных корпусов одесского крытого рынка... Мы сидели в Эдуардом почти под самой трапецией, которая была не единственной под волнистой крышей громадного рынка. Этих трапеций было подвешено штук пять на большом протяжении, и отчаянные люди в черных трико перепархивали, как Эдины птицы, с одной трапеции на другую. Эдя смот-

рел на них горящими глазами и шептал: «О них надо написать стихи. Я непременно напишу о них стихи!».

Стихи Багрицкий не написал, но через три года в романе-сказке страстного любителя цирка Юрия Олеши «Три толстяка» появится капитан Цереп: «Гвардеец говорил железным голосом: — Я начальник караула, капитан Цереп».

...Так вошел в литературу старинный одесский базар, вот уже более полутора столетий упорно именуемый Новым.

ИППОДРОМ

Центральным сооружением открытого еще в 1890 году ипподрома Новороссийского Общества поощрения коннозаводства на 4-й станции Большого Фонтана был так называемый «павильон скачек» — специально построенное здание оригинальной конструкции с площадкой для оркестра, открытыми ложами и трибунами для зрителей. Высокий шпиль, легкие навесы, тонкие колонны, тенты, арки — все это сообщало павильону «воздушность», которая как нельзя больше соответствовала стремительности регулярно устраиваемых тут бегов и скачек, но, как оказалось, еще больше — полетам самолетов, которых в начале века именовали не иначе, как аэропланами.

«Показался деревянный павильон ипподрома. Пыль над ипподромом стояла желтым пламенем. Весь его огромный овал был окантован ленточкой зрителей... В павильоне заиграл оркестр... Из-под аэроплана... отделился клуб дыма, и аппарат побежал вдоль лужайки. Его увидели в потрясающем положении: его увидели на фоне небесного свода. Он взлетал все выше, описывая спираль. Теперь он обнаружил

свои птичьи формы», — с восторгом, который не погасило время, описывал впечатления от одного из первых полетов на ипподроме Сергей Бондарин в «Повести для моего сына».

А 8 марта 1910 года и вовсе осталось в истории отечественной авиации: в этот день с одесского ипподрома ушел в небо Михаил Ефимов на аэроплане «Фарман-4», снабженном мотором «Гном» мощностью в 50 лошадиных сил. Это был первый в России полет русского летчика, который только месяц с небольшим назад получил во Франции диплом пилота-авиатора. «К пяти часам дня ипподром представлял собой живописное зрелище. Центральные трибуны и ложи заняли люди побогаче, до отказа забиты дешевые места. Внизу, вокруг беговой дорожки, разместились ученики технических училищ, кадеты и юнкера... Все пространство за оградой, где только можно стоять, заполнили безбилетные зрители», — писали об этом дне биографы Ефимова Е. Королева и В. Рудник в книге «Соперники орлов» шесть десятилетий спустя, когда уже значение свершившегося тогда события было, можно сказать, налицо.

Но и на следующий день после эпохального полета репортер «Одесских новостей» взял на себя смелость утверждать, что «на беговом поле вчера произошло нечто такое, о чем присутствующие на нем когда-нибудь будут рассказывать своим внукам. Они расскажут им, что своими собственными глазами видели то, что еще недавно считали сказкой из «1001 ночи», «жюльверниадой», фантазией весьма немногих мечтателей-чудаков...»¹. После полета М. Ефимова созданный двумя годами раньше одесский аэроклуб решил установить в его честь почетную мраморную доску с надписью: «Одесса. 8 марта 1910 года. Пилот-авиатор Михаил Никифорович Ефимов, первый русский, совершил официальный полет на аэроплане в России»².

Тот год был «урожайным» на премьеры для одесского аэроклуба, что, впрочем, и не удивительно, — авиация только расправляла крылья, и буквально каждый день приносил что-нибудь да новое.

Не пройдет и месяца после триумфального полета Ефимова, как с ипподрома стартовал аэроплан, пилотируемый легендарным велогонщиком и воздухоплавателем Сергеем Уточкинским. «31 марта в Одессе на беговом ипподроме состоялся экзаменационный полет Уточкина на звание пилота-авиатора», — сообщил уже выходявший в России специальный журнал «Библиотека воздухоплавания»³. По предложению комиссии, Уточкин выполнил тогда так называемую «восьмерку», крутые развороты и другие «условия подъема, полета и спуска», а на следующий день получил грамоту на звание пилота-авиатора, первую, выданную одесским аэроклубом.

Семь месяцев спустя на ипподроме состоялась еще одна, правда, несколько иного рода, премьера: на аэроплане впервые поднялся литератор: неутомимый А. И. Куприн, который годом ранее совершил с Уточкинским полет на воздушном шаре, полетел пассажиром со своим другом, в недавнем прошлом борцом, а потом авиатором Иваном Заикиным. Среди зрителей на ипподроме оказался тогда, 12 ноября 1910 года, тринадцатилетний Валентин Катаев, на всю жизнь запомнивший мгновение, когда «аэроплан побежит вперед, оторвется от земли и достигнет рекордной высоты в триста метров, навеки прославив покорителей воздушной стихии и силы земного притяжения, великого борца среднего веса Ивана Заикина и знаменитого писателя Куприна», — как он напишет потом в книге «Разбитая жизнь, или Волшебный рог Оберона».

Этот полет мог обернуться трагедией и для российского спорта, и для литературы: аэроплан потерпел аварию, но бла-

годаря мастерству и выдержке Заикина пилот и пассажир совершенно не пострадали, но аэроплан был разрушен полностью. Кстати, И. Заикин, может быть, одним из первых совершил тогда то, о чем сегодня в подобных случаях пишут как о примере величайшего мужества и благородства. Предвидя падение, он в ставшей критической ситуации начал отворачивать аэроплан от переполненного зрителями поля ипподрома в сторону кладбища и упал, не причинив никому вреда. Но машина, как уже говорилось, была погублена, что и вызвало нарекания ее владельцев, одесских богачей Пташниковых, которые обвинили в аварии пилота.

Обстоятельства этого полета А. И. Куприн изложит спустя два месяца в очерке «Мой полет», появившемся в петербургском «Синем журнале»: «Было очень холодно, и дул норд-вест. Для облегчения веса мне пришлось снять пальто и заменить его газетной бумагой, вроде манишки... Я чувствую, как аппарат, точно живой, поднимается на несколько метров над землей и опять падает на землю и катится по ней и опять поднимается... Встречный воздух подымает нас, точно систему игрушечного змея. Мне кажется, что мы не двигаемся, а под нами бегут назад трибуны, каменные стены, зеленеющие поля, деревья, фабричные трубы», — опишет он начало полета, а потом подробно расскажет об аварии, не только отмечая полнейшую невиновность Заикина, но, больше того, принимая всю вину за случившееся на себя.

Об этом же Куприн со всей категоричностью будет утверждать в письме, написанном, по-видимому, тотчас после неудавшегося полета, так как оно успело появиться в завтрашнем номере «Одесских новостей»: «Милостивый государь господин редактор! Несомненно, что виною падения И. М. Заикина вместе с аэропланом и мною — был только я, нижеподписавшийся. Год тому назад во время одного

из осенних полетов, когда Заикину впервые пришла мысль летать, он тут же на ипподроме дал мне обещание поднять меня одним из первых. Сегодня, несмотря на мой — правда, слабый — протест, он сдержал свое обещание. Вряд ли он поверил моим словам, что во мне около 6 пудов, если не с лишним. Но 13 с половиною пудов, при довольно сильном ветре вверху, оказались для аппарата чрезмерным грузом. Искренне благодарю И. М. Заикина за многое: за спасение нескольких человеческих жизней (падение во всяком случае было неизбежно), за его находчивость, хладнокровие, смелость, наконец и за мое собственное существование, которым я всецело обязан ему... Я же утверждаю, что И. М. Заикин сделал все возможное сначала для того, чтобы не задеть людей, а затем, чтобы спасти аппарат. Прошу, милостивый государь господин редактор, поместить это письмо. Его цель — благодарность И. М. Заикину и ограждение имени этого чудесного авиатора от сплетен. А. Куприн⁴.

«Двойное» заступничество известного писателя мало чем помогло И. Заикину — полет оказался для него роковым, и он вынужден был вернуться к цирковой борьбе. Но на всю жизнь сохранил он признательность, дружбу и переписку с А. И. Куприным...

А потом повзрослевшая авиация, казалось, навсегда перебралась на настоящие аэродромы. Но осенью 1941 года небо над ипподромом наполнилось на этот раз не комариным пением хрупких «Фарманов», «Блерио», «Ньюпоров», а мощным гулом боевых самолетов «И-16» и «Ил-12» — неподалеку соорудили полевой аэродром 69-го истребительного авиационного полка майора Л. Шестакова, защищавшего небо осажденной Одессы. Памятник героическим «шестаковцам», как их называли в городе, установлен ныне неподалеку от старого, вступившего во второе столетие, ипподрома.

А павильон скачек сгорел еще в 1918 году и тогда же, вероятно, была утрачена доска, посвященная полету М. Ефимова.

Но в 1972 году на ипподроме установили новую мемориальную доску, которая должна помочь нам увидеть сквозь дымку времени, как написал в рассказе «Я смотрю в прошлое» Юрий Олеша, «зеленое поле, мураву первых полетов, освещенную молодым солнцем века, пустое, прекрасное поле, и толпу людей... бегущих среди ромашек навстречу большой тени, которая скользит им под ноги». Установлена мемориальная доска и на здании бывшего железнодорожного училища, что на площади Январского восстания, где учился будущий летчик... И улица Ефимова есть в Малиновском районе города. Памятные эти вехи в авиационно-космической истории Одессы: от Кибальчича до Ефимова, Заикина, Уточкина и дальше — к Добровольскому, Глушкову, Королеву...

СТАДИОН

Лет за десять до войны в парке имени Т. Г. Шевченко еще можно было увидеть два... Черных моря: одно синело за скалами Ланжерона, а другое располагалось на месте нынешнего Зеленого театра. О происхождении этого «второго» Черного моря рассказал Валентин Катаев в воспоминаниях об Эдуарде Багрицком «Встреча»: «...Отцы города с педагогической целью ознакомить население с отечественной географией придумали соорудить небольшой пруд в форме Черного моря. В точном соответствии с картой выкопали калошеобразную яму... Хрупкий бюджет муниципалитета... не выдержал дальнейших трат. Черное море так и осталось на вечные времена необлицованным и сухим...». Об этом же написал, вспоминая Багрицкого, и Юрий Оле-

ша в очерке «Личность и творчество»: «В... парке, в глухой его части, есть громадная котловина. На языке посетителей парка и жителей того района котловина эта называлась «Черное море». В ней играли в футбол».

Действительно, «Черное море» облюбовали когда-то юные любители новоявленного в России футбола, с завистью и интересом смотревшие, как играют англичане из «Одесского британского атлетического клуба», сокращенно именовавшегося ОБАК. Один из любителей, впоследствии всерьез и небезуспешно променявший мяч на перо, Александр Козачинский, отдавая дань детскому увлечению, спустя много лет напишет в повести «Зеленый фургон», что «Черным морем с незапамятных времен владела команда футболистов, которые именовали себя черноморцами. Черное море было чрезвычайно комфортабельным футбольным полем: окруженное пологими склонами, оно само возвращало игрокам мяч, который вылетал за его пределы. В команде черноморцев играли портовые парни, молодые рыбаки с Ланжерона и жители старой таможни. Они выходили на поле в полосатых матросских тельняшках...».

Катаев и Олеша не случайно связали в своих воспоминаниях «Черное море» с Багрицким. Не играя в футбол, он часами пропадал тут, встречаясь и «болея» за друзей. Более того, юный поэт написал даже «гимн черноморцев», несколько строк которого запомнил старинный приятель Багрицкого С. Березов:

*Походим мы на диких горцев,
Наряд незатейлив и прост.
Но важны для нас, черноморцев,
Отвага, осанка и рост...¹.*

Отсюда, с «Черного моря» ушли в большой футбол В. Зинкевич, Т. Коваль, В. Котов, М. Малхасов, И. Типикин... Здесь взошла звезда спортивного счастья Александра Злочевского,

неповторимого «Сашки Злота», кумира одесских болельщиков и героя множества легенд, вокруг которого непременно собирались разновозрастные любители футбола, когда он уже в преклонном возрасте появлялся на раскаленном песке Ланжерона...

Традиции «Черного моря» продолжил стадион, построенный там же, в парке по проекту архитекторов А. И. Дубинина, Н. М. Каневского и Р. А. Владимирской. И здесь футбольным полем служило дно огромной искусственной выемки, но, в отличие от «Черного моря», она была правильной эллиптической формы, а на склонах располагались трибуны для двадцати двух тысяч зрителей. Его торжественно открыли 18 мая 1936 года, а потом пять предвоенных лет, как отметила Вера Кетлинская в романе «Мужество», «вся неугомонная и любопытная Одесса сбегалась «болеть» на трибуны стадиона».

Воспоминанием о счастливой мирной жизни возникает стадион в рассказе Валентина Катаева «Отче наш», написанном после приезда в Одессу в 1944 году, когда ему рассказали одну печальную историю: молодая женщина с маленьким сыном, спасаясь от облавы, мечется по зимней оккупированной Одессе, забредает в парк и, не чувствуя ног от усталости, присаживается на скамейку, а утром их находят замерзшими. Проходя мимо стадиона, она вспомнила, как однажды до войны с мужем и друзьями пошла «на футбольный матч Харьков—Одесса. Павловские болели за Одессу. Она с мужем болела за Харьков. Одесса выиграла. Боже мой, что делалось тогда на этом громадном, новом стадионе над морем. Крики, вопли, драка, пыль столбом. Они тогда даже чуть не поссорились. Но теперь об этом приятно было вспомнить».

...Одесса встретила освободителей 10 апреля 1944 года, а уже 28 мая открылся стадион. В послевоенные годы фут-

больные страсти вспыхнули, пожалуй, с еще большей силой. И снова, как о том написал Иван Рядченко в стихотворении «Болельщики»,

*Лишь гол — и что-то вдруг раздвинуло
За стадионном берега,
и море с гулом в чащу хлынуло
на оглушенного «врага»!*

...Кроме вставных эпизодов, отдельных описаний, попросту упоминаний в прозе и поэзии, стадиону целиком посвящено одно литературное произведение: рассказ «Стадион в Одессе», впервые напечатанный 2 июня 1936 года в газете «Вечерняя Москва». «Стадион над морем. Его не было, — свидетельствовал автор, — это новый стадион в Одессе. На фоне моря. Нельзя представить себе более чудесного зрелища... Зеленая площадка футбола... Он открывается внезапно — его овал, лестницы, каменные вазы на цоколях, — и первая мысль, которая появляется у вас после того, как мы восприняли это зрелище, это мысль о том, что мечты стали действительностью. Этот стадион так похож на мечту — и вместе с тем так реален... Этим видом можно любоваться часами. В сознании рождается чувство эпоса...».

Так написать о стадионе мог только человек, влюбленный в Одессу, нетерпеливо отыскивающий реальные черты будущего и трепетно всматривающийся в них, понимающий толк в футболе и в совершенстве владеющий литературным мастерством. И он был таким, наш земляк, в юности нападающий футбольной команды своей родной Ришельевской гимназии, талантливейший прозаик Юрий Олеша. «Могу сказать, что я видел зарю футбола», — признается уже на склоне лет Олеша в книге «Ни дня без строчки». Многие страницы этой книги посвящены милым для него воспоминаниям о начале футбола: «Я ни на что не хочу жаловаться! Я хочу только

вспомнить, как стоял Гриша Богемский в белой одежде «Спортинга» (спортивный клуб в Одессе. — Р. А.)... Уже помимо того, что он чемпион бега на сто метров, чемпион прыжков в высоту и прыжков с шестом, он еще на футбольном поле совершает то, что сделалось легендой». «Такой игры я впоследствии не видел», — утверждает Олеша, вспоминая действительно легендарного Григория Богемского, с которым имел счастье играть в гимназической команде. «Я играл вместе с Богемским, — сразу, как к давнему знакомому обратился ко мне Юрий Карлович, — вспоминал свою первую встречу с ним знаменитый в прошлом футболист Андрей Старостин, — при этом он уставился на меня своими серыми глазами, как бы фиксируя мою реакцию, верю я или не верю в то, что он действительно играл «с самим Богемским», да и вообще знаю ли я, кто такой Богемский»².

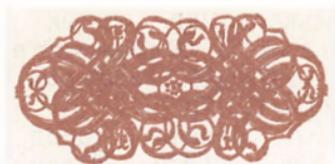
Олеша ревностно относился к этому, в сущности, небольшому эпизоду своей ранней юности. Лев Никулин вспоминал, как он полушутя-полусерьезно вспыхнул в ответ на показавшееся ему ироничным замечание о том, что он «играл за форварда», как называли тогда нападающего. «Да, в Одессе играли в футбол в то время, когда ваш папа играл в преферанс. И я играл за форварда. Старостин, скажите ему», — призывал Олеша в защитники непререкаемого во всем, что касалось футбола, подружившегося с ним мастера³.

Но если Старостин подтверждал «футбольное прошлое» Юрия Олеша лишь своим незыблемым авторитетом, то пером очевидца описал его Сергей Бондарин в воспоминаниях «Встречи со сверстником»: «В юности мы встречались на футбольной площадке. Маленький и шустрый гимназист Олеша играл за свою Ришельевскую гимназию в пятерке нападения, и я помню день его славы, когда в решающем матче на первенство гимназической лиги Олеша забил гол в

ворота противника. Это был точный красивый мяч с позиции крайнего правого... Маленький и быстрый форвард, пробежав по краю зеленой площадки и ловко обведя противника, точным ударом вбил гол. Аплодисменты...».

Такие или подобные воспоминания еще каких-нибудь пятнадцать—двадцать лет тому назад можно было услышать и на знаменитой одесской футбольной «бирже», что на Соборной площади. Но время в прямом смысле «берет» свое: уходят свидетели былых футбольных баталий, славы, надежд, разочарований и побед. Остаются книги...

1983—1987

ПРИМЕЧАНИЯ

Прогулка первая
ВЕТРЫ ВРЕМЕНИ

Потемкинская лестница

- ¹ *Дерибас М.* Рассказы одесского старожила // Из прошлого Одессы. Сб. статей. Сост. Л. М. Дерибас. — Одесса, 1894. — С. 370.
- ² Цит. по Селинов В. И. Архитектурні пам'ятники старої Одеси. — Одеса, 1930. — С. 17.
- ³ *Нечуй-Левицький І.* Над Чорним морем. — К.: Видання Є. П. Череповського. 1906. — С. 39.
- ⁴ *М. П. Алексеев. А. Н. Островский в Одессе* // А. Н. Островский. 1823—1923. Сб. статей под редакцией Б. В. Варнеке. — К., 1923. — С. 170.
- ⁵ *Полонский Я. П.* Дешевый город // Я. П. Полонский. Полн. собр. соч. — СПб.: Издание Ж. А. Полонской, 1886. — Т. 7. — С. 385.
- ⁶ *Коновалов В. Г.* Барометр показывает бурю. — Одесса, 1980. — С. 217.
- ⁷ *Шкловский В. Б.* Человек из кадра. — Советский экран. — 1972. — № 21.
- ⁸ Асеев Н. Как снимался фильм «Броненосец «Потемкин» / Огонек. — 1926. — № 3.

Лечебница доктора Дюбуше

- ¹ *Алейников Л.* Русский авиатор Уточкин. — Одесса, 1911. — С. 74.
- ² *Крупская Н. К.* Воспоминания о В. И. Ленине в 5 т. — М., 1984. — Т. 1. — С. 336.
- ³ Беседа с В. Катаевым, январь 1982 г.

Воронцовский дворец

- ¹ Одесская старина. — Одесса, 1869. — С. 9.
- ² Дневники В. А. Жуковского. — СПб., 1901. — С. 353.
- ³ *Ган Е.* Теофания Аббаджно. — Полн. собр. соч.

Е. А. Ган.— СПб.: Изд-во Н. Ф. Мертца. 1905.— С. 425.

- ⁴ Цит. по Селінов В. І. Воронцовський палац як культурно-історичний пам'ятник м. Одеси // Вісник Одеської Комісії Краєзнавства.— Одеса, 1929.— № 4—5.
- ⁵ Там же.
- ⁶ Там же.
- ⁷ Одесская старина.— С. 12—13.
- ⁸ Одесские новости.— 1917.— 5 марта.

Румчерод

- ¹ Цит. по Селінов В. І. Архітектурні пам'ятники старої Одеси.— С. 14.
- ² Вечерние «Известия».— 1924.. 9 дек.
- ³ *Маяковский В. В.* Рожденные столицы // Владимир Маяковский. Полн. собр. соч. в 13 т.— М., 1958.— Т. 9.— С. 430.

Городская дума

- ¹ *Морозов П.* Одесса в 1830 году // Соч. П. Т. Морозова.— М.: Типография Е. И. Погодиной. 1883.— С. 418.
- ² Скиталец. Этапы.— М., 1937.— С. 182.
- ³ Цит. по Селінов В. І. Архітектурні пам'ятники старої Одеси.— С. 12.
- ⁴ Одесский листок.— 1909.— 27 сент.
- ⁵ *Олеша Ю.* Бульвар // Бомба.— 1917.

Опродкомгуб

- ¹ *Москвич Гр.* Иллюстрированный практический путеводитель по Одессе.— Одесса, 1904.— С. 15.
- ² *Окс Е.* Воспоминания.— Рукопись.— Хранится в семье автора.
- ³ ГАОО, ф. Р-1263, оп. 3, д. 346, л. 6.
- ⁴ Там же, ф. Р-105, оп. 1, ед. хр. 112, л. 9.

Зал горсовета

- ¹ *Чуковский К.* Страницы из дневника // Юность.— 1982.— № 3.
- ² *Нилус П.* Сестры Ван-Ли // Петр Нилус. Рассказы.— М.: Тип. т-ва И. Д. Сытина. 1910.— С. 10.

«Дворец спорта и искусств»

- ¹ Одесский листок.— 1894.— 28 дек.

- ² Петербургская газета.— 1905.— 4 авг.
- ³ Одесские новости.— 1918.— 13 дек.
- ⁴ Известия (Од.) 1920.— 9 нояб.
- ⁵ ГАОО, ф. Р-4509, оп. 1, ед. хр. 175, л. 48.
- ⁶ Там же.
- ⁷ Там же, л. 69.

Прогулка вторая

«ТАМ ДОЛГО ЯСНЫ НЕБЕСА...»

Театр

- ¹ *Долгорукий И. М.* Славны бубны за горами, или Путешествие мое кое-куда 1810 года //Чтения в императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете.— М., 1869.— Кн. 2.— С. 153.
- ² *Белинский В. Г.* Сочинения Александра Пушкина /Белинский В. Г. Полн. собр. соч.— М., 1955.— Т. 7.— С. 129.
- ³ Одесский вестник.— 1827.— 20 апр.
- ⁴ *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.— М., Л., 1937.— Т. 13.— С. 328.
- ⁵ *Ган Е.* Номерованная ложка //Полн. собр. соч. Е. А. Ган.— С. 391.
- ⁶ *Полонский Я. П.* Дешевый город.— С. 255.
- ⁷ *Пушкин А. С.* Собр. соч. в 10 т.— М., 1962.— Т. 9.— С. 70.

Дом Пушкина

- ¹ *Лернер Н.* Одесса в 1830 году // Одесские новости.— 1913.— 26 февр.
- ² Записки Филиппа Филипповича Вигеля // Русский архив.— 1892.— Кн. 3.— С. 89.
- ³ *Зеленецкий К. П.* Сведения о пребывании А. С. Пушкина в Кишиневе и Одессе // Москвитянин.— 1854.— Т. 3.— № 9.— Май.— Отд. У.-С.
- ⁴ Одесский вестник.— 1880.— 8 июня.
- ⁵ Там же.— 24 мая.

Лицей

- ¹ Яковлев, Юрченко, Аббат Николь и первые годы Ришельевского лицея //Новороссийский календарь на 1881 г.— Одесса, 1890.— С. 84.
- ² Там же. С. 85.
- ³ Вечерняя Одесса.— 1984.— 21 июля.
- ⁴ Дневники В. А. Жуковского. СПб., 1901.— С. 354.
- ⁵ Полонский Я. П. Дешевый город.— С. 172—173.
- ⁶ Яковлев В. А. Отзывы о Пушкине с юга России.— Одесса, 1887.— С. 10.
- ⁷ Там же. С. 154.
- ⁸ Ришельевский лицей и Императорский Новороссийский университет.— Одесса, 1898.— Ч. 1.— С. 82.
- ⁹ Зеленецкий К. П. Заметка о Пушкине и Мицкевиче // Одесский вестник.— 1858.— 18 февр.
- ¹⁰ Одесский листок.— 1899.— 20 нояб.
- ¹¹ Цит. по Бабореко А. И. А. Бунин. Материалы для биографии.— М., 1983.— С. 87.
- ¹² А. М. Федоров. Природа.— М.: Московское книгоиздательство, 1911.— С. 210—212.

Стена карантина

- ¹ Одесский вестник.— 1827.— 13 апр.
- ² Вечерняя Одесса.— 1985.— 22 июня.
- ³ Одесский листок.— 1909.— 14 июля.
- ⁴ Ган Е. Теофания Аббиаджио // Полн. собр. соч. Е. А. Ган.— С. 446—447.
- ⁵ Гехт С. Вместе //Литературный современник.— 1941.— № 1.
- ⁶ Одесские новости. Иллюстрированное приложение.— 1900.— 3 сент.

Дача Ланжерона

- ¹ Полонский Я. П. Дешевый город.— С. 504.
- ² Русский архив.— 1895.— № 10.
- ³ Зильберштейн И. С. Парижские находки. Дневник Аннет Олениной. //Огонек.— 1966.— № 49.
- ⁴ Нечуй-Левицкий I. Над Чорным морем.— С. 40.
- ⁵ Стихи В. Катаева цитируются по тексту пригласительного билета на выставку «Писатель и время», посвящен-

ную творчеству писателя.— Одесский государственный литературный музей, 1987.

«Музеум древностей»

- ¹ Из одесских воспоминаний П. Т. Морозова //Русский архив.— 1877.— Кн. 3.
- ² *Константин Батюшков*. Избранная проза.— М., 1988.— С. 418.
- ³ Цит. по Тхоржевский С. Странник //Сергей Тхоржевский. Портреты пером.— Л., 1982.— С. 109.
- ⁴ *Яковлев В. А.* Отзывы о Пушкине с юга России.— С. 119.
- ⁵ Библиографические записки.— 1859.— № 18.
- ⁶ *Зеленецкий К. П.* Сведения о пребывании А. С. Пушкина в Кишиневе и Одессе.
- ⁷ *Яковлев В. А.* Отзывы о Пушкине с юга России.— С. 9.
- ⁸ *Олеши Ю.* Бульвар //Бомба.— 1917.— № 11.

Памятник Пушкину

- ¹ Поиск материалов о К. М. Базили произведен по совету Г. Д. Зленко, за что автор приносит ему искреннюю благодарность.
- ² Одесский вестник.— 1880.— 22 мая.
- ³ Там же. 27 июня.
- ⁴ *Гинзбург Л.* Встречи с Багрицким //Эдуард Багрицкий. Воспоминания современников.— М., 1973.— С. 184.
- ⁵ Из прошлого Одессы.— С. 151.
- ⁶ Чорноморська комуна.— 1941.— 15 черв.
- ⁷ *Смехов В.* Без отдыха и паузы //Воспоминания о Высоцком //Аврора.— 1986.— № 6.

Прогулка третья ЛИТЕРАТУРНЫЕ 1920-е

Театр на Большом Фонтане

- ¹ *Дорошевич В.* В чистый понедельник //В. М. Дорошевич. Собр. соч.— М.: Издание Т-ва И. Д. Сытина. 1906.— Т. 6.— С. 162.
- ² Южная мысль.— 1895.— 20 июля.
- ³ Там же, 1914.— 17 июня.
- ⁴ Известия (Одесса).— 1923.— 4 марта.

«Зеленая лампа»

- ¹ Отчет одесского отделения императорского Русского музыкального общества и состоящей при нем консерватории за 1913—1914 год. — Одесса: Тип. «Спорт и наука», 1914. — С. 12.
- ² Записано со слов друга Ю. К. Олеси — С. В. Ляховского.
- ³ Бомба. — 1917. — № 30.
- ⁴ Фигаро. — 1918. — № 18.
- ⁵ Долинов Г. Воспоминания об одесском литературно-художественном кружке «Зеленая лампа». Рукопись. Л.: Гос. публичная б-ка им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. — ф. 260, ед. хр. 1.
- ⁶ Беседа с В. П. Катаевым 14 янв. 1982 г.
- ⁷ Беседа с С. С. Наровчатовым 1 авг. 1979 г.

ЮГРОСТА

- ¹ В огне гражданской войны. Сборник документов и материалов. — Одесса, 1962. — С. 361.
- ² Цит. по Л. Никулин. Годы нашей жизни. Воспоминания и портреты. — М., 1966. — С. 268.
- ³ Литературное наследство. Из творческого наследия советских писателей. — М., 1965. — Т. 74 — С. 391.
- ⁴ Литературная Россия. — 1975. — 3 окт.
- ⁵ ГАОО, ф. Р-599, оп. 1, д. 229, л. 4, 5.
- ⁶ Там же, л. 8.
- ⁷ Там же, л. 7.
- ⁸ Там же, л. 3.
- ⁹ Известия (Одесса). — 1920. — 27 авг.

«Коллектив поэтов»

- ¹ Гернет Н. 1920 год. Одесса. — Рукопись. — Архив сына Н. Гернет.
- ² Литературная газета. — 1947. — 12 апр.
- ³ Известия (Одесса). — 1920. — 3 нояб.
- ⁴ Там же, 28 нояб.

Театр-иллюзион «Урания»

- ¹ Цит. по Бабореко А. И. А. Бунин. Материалы для биографии. Изд. второе. — М., 1983. — С. 257.

- ² Известия (Одесса).— 1920.— 17 июля.
- ³ Там же, 22 июля.
- ⁴ Цит. по копии воспоминаний Е. Окса, хранящейся в архиве автора настоящей работы.

Редакция газеты «Моряк»

- ¹ *Гранин Д.* Чужой дневник // Наука и религия.— 1984.— № 4.
- ² Цит. по Дерibas А. Старая Одесса. Дни юности // Одесский листок.— 1910.— 11 мая.
- ³ *Крейн А.* Жизнь музея.— М., 1979.— С. 156.
- ⁴ *Пушкин.* Статьи, материалы.— Од., 1925.— Вып. 1.— С. 50.
- ⁵ *Полонский Я.* Дешевый город.— С. 16.
- ⁶ Моряк.— 1921.— 23 июня.
- ⁷ Водный транспорт.— 1969.— 6 мая.
- ⁸ Беседа с В. П. Катаевым 14 января 1982 года.
- ⁹ Моряк.— 1921.— 28 июня.
- ¹⁰ Водный транспорт.— 1969.— 6 мая.
- ¹¹ Моряк.— 1921.— 23 июня.
- ¹² *Куварзин А. И.* Дорогами нескончаемых битв.— К., 1982.— С. 125.

Кафе поэтов «ХЛАМ»

- ¹ Гос. публичная б-ка им. М. Е. Салтыкова-Щедрина.— Л.: ф. 260, ед. хр. 30.
- ² Известия (Одесса).— 1921.— 25 июня.
- ³ Там же, 3 июля.
- ⁴ На помощь (Одесса).— 1921.— 15 авг.
- ⁵ Цит. по воспоминаниям Т. Лишиной «Так начинают жить стихом».
- ⁶ На хлеб (Одесса).— 1921.— 29 авг.
- ⁷ Зритель (Одесса).— 1922.— № 9.
- ⁸ Одесский государственный литературный музей.— КП-9960, Р-1064.

Редакция газеты «Станок»

- ¹ *Потапенко И.* Чудо Одессы // Красная газета.— 1927.— 11 июля.
- ² Красная оборона.— 1920.— 23 июля.

³ Гудок.— 1926.— 7 нояб.

⁴ Станок.— 1921.— 3 дек.

Дом Эдуарда Багрицкого

¹ *Лишина Т.* Встреча с поэзией /Эдуард Багрицкий. Воспоминания современников.— С. 85.

² Беседа с Б. В. Бобовичем 6 июля 1974 г.

³ Беседа с Л. Г. Багрицкой 24 октября 1965 г.

⁴ Беседа с Л. Г. Багрицкой 28 октября 1965 г.

Дом Ильи Ильфа

¹ Цит. по копии письма И. Ильфа, любезно предоставленной автору этих строк В. Орловой.

² Цит по Бондарин С. Милое воспоминание //Сергей Бондарин. На берегах и в море.— М., 1981.— С. 400.

³ Беседа с С. С. Березовым 23 января 1976 г.

Дом Юрия Олеша

¹ *Константин Паустовский.* Собр. соч. в 9 т.— М., 1986.— Т. 9.— С. 77.

² Бомба (Одесса).— 1917.— № 1.

³ Беседа с В. В. Орловой 26 декабря 1968 г.

Домик Константина Паустовского

¹ Одесские новости.— 1913.— 25 июля.

² *Аркадий Гайдар.* Собр. соч. в 4 т.— М., 1973.— Т. 4.— С. 524.

³ Приносим искреннюю благодарность директору народного музея К. Г. Паустовского (Москва) И. И. Комарову за сообщение о конверте письма А. Гайдара, хранящегося в Гослитмузее.

⁴ Цит. по копии автографа К. Паустовского на книге «Время больших ожиданий», подаренной А. А. Аренбергу, хранящейся у автора.

⁵ Литературная газета.— 1983.— 16 марта.

Прогулка четвертая АДРЕСА ПАМЯТИ

Воронцовский маяк

- ¹ *Вишневский Вс.* Собр. соч. в 5 т.— М., 1954.— Т. 1.— 307.
- ² Беседа с Вс. Азаровым. 18 июля 1985 г.

Пакгаузы

- ¹ Путеводитель по Одессе Г. Москвича.— 1905.— С. 187.
- ² Известия.— 1944.— 12 апр.

Портовая эстакада

- ¹ *Олеша Ю.* Пятый год.— Бомба.— 1917.— № 7.

Пушка

- ¹ *Ган Е.* Номерованная ложа // Полн. собр. соч. Е. А. Ган.— С. 418.
- ² *Маркевич Б.* Из прожитых дней // Полн. собр. соч. Б. М. Маркевича. СПб., 1885.— Т. 11.— С. 415.
- ³ *Дерибас А. М.* Старая Одесса.— С. 244.
- ⁴ *Тарле Е. В.* Крымская война.— М.-Л., 1950.— Т. 2. С. 7.
- ⁵ *Ленц Н. И.* Бомбардирование Одессы (10 апреля 1854 года).— Одесса, 1905.— С. 101.
- ⁶ *Скальковский К.* Воспоминания молодости.— С. 61.
- ⁷ Одесские новости.— 1904.— 11 сент.
- ⁸ *Олеша Ю.* Бульвар // Бомба.— 1917.

Фуникулер

- ¹ Одесский листок.— 1902.— 10 июня.
- ² Известия Одесской городской Думы. — Одесса, 1898.— Т. 1.— С. 186.
- ³ Одесский листок.— 1902.— 10 июня.
- ⁴ Известия (Одесса).— 1926.— 21 сент.
- ⁵ Труд.— 1948.— 6 марта.

Кондитерская Замбрини

- ¹ *Чехов А. П.* Полн. собр. соч. и писем в 30 т. Письма в 12 т.— М., 1976.— Т. 3.— С. 233.
- ² *Скальковский К.* Воспоминания молодости. СПб., 1906.— С. 68.
- ³ *Чехов А. П.* Полн. собр. соч. и писем. Письма.— Т. 3.— С. 233.

Гостиница «Крымская»

- ¹ Одесский вестник.— 1870.— 19 мая.
- ² Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина. Отдел рукописей, ф. 135.1.46,5, л. 32.
- ³ Там же, ф. 135.2.6.25, л. 9.
- ⁴ Чехов А. П. Полн. собр. соч. Письма.— Т. 11.— С. 111.
- ⁵ Беседа с М. Т. Киселевым.— 27 февр. 1973 г.
- ⁶ Письмо Д. Бурлюка от 14 авг. 1964 г.

Театр и гостиница «Северная»

- ¹ Новороссийский календарь на 1872 г.— Одесса, 1871.
- ² О Чехове. Воспоминания П. А. Сергиенко //Ежемесячные литературные и популярно-научные приложения к журналу «Нива» на 1904 г. за сентябрь, октябрь, ноябрь и декабрь.— СПб., Изд. А. Ф. Маркса.— С. 214, 218—219.
- ³ Каратыгина К. А. Воспоминания об А. П. Чехове //Литературное наследство— М., 1960— Т. 68.— С. 577, 580.
- ⁴ Вечерняя Одесса.— 1987.— 1 апр.
- ⁵ Моряк.— 1921.— 15 марта.
- ⁶ Известия (Одесса).— 1924.— 19 февр.
- ⁷ Вечерняя Одесса.— 1983.— 2 июля.
- ⁸ Чорноморська комуна.— 1940.— 14 апр.

Кафе Фанкони

- ¹ Суфи. Кафе //Шквал.— 1928.— № 27.
- ² Нарбут Б. 7 февраля 1920 г. //Известия.— Одесса, 1921.— 7 февр.
- ³ Известия (Одесса).— 1921.— 25 июня.
- ⁴ Братья Тур. Одесса //Красная панорама.— 1929.— № 1.

Советской Армии, 23

- ¹ Зеленецкий К. П. Записки о бомбардировании Одессы 10 апреля 1854 года.— Одесса, 1855.— С. 284.
- ² Полонский Я. Дешевый город.— С. 284.
- ³ Письмо Е. Танка.— 1969.— 2 дек.
- ⁴ Одесский вестник.— 1889.— 2 дек.
- ⁵ Бобович И. «Все, что память сберечь мне старается», рукопись. Цитируется по экземпляру, любезно предоставленному автором.

Фруктовый пассаж

- ¹ ГАОО, ф. Р-1263, оп. 2, ед. хр. 490, л. 6.

Новый базар

- ¹ Литературное наследство. Из литературного наследия советских писателей.— Т. 74.— С. 442.
- ² Кипен А. В октябре //А. Кипен. Собр. соч.— М.:Л., Изд-во «Земля и фабрика», 1928.— Т. 2.— С. 110.
- ³ Вечерние известия.— 1928.— 7 янв.

Ипподром

- ¹ Одесские новости.— 1910.— 9 марта.
- ² Отчет Одесского аэроклуба (с 11 марта 1908 по 10 мая 1910 года).— Одесса., 1910.— С. 200.
- ³ Библиотека воздухоплавания.— 1910.— № 7.
- ⁴ Одесские новости.— 1910.— 13 ноября.

Стадион

- ¹ Беседа с С. Г. Березовым.
- ² Воспоминания о Юрии Олеше.— М.: Советский писатель, 1975.— С. 58.
- ³ Там же. С. 69.

Содержание

Прогулка первая	3	От автора
	7	Потемкинская лестница
	13	Лечебница доктора Дюбуше
ВЕТРЫ	17	Воронцовский дворец
ВРЕМЕНИ	21	Румчерод
	25	Городская дума
	29	Опродкомгуб
	34	Зал Горсовета
	39	«Дворец спорта и искусств»
Прогулка вторая	47	Театр
	53	Дом Пушкина
	59	Лицей
«ТАМ ДОЛГО	66	Стена карантина
ЯСНЫ НЕБЕСА...»	72	Дача Ланжерона
	77	«Музеум древностей»
	83	Памятник Пушкину
Прогулка третья	91	Театр на Большом Фонтане
	96	«Зеленая лампа»
	104	ЮгРОСТА
ЛИТЕРАТУРНЫЕ	116	«Коллектив поэтов»
1920-е	121	Театр-иллюзион «Уранния»
	126	Редакция газеты «Моряк»
	133	Кафе поэтов «ХЛАМ»
	141	Редакция газеты «Станок»
	148	Дом Эдуарда Багрицкого
	154	Дом Ильи Ильфа
	159	Дом Юрия Олеши
	166	Домик Константина Паустовского

Прогулка
четвертая

АДРЕСА ПАМЯТИ

- 175 Воронцовский маяк
179 Пакгаузы
183 Портовая эстакада
186 Пушка
190 Фуникулер
194 Кондитерская Замбрини
198 Гостиница «Крымская»
203 Театр и гостиница «Северная»
207 Кафе Фанкони...
213 Советской Армии, 23
216 Фруктовый пассаж
222 Новый базар
229 Ипподром
234 Стадион
240 Примечания

Александров Ростислав

**ПРОГУЛКИ
ПО ЛИТЕРАТУРНОЙ ОДЕССЕ**

Художественный редактор В. Е. Ефремова
Технический редактор В. Н. Соловьева
Корректор А. Л. Малиновская
Фото С. В. Калмыкова

Н/К

Сдано в набор 05.08.91. Подписано в печать 25.02.92.
Формат 70×100¹/₃₂. Бумага типографская № 1. Гарни-
тура литературная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 10,1.
Уч.-изд. л. 8,0. Тираж 15 000 экз. Зак. 2089.
Одесская книжная фабрика РПО «Полиграфкнига».
270008, Одесса-8, ул. Дзержинского, 24.

- А46 Александров Р.
Прогулки по литературной Одессе.— Одесса.:
1992.— 248 с.: ил.
ISBN 5-86268-022-5

В иллюстрированной редкими фотографиями книге автор рассказывает о наиболее примечательных зданиях и памятниках города, отображенных в творчестве А. Пушкина, Н. Гоголя, И. Печуй-Левицкого, И. Бунина, А. Куприна, А. Толстого, В. Маяковского, В. Сосюры, В. Катаева и других известных писателей, жизнь и творчество которых тесно связаны с Одессой.

А 4205000000-003
М246(04)-93

ББК 83.3(2)л6

СЕПРОС

ЭКСПОРТ — ИМПОРТ ТОВАРОВ И УСЛУГ

270021, Одесса, ул. Садовая, 16.

Тел. 26-97-75, 26-97-76.

Факс 26-97-74.

Телекс 232153 Орлан.

1-00

